

МАРИНА РЯБЧЕНКОВА

АННА
ЛОУРЕНС

Annotation

Меня зовут Виктория. Таинственным образом меня унесло в прошлое и теперь в моем распоряжении чужое тело и не моя жизнь.

В пятидесятых непросто, а если это альтернативная реальность — вдвойне непросто. Когда возникли проблемы, разрешить их вызвался самый привлекательный мужчина в моей жизни. Но ничего в мире не делается просто так...

- [Анна Лоуренс](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
-

Анна Лоуренс

Глава 1

Если желаешь чтобы мир изменился, сам стань этим изменением.

Махатма Ганди.

Я очнулась в доме, обставленном в стиле ретро. Думаю, 50–х или 60–х. В этом доме бежевые стены, темный ковер, квадратные кресла и диван на тонких ножках. Над головой круглая тканевая люстра.

Я не знаю этот дом.

На моих руках хозяйственные перчатки, а под ногами таз с грязной водой.

«Я мыла пол!?» — подумала я, и в сознании словно что-то надломилось.

Из рук падает тряпка. Пульс набирает темп.

«Где я? Кто я?».

Я искала людей, но напрасно. В доме я совсем одна и, судя по расставленным повсюду картонным коробкам с надписями «гостиная», «прихожая», «хрупкое», не так давно был переезд.

Сбросив с рук перчатки, увидела на пальце обручальное кольцо и едва не снесла в гостиной телевизор. Небольшой ящик на ножках с выпуклым экраном чудом остался стоять на месте.

Отлепила глаза от кольца уже в кухне. Взгляд торопливо метнулся от большого холодильника с округлыми краями к квадратной белой плите старого образца — такие давно не выпускают. Над столешницей полка с расставленными на ней железными банками — выстроены в ряд в порядке уменьшения с дотошной точностью в промежутках между ними. Над раковиной широкое окно с белыми занавесками.

Заглянула в кладовую при кухне, а там от пола до потолка расставлены консервы, стеклянные банки и крупы. Все чисто и аккуратно, как с картинки.

Шарахаюсь по дому, как безумная.

Во всем доме может и не быть зеркал, но в ванной будет обязательно! В догадке не ошиблась и, когда увидела свое отражение,

челюсть рухнула вниз.

Я — это по-прежнему я, вот только блондинка. Распустив пучок волос, потрясенно уставилась на короткие волосы — сейчас они чуть ниже плеча, а были ниже лопаток! А когда взгляд остановился на лице, сразу скривилась: мои тонкие губы не позволяют носить яркую красную помаду, иначе создается впечатление, будто они поджаты; стрелки на веках — что ж, недурно; ну а брови... У меня глубоко посажены глаза, и брови с приподнятыми вверх уголками придавали моему лицу выражение строгости, а здесь, прямо избегая такого эффекта, им попытались придать форму полукруга. В целом на мне образ не самой привлекательной глупышки. Так я еще никогда не выглядела.

Смыла макияж, и брови стали прежними, но будто тоньше. Теперь мое привычное серьезное лицо обрело злое выражение.

Уничтожу шутника, что устроил это со мной!

Сбежала вниз по лестнице, вышла за порог дома, замерла. Злость испарилась мгновенно, а взамен пришло искреннее недоумение. На улице тепло и солнечно, поскрипывают качели, на соседских лужайках играют дети, две женщины в красивых платьях большими садовыми ножницами стригут зеленый куст. На их лице тот же макияж, что был на мне минутами ранее...

На улице тихо и спокойно. Безопасно. Но я, как статуя с живыми глазами, с недоверием оцениваю то, что вижу. Все дома стоят в ряд, как по линейке, и ничем не отличаются друг от друга. Все они белые, двухэтажные, одинаковой высоты и ширины. В каждом из таких домов есть гараж и большая, во всю ширину дома, открытая веранда. Даже зеленые кусты вдоль безупречно белого забора высажены как по шаблону. Признаком хоть какой-нибудь индивидуальности служат садовые украшения на лужайках: фламинго, гномы, котята и щенки.

Я поднесла пальцы к глазам, чтобы убедиться, точно ли на моем лице нет очков, потому что четкость, с которой вижу все вокруг, потрясает. Еще раз оглядевшись, принимаю истину: каким-то чудом я стала обладателем превосходного зрения!

— Доброе утро! — приветливо машет рукой женщина с крыльца дома напротив. Улыбается. Блондинка с аккуратно уложенными волосами достала из желтого ящика газету и опять мне улыбнулась.

Без энтузиазма я махнула ей рукой и сразу направилась к синему ящику с белой надписью: «Стоун».

Нырью рукой в ящик и достаю газету.

В моих руках номер от 16 августа 1956 года. Понедельник.

Закрывает глаза и открывает снова — дата осталась прежней. Встряхнула газету, как будто это могло помочь. Сделала это еще раз, и опять, затем бросила газету под ноги, сдерживая ярость. А ярость быстро сменилась паникой, и, когда доводов поверить в невозможное стало больше, задрожали губы.

Я бы поверила в отлично организованную шутку, вот только создать целый ретро-город — уже перебор. Задыхаюсь и делаю то, что не догадалась сделать раньше: задираю рукав по самый локоть и... не нахожу шрама — мой вечный спутник с самого детства, когда собака едва не оттяпала мне руку.

— Освоились?

У меня сердце ойкнуло. Передо мной возникло лицо с безумно широкой улыбкой.

— Что?

— Как вам здесь? — женщина в желтом платье бесцеремонно проходит за калитку. — Вы здесь уже две недели, а нам так и не довелось познакомиться поближе. Я — Ани-Мари.

У Ани-Мари большие глаза с длинными ресницами. Ее внешность и голос чем-то напомнили мне лошадь. Добрую лошадь.

«Мое имя — Виктория, — подумала я. — Но девушку с фамилией Стоун, уверена, зовут как-то иначе».

— Давно вы здесь живете? — я выдавила хоть какое-то подобие улыбки.

— Уже год.

— А с мистером Стоуном вы уже успели познакомиться? — вежливо спрашиваю я.

Женщина поменялась в лице.

— Просто подумала, может, вы знаете, где он... — добавила я.

— С вашим супругом я не знакома, — смутилась она и пригладила платье по швам. — Я порядочная замужняя женщина! Как я могу завести знакомство с вашим мужем без вашего присутствия!

— Ясно...

Взгляд соседки стал диким.

— Бог ты мой, вы меня в чем-то подозреваете?!

— Что? — нахмурилась я. Скоро опомнилась. — Нет, конечно, нет. Спрашиваю из любопытства.

— Мистер Стоун уехал в следующий день после вашего переезда. Я вышла на крыльцо как раз в тот момент, когда мистер Стоун сел в машину и уехал, — произнесла она на одном дыхании и сразу же, выпучив глаза, добавила:

— Простите, вы не знаете где ваш муж?

— Мари-Эн...

— Ани-Мари, — прохладно поправила она.

— Странный у нас получился диалог, — смущенно улыбаюсь женщине. — Поймите, мы только переехали, и у меня в голове такой бардак. В моем доме бардак...

Глаза ее широко раскрылись.

— Вы правы! Переезд и все, что с ним связано, — это ужас. Как вы на ногах держитесь, просто удивительно.

— Я тоже этому удивляюсь, — дружелюбно сказала я. — Что же, мне пора возвращаться к работе. Была рада знакомству.

Я поспешно развернулась и захлопнула дверь. С моей стороны получилось невежливо. Впрочем, разве это меня сейчас волнует?

1956 год! Каким ветром меня унесло на полвека в прошлое?

— Не может быть, — лепечу себе под нос, обеими ладонями ухватившись за голову. — Невозможно!

Поднимаюсь на второй этаж.

По образованию и профессии я юрист. Не замужем. Проживаю одна с огромным мохнатым котом по кличке «Важный». Я живу не в этом доме. У меня есть квартира, пусть небольшая, но моя и точно не под ретро.

Голова идет кругом. Может, это все же отлично организованная шутка?

В одной из комнат, большую часть которой занимает кровать, открываю одежный шкаф и на вешалке нахожу мужской деловой костюм, а по соседству два платья. Платья приталены, с юбкой средней пышности до колена. Оранжевое сразу отмела в сторону и взяла платье сдержанного зеленого оттенка.

Переодеваюсь.

В кармане платья есть две бумажные купюры, гладкие и золотистые, внешне напоминают слиток золота с черной надписью «Баллион». На обратной стороне купюры изображен...

— Стилпоезд, — прочла я надпись в уголке купюры.

Стилпоезд в целом и есть поезд, но не такой, каким я привыкла его видеть: округлый, с суженной как у акулы мордой и внушительными стальными колесами по бокам.

«Такого не было в пятидесятых, — рассеянно понимаю я. — Я точно там, где думаю?».

Спускаюсь вниз по лестнице и выхожу за порог дома. На улице мало что изменилось, разве что детей стало больше. Выхожу за калитку и не спеша двигаюсь вниз по улице, не имея перед собой четкой цели. Одинаковые дома так и тянутся плотной цепочкой до станции Гринпарк, названной именем самого городка.

Потребовалось всего полчаса, чтобы достигнуть окраины города — настолько Гринпарк мал.

На станции, что представляет собой высокий деревянный навес на нескольких опорах, стоит стилпоезд: большой, цвета хаки, с округлым как каска головным вагоном, по центру которого установлен ромбообразный фонарь. Эта машина выглядит существенно проще той, что изображена на денежной купюре.

Справа два кассовых окна. К одной из касс склонилась женщина.

— Данфорд. Западная станция, — попросила она. Ее трехлетняя златокудрая девочка крепко держится за юбку матери.

— Четыре баллиона, миссис Грэм, — дружелюбно сказал человек в зеленом козырьке за стеклом и через окошко протянул женщине билет.

Когда касса стала свободна, к тому же окошку подошла я. Вынула из кармана золотую купюру с цифрой 20 на ней и протянула ее мужчине за стеклом.

— Данфорд. Западная станция, — тихонько проговорила я.

Кассир сразу протянул мне билет. Отсчитал сдачу и следом протянул ее мне.

— Приятной поездки, — дружелюбно сказал он мне.

Я вышла на перрон и нерешительно подошла к огромному зеленому монстру. «Технология будущего» выгравировано на его брюхе.

Мой взгляд упал на рельсы — к моему удивлению, эта дорога рассчитана на три колеса...

Я протянула проводнику свой билет. Ступив на лесенку-подножку, шагнула вглубь стилпоезда. Здесь светло. Под ногами однотонные зеленые ковры, а справа, вдоль стены, тянется цепочка из маленьких круглых ламп.

Я недолго искала свое купе. Открыла дверь с номером шестнадцать и вошла внутрь.

В купе, рассчитанном на шесть персон, пока что я одна. Здесь синие тканевые сидения, стол и настольная желтая лампа.

Расположившись у окна, сложила перед собой руки. Некоторое время смотрю на обручальное кольцо на безымянном пальце: тонкое, классическое с маленьким камешком по центру. Снимаю его и сразу прячу в карман.

Раздался гудок. Я посмотрела в окошко своего купе — люди заторопились вручать свои билеты равнодушному служащему. Через несколько минут раздался второй гудок — стилпоезд слегка качнулся, а когда раздался третий, большая многотонная гусеница очень медленно поползла из тени станции к дневному свету.

За городской чертой стилпоезд разогнался до невероятной скорости, и я спросила у проводника:

— С какой скоростью мы движемся?

— 185 километров, мисс.

Для пятидесятих невероятно! Смотрю в окно, а пейзажи так и проносятся перед глазами... Это объясняет, как из провинциального городка до большого города я добралась за какие-то два часа.

Уже в Данфорде машина медленно поползла по темному туннелю к станции и почти бесшумно остановилась.

Я спустилась по лесенке-подножке, высоко задрав подбородок вверх. Вокзал грандиозен! Здесь высоченные потолки, тяжелые толстые стены и все покрыто гранитом и розовым мрамором; это огромная территория с десятками железнодорожных путей. Повсюду люди, их сотни, а кажется, будто тысячи. Вокзал заполнен звуками их голосов и рокотом десятка двигателей.

Я прохожу вдоль длинной цепочки невероятных, обтекаемой формы машин, что зовутся стилпоездами — черные, бордовые, цвета хаки и цвета золотой меди. Машинный вагон всякого стилпоезда

оборудован парой внушительных колес по обе его стороны. Стальные колеса не установлены где-то снаружи или в глубине машины, они идут вровень с формами кузова.

Какое странное ощущение. Если вокзал и соответствует пятидесятым, то поезда в нем значительно опережают свой век. В этом месте, в вокзале Данфорда, будто столкнулись и переплелись между собой два временных потока, прошлое и будущее. Невероятно!

— Куда вы направляетесь, мисс? — вежливо спросил мужчина в темно-зеленой форме с золотыми полосками на плечах и манжетах. Выражение лица спокойно-заинтересованное.

— В город, — сразу говорю я. Забеспокоилась.

— Если вам нужен центр, тогда вам следует пройти к главному выходу, — показывает вправо. — Если вы хотите попасть в центральный парк — выход два. К жилым районам — выход три.

— Мне нужен главный выход, спасибо! — поблагодарила я служащего.

— Всего хорошего, мисс.

Солнечный Данфорд! Небоскребы этого города тянутся к небу, и их заостренные пики сверкают на солнце. Солнце повсюду. Оно светит в глаза и опалает щеки.

На широкой и многолюдной улице километры витрин: бутики, парикмахерские, кофейни. Повсюду море позитивной рекламы — результат работы талантливых художников. Здесь всего так много... Верчу головой, желая увидеть все сразу.

Перед витриной бутика с женскими платьями на манекенах останавливаются две девушки. На них платья в форме песочных часов и туфли со странной формой каблука: невысокий и выпуклый, резко сужается на кончике. Такие туфли носят многие. Даже я!

Тоненькая девушка показывает на витрину, другая задирает нос.

Слишком цветное? Слишком короткое? Слишком открытое? Девушка задает очень много вопросов, а подруга насмешливо кивает головой.

— Я же серьезно спрашиваю, — девушка изобразила обиду, а спустя мгновение подруги как ни в чем не бывало вместе перешли на другую сторону дороги.

Перед витриной «Телевизоры Андерсона» собралась толпа. Девушки и юноши с восторгом уставились в экран большого

квадратного ящика на острых ножках, где в черно-белом цвете выступает привлекательный певец. Девочка-подросток едва не прижалась носом к витрине, когда кумира показали крупным планом.

Я уставилась на другую витрину. За стеклом парикмахерской «Лили» на скамейке для ожидания сидят блондинки, пепельные, золотые и... белые как бумага. Мой взгляд сфокусировался на собственном отражении в стекле.

Я уверенно вошла внутрь.

— Я могу покрасить волосы сейчас? — сразу спросила я.

— Конечно, — улыбнулась мне женщина с большими черными стрелками на веках. — Подождите минутку, и вами займутся.

Минутка длилась больше получаса. Когда с кресла мастера поднялась крупная женщина с объемной укладкой на голове, меня пригласили.

— В тот же цвет? — спрашивает мастер, когда я села в высокое темное кресло перед зеркалом.

— Нет. Мне нужен каштановый, — спокойно говорю я, а брови женщины удивленно взметнулись вверх. Мастер-мужчина вместе с клиенткой за соседним креслом на короткое мгновение уставились на меня. Когда отвели взгляды, сделали это почти одновременно.

— Что ж, такого чистого цвета вам больше не добиться, понимаете, да? — почти с сожалением сказала женщина, сквозь пальцы пропустив несколько прядей моих волос.

Я улыбнулась, искренне на это рассчитывая.

Когда она отошла готовить краску, в отражении зеркала я смогла заметить тихое любопытство на лицах посетителей парикмахерской. Только сейчас осознала, что за последние несколько часов не видела ни одной ярко выраженной брюнетки.

Чтобы покрасить волосы, ушло без малого два часа. Когда мои волосы обрели темный цвет, с любопытством смотрю в собственное отражение, а женщина с большими стрелками на глазах осторожно спрашивает:

— Нравится?

— Очень, — уверенно заявила я и с тоской подумала о своих некогда длинных волосах.

Когда женщина приготовила бигуди, я категорически отказалась от всякой укладки. Нырнула под сушиар и, глупо хихикая, высушила

под ним свои волосы. По ощущениям, будто просунула голову в турбину самолета.

Я рада сколько-нибудь вернуть свой прежний облик.

Когда вышла из парикмахерской, осмотрелась вокруг. В животе урчит от голода, а тележки уличного питания нигде не видно. Ресторан или кафе на этой улице мне вряд по карману.

С центра ухожу на переулок и за сомнительным темным углом ступаю на узкую улицу. Совсем рядом кафе с округлыми деревянными стульями. Посетителей в нем немного.

Присмотрелась к витрине и поняла, что даже здесь моих денег хватит только на чай.

— Добрый день, — обратилась я к единственному прохожему на улице.

Мужчина, хорошо за тридцать, остановился. Он удивлен. Высокий и строгий, носит деловой костюм, в руке держит черный дипломат.

— Вас не затруднит угостить меня кофе и чем-нибудь съедобным? — вежливо спросила я. Внешне я кажусь спокойной, а на деле сердце бьется где-то в горле.

Его губы зашевелились. Он точно что-то хотел сказать.

— Трудно? — смущенно спросила я.

— Что у вас случилось? — у мужчины внушительный сильный голос.

— Я проголодалась, а денег нет. Беда, — призналась я.

Холодные серые глаза скоро просверлят во мне дыру. Его губы снова зашевелились, но говорить что-либо он опять передумал и прошел в кафе.

— Слушаю вас! — улыбается человек за прилавком.

— Выбирайте, — сказал мне мужчина. Вынимает из кармана кошелек.

— Кофе и кремовое пирожное.

— Два кофе, — резко добавил мой загадочный спонсор.

— 13 баллионов, пожалуйста, — попросил человек за прилавком.

Мужчина расплатился. Мы забрали свой заказ и расположились за круглым столиком рядом с кафе. Над головой зонтик.

— Кто вы? — скорее потребовал мужчина, чем спросил.

— Меня зовут Виктория, — не мешкая ответила я. — А вы?

— Джон. Но я спросил не о том, как вас зовут, а о том кто вы.

— Очень голодная девушка, — в моем тоне чувствуется вежливое упрямство.

Некоторое время молча и с любопытством оцениваем друг друга.

— Хорошо, — наконец сказал мужчина. Пьет кофе. — Как получилось, что вы оказались на этой улице одна?

— Я приехала в город одна.

— В том, что вы не из Данфорда, в этом нет сомнения, — заметил он.

— Это очевидно, потому что я не блондинка? — мои губы растягиваются в легкой улыбке.

— Не только. С вами нет багажа, где вы остановились?

— В багаже нет необходимости. Уже через два часа у меня стилпоезд.

— Куда вы направляетесь? В Илсити? Форклод?

— Возвращаюсь в Гринпарк.

— Откуда едете?

— Откуда и куда — ответ тот же.

Взгляд на смуглом умном лице стал подозрительным.

— Вам хватает? — поспешно спрашиваю я, и на лице мужчины возникает некоторое недоумение. — Я о кофе. Его так мало, — переворачиваю вверх тормашками собственную пустую кружку, кофе в которой было, ей-богу, два глотка. — Мне, к примеру, нет.

Мужчина внимательно смотрит на меня, силясь понять что-то. На квадратном лице с мощной челюстью появилась тень улыбки, и взгляд его метнулся к прилавку кафе.

— Кофе, — жестом показывает, что нужно два.

— Сию минуту! — из кафе раздался голос услужливого хозяина заведения.

— Давайте. Задайте свой вопрос, — говорю я.

Джон глубоко вздохнул. Даже с сожалением, если мне не показалось.

— Боюсь, это будет неприлично.

— Обещаю, моя кружка не покинет пределы этого блюдца, — с дерзкой ухмылкой заверила я. — Ну же...

— Невероятно, — задумчиво проговорил он.

Когда молчание затянулось, сказала я:

— Очень легкомысленная девушка. Так вы подумали обо мне?

Джон нисколько не смущен. Мужчина с интересом рассматривает меня и во взгляде его что-то изменилось.

— Вы не похожи на порядочную девушку с хорошим воспитанием, — из его уст прозвучал не упрек, а констатация факта.

— Допускаю.

— Допускаете?

Другая эпоха. Свои правила. Своя мораль. К этому придется привыкнуть.

— Почему выглядит странным, если девушка хочет прогуляться по городу?

— Странным выглядит ее решение гулять одной по сомнительным районам города, — резко сказал Джон.

— Хорошо, — согласилась я. — Тогда почему желание не быть блондинкой равняется катастрофе, а угостить чашкой кофе... эм... простите, не нахожу сравнения. Джон, вы знаете ответ?

Джон усмехнулся.

— Так диктует общество, — просто ответил он.

— Что будет, если, скажем, послать его к черту?

Непроницаемое лицо медленно-медленно расплылось в улыбке. Только что я подтвердила впечатление девушки с плохим воспитанием.

— Ничего серьезного. Разве что мелкие неприятности, где вас не приглашают на званый ужин или на модные вечера. Но что-то мне подсказывает, вас такими последствиями едва ли можно огорчить.

— Это правда.

— Вы из движения феминисток? — вдруг спросил он. Теперь моя очередь удивленно приподнять бровь.

— Господи, нет, — выдохнула я.

Джон выразительно посмотрел на меня, и я продолжила:

— Однажды проснулась и твердо решила, чего я не хочу.

— И чего вы не хотите?

— Улыбаться, когда я не хочу улыбаться. Не хочу вычищать дом до потери пульса. Не хочу готовить, потому что я ненавижу готовить... Не вижу ничего дурного в том, чтобы попросить для себя кофе у случайного прохожего, потому что я хочу кофе... — задумалась и отчеканила:

— Я не хочу делать массу вещей, выполнение которых предполагает хорошее воспитание.

— Ваш протест — это серьезно? — мужчина смотрит насмешливо.

А я серьезно:

— У меня только одна жизнь и я не хочу прожить ее вот так!

— Ваш кофе! — торжественно произнес хозяин заведения.

Оставил чашки на столе и незаметно удалился.

Джон мельком взглянул на наручные часы.

— На чем собираетесь возвращаться к стилстанции?

— Я пойду пешком.

— Будет достаточно поздно. Я провожу вас, — уверенно заявил он.

С Джоном интересно говорить. Он задал много вопросов и внимательно слушал ответы, а скоро начал высказывать свое мнение на многие вещи, на которые у меня прямо противоположная позиция. Последние минут десять наш диалог напоминал дебаты по вопросам философии жизни и социального равенства.

— Чем вы занимаетесь? — спрашиваю я, когда мы пошли вниз по улице. Мы идем бок о бок, и я хорошо чувствую запах сигар и аромат одеколona, исходящие от мужчины.

— Вы о работе?

— Вы мне напоминаете полицейского.

— Почему я кажусь вам полицейским?

— Ваша осанка, острый взгляд. Наконец, моя интуиция. Я думаю, вы человек, который привык отдавать приказы.

— Я работаю в компании... Не полицейский.

— Вы устроили мне настоящий допрос. В своем предположении я была уверена... Почти.

— Вас будто огорчает, что я не тот, за кого вы меня приняли.

— Нет, это не так, — мой взгляд быстро метнулся к мужчине. — Может, вы занимаетесь не тем?

— Никогда об этом не думал. А чем занимаетесь вы?

— Судя по всему, домохозяйка, — тоскливо сказала я. — Давайте не будем об этом. Мне вот интересно, как вы забрели в эти переулки? Вы так сокращаете путь?

— Скорее наоборот.

— Зачем?

— После работы теплыми вечерами люблю пройтись. Это хорошие улицы, никакой суеты и покоя. Так было, пока не появились вы.

Мы шли вдоль узких улочек, где навстречу изредка шел случайный прохожий. Когда подошли к стилстанции, удивилась, как может быть многолюдно вечером трудового дня: мужчины в деловых костюмах возвращаются в пригород, к женам и детям. Женщин среди них почти нет.

— Вы еще планируете вернуться в Данфорд?

— Да, — твердо говорю я. — И я бы не отказалась от компании друга, если таковой у меня все же есть.

— А вы в этом еще сомневаетесь? — на лице мужчины появилась улыбка.

— А вдруг вы из вежливости проводили глупышку до стилпоезда в надежде, что она больше никогда не вернется.

— В таком случае я бы не спросил ее о планах вернуться в Данфорд.

— Ваша взяла.

Гудок. Оглушительный. Раздражающий. Напоминает, что отправление поезда вот-вот состоится.

— Когда вы планируете вернуться? — спрашивает Джон.

— Не знаю.

— Вы сможете приехать, скажем, дня через три?

— Могу даже завтра, — вырвалось у меня.

— Боюсь, у меня дела, — улыбнулся Джон.

— Тогда в пятницу.

— Мы можем встретиться в том же кафе. В обед.

— Хорошо, — сказала я и ступила на лесенку-подножку поезда.

Мужчина смотрит мне вслед.

Поезд мчится в обратный путь, в Гринпарк, а я бесцельно смотрю в окно в размышлениях о мире, в котором оказалась. Здесь все не так, как в прошлой жизни: другие поезда, другие дома, улицы и даже люди; у людей другой способ мышления, иные ценности, совсем не привычный для меня способ жизни. Здесь даже воздух другой.

Люди говорят на чужом мне языке! Я понимаю его, говорю на нем, но он мне не родной. Я знаю это, потому что помню прежнюю речь — русскую речь, я помню ее звучание. Она осталась в памяти как

очень далекое воспоминание, как песня, слов которой мне уже не разобрать. Это очень странное состояние, когда чувствуешь некий конфликт в собственной голове. Когда одни знания давят под собой другие.

Я вернулась в Гринпарк, на Солнечную улицу, дом 68. Переделалась, умылась, сготовила быстрый ужин и с бокалом красного вина отправилась на второй этаж копаться в вещах женщины, чье место заняла в этой жизни.

Нужно разобраться, кто я новая, кто мой муж и как мне с ним себя вести. Кто мои родственники и друзья. А самое главное, нужно узнать, есть ли у меня деньги... вклад, счет, что угодно.

Документы я нашла на верхней полке одежного шкафа. Анна Стоун — так теперь меня зовут. До замужества — Анна Лоуренс. 1933 года рождения.

Выходит, Анне 23 года.

— Мне теперь 23 года! — потребовалось время свыкнуться с этой мыслью, потому что еще вчера мне было 27.

Мужа Анны зовут Томас Стоун. 28 лет. Судя по фотографии, мужчина приятной наружности.

Школу Анна окончила хорошисткой в Илсити, а затем поступила в колледж искусств.

Что я знаю об искусстве? Ничего не знаю.

Открываю выпускную карточку колледжа и с облегчением выдыхаю. Указанные в ней нормативы никак не связаны с искусством, разве что один. Норматив так и называется «искусство». В остальном колледж готовит девушку к жизни домохозяйки.

Это грустно.

В одежном шкафу нахожу небрежно сваленные фотоальбомы. Их немного.

Когда открыла первый альбом, удивленно уставилась на порванные в клочья черно-белые фотографии. Те, что уцелели, сильно смяты, но изображенных на них людей рассмотреть можно: Анна и еще одна блондинка.

Фотограф сделал акцент на сервировке большого стола, в конце которого стоят миловидная девушка и суровая дама в темном платье. Сколько всего расставлено на столе и с поразительной точностью! В

жизни бы такого не повторила. На обороте фотографии надпись: «Шарлотта. Этикет домохозяйки. Экзамен. Четверка. 1951 г.».

Есть такое же фото, но на месте блондинки Анна. На обороте написано: «Этикет домохозяйки. Экзамен. Четверка +. 1951 г.».

— Четверка с плюсом, — с иронией выдохнула я.

Итак, Шарлотта, судя по всему, подруга времен обучения в колледже. Любопытно, что произошло между ними, если Анна уничтожила едва ли не весь альбом их совместных снимков.

В другом альбоме хранятся фотографии семьи. Надписи на оборотной стороне очень помогли. Теперь я знаю, родителей Анны зовут Бенджамин и Джина Лоуренс. Джина Лоуренс — миниатюрная женщина с тонкими чертами лица. Она закончила швейный колледж, а работала какое-то время телефонисткой. Отец, Бенджамин Лоуренс, высокий мужчина, не самого мужественного вида. На фотографии у него аккуратно постриженные усики с кокетливой завитушкой на кончиках. Брови высоко подняты вверх и будто выщипаны. В общем, образ городского щеголя. Его профессия связана с переработкой древесины.

Переворачиваю толстые страницы альбома и где-то с середины фотографий нет. Рамки для них разорваны так, как если бы изображения вынимали быстро и в ярости. И так страница за страницей.

От увиденного стало как-то не по себе...

В другом альбоме нашлось несколько фотографий родителей Тома. Отец, кажется, сильно старше своей супруги, обладательницы низкого роста и очень жесткого взгляда. На поздних фотографиях отца нет.

«29 июля 1956 год» — написано на обложке последнего альбома, что хранит воспоминания о дне свадьбы Анны и Тома. С некоторым волнением изучаю изображения супругов: рассматриваю каждый их жест и взгляд... Они кажутся счастливыми! У Анны живой взгляд и широкая улыбка. Она определенно была готова к этой жизни.

Фотоальбомы отложены в сторону. Я вернулась к документам и, сопоставив некоторые даты, заключила, что замуж Анна вышла сразу после окончания колледжа. Со дня свадьбы прошло две недели.

В одном из ящиков стола нашла журналы о моде. Ящиком ниже косметика, бигуди, замысловатые тубики, есть заколки, ободки,

резинки и даже вырезанная из журнала фотография певца, того самого, которого видела на экране телевизора в магазине.

Такое чувство, что я роюсь в вещах школьницы, а не взрослой женщины!

Я похоронила всякие надежды на финансовую независимость и крепко задумалась.

Мне придется примерить роль Анны Стоун.

Опять заглянула в ящик с ее личными вещами и сразу закрыла его.

Не представляю, как смогу соответствовать этому образу.

Глава 2

Люди, проникшись эпохой пятидесятых, думая о пятидесятых, сразу представляют красивых людей, машины, дорогую одежду, дома, интерьеры.

Но какова реальность за жизнеутверждающими плакатами и красивыми фильмами?

Чтобы почувствовать это время, достаточно представить свою жизнь без кондиционера, фена, микроволновки, мобильного телефона, компьютера и даже без пульта от телевизора. Прибавьте к этому маниакальное стремление к чистоте!

Отныне я в этих условиях и я несчастлива, потому что привыкла к той жизни, где домашними делами моего дома заняты технологии.

Телевидение — это отдельный разговор. После моей современности смотреть передачи пятидесятых достаточно скучно. Я ничего не имею против ретро, но перспектива смотреть только ретро не самая радужная.

Много передач по кройке и шитью. Даже представить боюсь тот миг, когда нитка и иголка станут обязательными предметами в кармане моего фартука. К слову о фартуках — домохозяйки их носят поверх красивого платья постоянно: во время уборки, во время чаепития, во время просмотра каких-либо передач и только выходя за порог дома, обязательно их снимают.

Я вернулась домой к обеду. Вошла в гостиную и там меня ожидал необычный сюрприз.

— Анна!

Мужчина привлек меня к себе за талию.

Я опешила.

— Скучал по тебе, милая, — хватает за шею и втягивает меня в страстный поцелуй.

— Да кто...? — возмущенно выдохнула я, вытянув перед собой руку.

Я не закончила фразу, а звучать она должна была примерно так: «Да кто ты такой и что себе позволяешь!?!». А еще по замыслу ему

должна прилететь жгучая пощечина, но я вовремя опомнилась, ведь передо мной муж.

Я нахмурилась.

— Что с тобой? — забеспокоился Том Стоун. — И что с твоими волосами?

— Покрасила, — как-то сдавлено изрекла я.

— Но блондинкой ты мне нравилась больше.

Что?!

— Как интересно, — мужчина приглаживает мне волосы и опускается к губам мягко и ненавязчиво. Я вся в напряжении. — Я напугал тебя. Прости.

Поцелуй Тома опять становится настойчивым.

Не так ловко, как могла бы, попыталась отвести мужчину. Старалась сделать это аккуратно, но Томас Стоун стал от этого только напористей. Я стерпела первые несколько секунд и очень даже навязчиво отлепила от себя мужчину.

— Я переборщил? — нежно спрашивает он.

У меня сердце колотится так, что выпрыгнет сейчас из груди и произойдет это отнюдь не в пылу ответной страсти.

— В первый раз я сделаю все правильно, — обещает он.

В первый раз?

У меня брови высоко взметнулись вверх от удивления. А что в брачную ночь-то было?

Истинное потрясение пришло мгновение спустя. Это у меня будет в первый раз?

Ведь мой шрам пропал, а значит, это тело мне не принадлежит. Если Анна осталась девственницей, значит, я... Ну обалдеть!

— Анна, посмотри на меня, — кончиками пальцев Том приподнимает мне подбородок.

— Я не готова, — как истинная девственница выпалила я.

— Снова?

— Что снова? — не поняла я.

— Снова эти дни?

Вот оно что!

— Да, — уцепилась я за возможность.

Том задумался и, похоже, не верит мне. Мужчина отступил на шаг.

— Анна, ты избегаешь меня? — прямо спрашивает он.

Да!

— Нет. Это гормональный сбой. Свадьба, новый дом, переживания. Так бывает, — сказала я. Подошла к Тому и поцеловала его в щеку.

— Прости меня за настойчивость, но когда? — спрашивает он.

— Я не знаю, — сказала я, странно уставившись на мужчину.

Том отсутствовал две недели. Мне кажется странным, что вместо слов радости, долгих разговоров о путешествии и о том, как у меня дела, в конце концов, я сперва должна назвать точную дату нашего соития.

— Как съездил? — спросила я.

— Отлично, дорогая! — стягивая галстук, мужчина поднимается на второй этаж. — И я голоден как зверь.

— Да, я заметила, — пробурчала я в ответ.

— Когда будет готов обед? — крикнул он уже со второго этажа.

У меня приоткрылись губы, но я ничего не сказала. Крепко задумалась и пошла на кухню.

Холодильник полон всякой еды, но все нужно готовить. Поэтому беру яйца и разбиваю о раскаленную сковороду. Немного лука. Немного соли.

Заработал чайник, подготовлена кружка.

Томас Стоун хорош собой. У него кругловатый овал лица, черные волосы и очень выразительные глаза. Сексуально несдержан.

Ставлю перед ним тарелку.

— Яичница? — искренне удивился он.

— Не успела ничего приготовить.

— Была занята домом?

— Да, — солгала я.

— Ты занималась домом все время, пока меня не было?

За две недели здесь можно было привести абсолютный порядок, но этого нет. Такое чувство, что вопрос прозвучал не просто так.

— Вчера, например, ездила в Данфорд.

— Что ты делала в Данфорде? — с аппетитом он затолкал в рот еду. Взгляд остается хмурым.

— Гуляла.

— Ты ездила в Данфорд одна?

— Да.

— Моя трусишка Анна в одиночку ездила в большой город. Не могу поверить!

Даже не знаю, восхищение слышу в его голосе или все же осуждение.

— Командировка прошла успешно? — решила сменить я тему.

— Да, любимая, — с энтузиазмом сказал Том. — Шеф хочет рекомендовать меня на новую должность и угадай, на какую?

Вот чего не люблю, так это игру в угадайки.

— Ты станешь начальником?

На лице Тома медленно растянулась гордая улыбка.

— Если мою кандидатуру одобрит центральное руководство, должность моя! — Том встал из-за стола и крепко обнял меня. Он говорит что-то еще, связанное с командировкой, но я его не слушаю. Слух прорезался, когда он вдруг заговорил о будущем этой семьи. О детях. Сначала разум испугался, но быстро успокоился и снова закрылся от всяких звуков.

Устало налила себе чашку чая и вышла на веранду.

На улице солнце. Дует теплый ветерок. Люди вокруг невероятно улыбчивы, добры и позитивны. Дети бегают, а взрослые стригут зеленые газоны, выгуливают собак. Смотрю на белый заборчик и вижу в нем подлинный символ этой эпохи. Даже здесь, совсем в другой вселенной.

— Куда меня занесло? — шепчу я вопрос, на который безумно хочу знать ответ. А главное:

— Как?

Том ушел на работу рано утром. По правилам быта 50-х жена обязательно должна проснуться раньше мужа, навести красоту, надеть свое лучшее платье, приготовить для мужа завтрак и проводить на работу, растянув улыбку от уха до уха.

Но я все проспала.

К полудню вытягиваюсь на супружеской кровати, бесцельно уставившись в белый потолок. Том не распустил рук. Спать с ним оказалось все равно что в палатке, сопит себе тело рядышком, и ладно.

Я налила себе кофе, съела бутерброд и только потом отправилась в душ. После надолго задержалась у зеркала. Видеть себя с короткими волосами все еще непривычно. С глазами тоже что-то не так, присмотрелась лучше и обнаружила любопытный факт — мои глаза

скорее зеленые, чем карие. Я этого не замечала раньше, когда с ужасом смотрелась в зеркало, а сейчас я вполне спокойна и здраво могу оценивать подобные мелочи.

После обеда пришла соседка Ани-Мари и постучала в дверь, я сделала вид, что меня нет дома. Я не хочу встречаться с этой женщиной, но проныра заглянула в окно, улыбается и машет мне рукой.

Пришлось идти к двери.

— Здравствуйте! — бодро сказала она.

Я хотела сказать «Доброе утро», но ведь уже полдень.

— Добрый день.

Женщина сцепила пальцы в замок, изобразив смущение, говорит:

— Миссис Стоун, простите за невежливость, но нам с подругами не дает покоя мысль, когда же вы планируете организовать прием по случаю переезда?

Я недоуменно уставилась на нее, а улыбка женщины стала еще шире.

— Вы же понимаете, надо знать заранее, чтобы подготовиться. Да и в календаре нужно крестик поставить, — женщина многозначительно добавила: — Чтобы на ваш прием пришли все.

— Вы можете ни о чем не беспокоиться, — дружелюбно сказала я. — Приема не будет. Никаких проблем. Никаких забот. Будьте спокойны.

— Но так нельзя, — ненавязчиво возразила Ани-Мари.

— Думаю, можно, — больше я не улыбаюсь.

На лице женщины улыбка мгновенно погасла в ответ.

— Доброго дня, — сказала я, прикрыв дверь.

В маленьком городке, в котором ничего не происходит, такие маленькие события как новые соседи становятся поводом для праздника. Но мне не нужен праздник, он нужен другим. Зачем во имя чужого удовольствия так напрягаться?

В этот день я сколько-нибудь занялась домашним хозяйством и даже приготовила ужин. Я старалась. Я правда старалась, приготовила, по моим меркам, великолепный ужин, но когда пришел с работы Том и сел за стол, мужчина остался недоволен. Он поставил мне в вину отсутствие порядка в доме и плохой ужин. Даже когда оставил пустой тарелку, все равно разговаривал со мной с некоторым холодком.

Я не обиделась, просто... позиция в целом кажется странной.

Как бы там ни было, некоторые выводы я для себя вынесла. Поэтому на следующее утро я поднялась с кровати с рассветом. Нанесла на свое лицо этот нелепый макияж, натянула лучшую домашнюю пижаму. Приготовила лучшие в своей жизни тосты с ветчиной и с широкой улыбкой преподнесла их мужу.

Мои старания оценили. Том остался доволен и, прежде чем уйти на работу наградил меня страстным поцелуем. Едва за мужем закрылась дверь, я упала на свой костлявый зад прямо на пол у двери в остром желании сна и покоя. Ведь чтобы проводить мужа на работу по всем правилам 50-х, мне потребовалось встать в полшестого утра!

Еще более страшные муки мне причинили рассуждения о том, что результат следует подкрепить, а это значит, что завтра я снова должна подняться в полшестого утра. Чувствую, как брови мои сдвигаются в хмурую линию.

Одно поднимает настроение — сегодня я могу встретиться с Джоном. При этой мысли хмурая складка на моем лбу мгновенно расправилась, и я бодро поднялась на ноги. Приготовила себе кофе, съела бутерброд и на стилпоезде отправилась в Данфорд.

Уже в мегаполисе я воспользовалась трамваем. Это оказалось несложно. Все маршруты обозначены цветной полоской вместо привычных цифр, как линии метро. На трамвае с полоской зеленого цвета я добралась до восточного парка, а от него прошла через ряд узких домов к кафе. Мне пришлось немного поблуждать, чтобы найти знакомый переулок, а уже от него двигаться в точном направлении.

Хозяин заведения встретил меня с улыбкой.

— Слушаю вас!

— Кофе и сливочное пирожное.

Посетитель за столиком у окна наградил меня немного строгим, но приветственным взглядом. Подсаживаюсь к нему за столик.

— Здравствуй, Джон.

— Добрый день, Виктория, — какое-то время смотрит на меня и спрашивает:

— Что у вас случилось?

— С чего вы взяли? — из моих губ сорвался смешок. У мужчины до неприятного пронизательный взгляд, и я подавила ухмылку. — Нет ничего скучнее, чем говорить об этом. Давайте лучше...

— Я настаиваю, — перебил он.

Подумала немного и заговорила голосом, лишенным всяких эмоций.

— От меня хотят, чтобы я стала идеальной домохозяйкой и что бы я ни делала, результат всегда недостаточно хорош. «Хорошо» вообще слово неприличное, от меня хотят «безупречно». Я должна быть безупречной во всем... — последнее сказала так, как если бы слова имели кислый вкус. — Я должна?

— Боюсь, на этот вопрос можете ответить только вы сами.

Мой взгляд уткнулся в Джона.

— Посмотрите на них, — указываю на группу женщин за окном. — Они носят один макияж и похожие платья. У них одни ценности и похожие жизни. Они мыслят одинаково, если конечно, они все еще на это способны! Разве это не образец самой ни что есть унылой жизни?

Затем я обращаюсь к незнакомому мужчине за соседним столиком, что с ужасом смотрит на меня:

— Вы со мной не согласны?

Незнакомец поднял газету так, чтобы его лица не было видно.

Смех. Громкий и ничем не сдерживаемый смех Джона заставил меня опомниться и вернуться в реальность, где подобные речи нежелательны.

Мужчина за соседним столиком нервно поднялся и покинул кафе.

— А говорили, будет скучно, — весело сказал Джон, берет кофе.

— Это соперничество за самый чистый дом и лучшее платье... Такие условия создали для себя сами женщины, — с гневом говорю я, с силой воткнув ложку в пирожное. — Если бы они были заняты настоящей работой, тогда не осталось бы времени для подобной ерунды.

— Под работой вы имеете в виду компанию? Промышленность, — Джон будто насмехается.

— Трудно представить женщину в должности бухгалтера или инженера? — серьезно спрашиваю я. — Да даже занятую сборкой... чего угодно в цехах!

— Тогда кто будет занят воспитанием детей?

— Няня и школа, как пример. В зависимости от обстоятельств. Вы со мной не согласны?

— Нет, — уверено заявил Джон. — Женщине не место ни в компании, ни на производстве, она должна радоваться жизни, ждать своего мужа и воспитывать его детей. Работа — не привилегия, а обязанность всякого мужчины. Я в этом убежден!

Этот спор не имеет смысла. Только подумала над этим, и Джон вдруг спрашивает.

— Кем вы себя видите?

— Вы о работе? — уточнила я, потому как вопрос прозвучал достаточно таинственно.

— Да.

— Да все равно! Не в этом суть... — глубоко выдохнула я. — Поймите, Джон, я не хочу жертвовать свою удивительную единственную жизнь на нелепую гонку идеалов. В том, что я говорила, смысл именно в этом.

— Но вы уже в гонке. Что вы будете делать?

— Уступлю первенство тем, кому это нужно.

Джон улыбнулся неожиданно тепло.

— Вот вы и ответили на свой вопрос, — выдерживает многозначительную паузу. — Но сделайте одолжение, прежде всего себе, и будьте готовы к той жизни, которую выбрали. Если придется возвращаться к прежним устоям — будет больно.

В словах Джона по-прежнему улавливаю скрытую мысль. Смотрю на мужчину и спрашиваю:

— Вы на что-то намекаете?

— Я мог бы предложить вам поддержку.

— Что именно вы предлагаете?

— Стать моей любовницей при хорошем содержании, — прямо говорит Джон. Натыкается на мой хмурый взгляд и спрашивает:

— Вам кажется это оскорбительным?

— Нет, — удивительно, но я сказала правду. — Вы не сказали ничего, что могло бы оскорбить меня. Просто, я не понимаю, какой в этом смысл?

Теперь удивлен Джон.

— Вы не обещаете мне абсолютного выхода из положения, — рассуждаю я. — Ваша поддержка будет носить только временный характер до тех пор, пока вам этого хочется. Это ненадежно и бесперспективно. А если это так, тогда зачем мне это нужно?

— Ненадежно и бесперспективно, — очень медленно повторил Джон. Уголок его рта высоко поднялся вверх. — Ваши размышления — это что-то удивительное.

Я по-прежнему остаюсь серьезной.

— Мне нужно решение, а не временная передержка, — говорю я. — К тому же перспектива стать любовницей — не лучший для меня вариант в целом. Гордость против такого решения. Так что благодарю за любопытное предложение, Джон, но я... пожалуй, откажусь.

Джон присмотрелся к моему лицу, только слегка сощурился взгляд.

— Я опять вижу это выражение на вашем лице.

Вопросительно смотрю на мужчину и Джон добавил:

— Вам что-то не нравится. Вы грустите.

— Мне действительно грустно, — говорю я. — Теперь, когда мне понятен ваш интерес... Выходит, это наша последняя встреча?

В глазах мужчины появился странный блеск.

— Хм, если бы сказал, что не хочу встретиться с вами снова, я бы солгал, — в этих словах угадывается хитрость. Мужчина мгновенно расслабился и буднично бросил:

— Так вы решились на развод?

— Что? — немного опешила я.

— Виктория, вы замужем. Это стало понятно еще в прошлую нашу встречу.

— Я похожа на новобрачную, внезапно осознавшую, что попала в ловушку?

— Так вы признаете?

— А вы предположили?

— Предположил суровых родителей. Но вы все же новоиспеченная жена, которая осознала, что попала в ловушку, — констатирует Джон. — Давно вы в браке?

— Около трех недель.

Прямая бровь удивленно поднимается вверх.

— А что говорит муж по поводу ваших мыслей?

— Я не говорила с ним об этом... Сейчас не время.

— Почему?

— В пятницу на ужин придет босс моего мужа, — я замешкалась. — Для него это важно. Мне нельзя все испортить.

— Он работает в Данфорде?

— В Конектике. Готовится стать начальником торгового дома.
На какое-то время рука Джона замерла.

— Как интересно, — задумчиво изрек он.

— Почему интересно?

— В компании, где я работаю, в торговом филиале меняется руководитель. Если я ничего не путаю, город Конектик.

В ответ пожимаю плечами.

— Перейдем на «ты»? — предлагает Джон.

— Да, пора, — спокойно соглашаюсь я. Выпиваю остатки кофе.

— Хочу познакомиться с твоим мужем, — решительно заявил он. — Собственными глазами увидеть того несчастного, чьей женой ты стала.

— Если твоя цель меня разозлить, ты ее успешно достиг, — со злостью проговорила я.

Глаза мужчины вдруг потемнели, в них появилось нечто... пошлое. Мгновенно забывая о вспышках гнева, и столь очевидная смена эмоций на моем лице развеселила Джона.

— С тобой отношения обещают быть нескучными, — уверенно заявил он.

— Джон, я не согласилась быть твоей любовницей, — тихонько, но твердо напомнила я.

«Этот мужчина нарочно дразнит меня», — понимаю я.

— Виктория, какая у тебя фамилия? — вдруг спросил меня Джон.

Мне не пришло в голову подумать об осторожности. Я просто призналась:

— Стоун, — подумала немного и добавила:

— Анна Стоун.

— Что это значит?

— Так меня зовут.

— Не Виктория?

— Нет. Но мне нравится это имя.

Джон смотрит прямо. В глазах его горят смешинки.

— Будет... нескучно, — очень тихо произнес он.

Том вернулся к семи. Дом чист, неразобранные сумки остались только в прихожей и прачечной. Я была уверена, что все сделала в лучшем виде, но едва муж взглянул на ужин, на его лице возникла недовольная гримаса.

— Ты не умеешь готовить, я прав?

На столе мясной рулет с сырной начинкой в сладком соусе и гарнир с рисом.

— Тебе не нравится? — спокойно спрашиваю я.

— Бред какой-то! Ты закончила колледж. Если бы сам тебя не провожал по вечерам из него, то сейчас бы не поверил, что ты там училась.

— Я старалась. Даже если тебе не нравится, вежливое «Спасибо» меня бы устроило.

— Анна, на столе нет салфеток, никакой сервировки. Я не хочу сказать, что это для меня принципиально важно, я только обращаю твое внимание на отношение к делу. Ты никогда себе такого не позволяла! — взгляд у Тома тревожный. — Я беспокоюсь об ужине — придет мой босс с супругой...

— Ах, ужин, — вспомнила я, как о чем-то обременительном.

С моей стороны непростительная ошибка.

— Анна, да что с тобой творится? — глядя мне в глаза, процедил Том. — У меня блестящая возможность стать начальником торгового дома в Коннектике. От этого ужина зависит моя карьера, не вздумай не справиться со своей задачей! Дом, стол и... ты сама, все должно быть в лучшем виде.

Я поджала губы, виновато опустив взгляд.

Мужчина ушел наверх. Закрылась дверь, а я, потрясенная, рухнула на стул.

Роль Анны мне не по плечу.

Я хочу уйти от этого безумия, но идти некуда.

Я приготовила для себя горячий чай с ароматными травами. Пошла на улицу, тихонько прикрыв за собой дверь.

Уже который вечер подряд я сижу на качелях на веранде дома и смотрю вверх на звезды. Молюсь, чтобы судьба исправила ошибку, которую совершила. Причем как можно скорее.

А что, если судьба ничего не исправит?

Эта мысль заставляет холодеть от ужаса. Дело не только в перспективах остаться в этих условиях навсегда. Родные и близкие мне люди. Привычная мне жизнь. Я не готова всего этого лишиться!

— Ты опять ездила в Данфорд? — когда я вернулась в дом, спрашивает Том. В его руках билеты на стилпоезд.

— Да, ездила.

— Ты зачатила туда, — прохладно заметил он.

Я опустила взгляд и молча ушла в кухню. Я не хочу больше чай, но все равно его готовлю. Поставила кружку на стол и наблюдаю, как медленно-медленно Том подходит ближе.

— Я не знаю, что с тобой происходит, и ты ничего не говоришь. Ведь ты не была такой, — его тон стал нежным и просительным. — Ты меня наказываешь за что-то?

Я не знаю, что могу ему сказать. Точно не правду о том, кто я. В этом вся проблема!

— Я не умею готовить, — сказала я так, будто призналась в убийстве. — Я не смогу поддерживать дом в той степени чистоты, как ты требуешь от меня, — опускаю взгляд и больше не смотрю на мужчину. — Прости меня, но я ничего этого не могу.

Том изобразил удивление, а потом на его лице отразилась беспомощность.

— Прости меня, — повторила я.

Я чувствую вину.

Если в скором времени я и Анна не вернемся на свои места, этот — судя по свадебным фотографиям — счастливый брак неминуемо будет разрушен.

— Иди ко мне, — сказал Том и привлек меня к своей груди. Я не сопротивляюсь. Мысленно благодарю его за понимание и обнимаю в ответ. Но когда Том прижмулся ко мне в поцелуе, я вдруг страшно разозлилась. Мужчина едва удержался на ногах, когда я оттолкнула его. Тяжело дыша, я уставилась на Тома.

— Анна?

Быть Анной непросто. Мне следовало бы продержаться еще какое-то время, но что сделано, то сделано.

Идти на попятную или не делать этого?

Быть Анной или не быть ею?

— Прости меня, но я перееду в комнату для гостей, мне так будет комфортней, — мрачно говорю я.

— Анна?! — в голосе мужчины слышу потрясение.

Еще я хотела бы сказать: «не подходи ко мне», «не прикасайся ко мне». Слава богам, я этого не сказала.

Это не скачок во времени на полвека назад, это путешествие в другой мир, потому что эти пятидесятые — историческая глава другой вселенной.

Как долго это будет продолжаться? День? Месяц? Год или... всю мою жизнь?

Я не могу имитировать жизнь другого человека так долго.

Глава 3

В это утро на пороге дома меня ждал сюрприз. Утренним стилпоездом прибыла миссис Стоун — мать Тома. Женщина с безупречно ровной осанкой и взглядом волка. На фоне темного платья ее блестящие белые волосы, даже собранные на затылке в пучок, выглядят эффектно. В пальцах женщина сжимает белые прогулочные перчатки.

— Доброе утро, Анна, — в тоне женщины нет приветствия. — Том просил меня приехать и помочь тебе подготовить дом для приема гостей.

А гости будут в пятницу!

— Учитывая, что сегодня четверг, помощь мне действительно не помешает, — вежливо сказала я, а светло-голубые глаза миссис Стоун стали еще холоднее.

— Выпьем чаю? — уложив вещи на специально отведенное для этого место, женщина направилась в кухню. Полагаю, вопрос был риторическим.

На кухне женщина изящно опустилась на стул. Она облокотилась о деревянную спинку и внимательно следит за моим перемещением по кухне. Это ужасно нервирует!

Когда до блеска полированный чайник вскипел, наполняя красивые фарфоровые чашки кипятком и на маленьких блюдцах ставлю чай на стол. Сажусь напротив миссис Стоун, во многом повторив ее позу.

Женщина подтянула к себе чай и столовыми щипцами бросила в чашку одну дольку сахара. Чашку подносит к губам.

— Чай крепкий. Я не мужчина, чтобы пить крепкие напитки, — сказала она и поставила чашку на место. — Что за обучение сейчас в колледже, если девушек не могут научить готовить чай?

— Или во мне недостаточно энтузиазма быть образцовой хозяйкой, — озвучила я мысли вслух. Разум в шоке, но внутреннее «я» в восторге.

— Прости, — с нескрываемым возмущением изрекла женщина. Ее глаза заметно округлились, а брови изогнулись.

Мать Тома намеревалась пристыдить меня своим замечанием, а теперь она в замешательстве.

— Том прав. Ты изменилась, — заключила она.

— Это так...

— И что, изволь спросить, привело к таким переменам?

— Один день, одна мысль и одно решение.

— Что? — нахмурилась женщина и смотрит так, будто услышала самую невероятную глупость в своей жизни.

— Я не хочу такой жизни для себя, — с сожалением говорю я.

— А ты не могла об этом подумать до того, как согласилась стать моему сыну женой? — сдержанно спросила она. — Ты не ребенок, а взрослая женщина. У тебя муж, собственный дом и соответствующие обязанности — как хозяйка этого дома, ты должна их выполнять!

— Я так не думаю.

Женщина внимательно смотрит на меня. Оценивает. Такое чувство, будто я столкнулась нос к носу с хищником. Боюсь даже отвести взгляд — нападет же ведь.

— Куда делись твои покладистость и скромность? Где хваленая внимательность к деталям в доме? Посмотри, на что похож твой дом! — с упреком говорит она, легонько махнув рукой. — Жаль, что я не обнаружила обмана раньше.

— Мне жаль... — сказала я, сожалея, что не могу сказать что-то более содержательное.

Миссис Стоун вытянула перед собой ладонь:

— Не нужно, дорогая. Ты хотела. Так изобретательно сыграла роль, что сомнений нет — ты хотела! И получила, — в ее голосе чувствуется гнев. — Блестящая партия для непутевой невесты!

Я нахмурилась.

— Стать женой торгового менеджера — это блестящая партия?

— Не хами, девочка! — сурово сказала миссис Стоун. — Ты стала женой моему сыну и этого уже не исправить. Но будь уверена, я тебя перевоспитаю. Ты станешь ему такой женой, коей себя показала до брака. Я позабочусь об этом.

Женщина поднялась из-за стола и вышла из кухни.

В этом жесте чувствуются повадки Тома.

Отношения с миссис Стоун обещают быть непростыми. Одна только мысль, как мать Тома обнаруживает грязные чашки на столе,

уже заставляет трусливо сжаться. Я глубоко вздохнула и убрала со стола посуду. Для верности сразу все помыла и разложила по местам.

Как грустно. Оставленные на столе кружки — опасный маневр. Крепкий чай — катастрофа. Еще несколько дней назад для меня такие мелочи были чем-то, не стоящим вообще никакого внимания, а теперь из таких мелочей строится вся моя жизнь.

«Куда меня занесло?» — опять спрашиваю я себя.

Может, я или Анна что-то совершили, прочитали заклинание или воплотили в жизнь некий древний ритуал? Или это просто злая шутка судьбы?

Могу ли я надеяться, что однажды верну себе свою жизнь и смогу позволить себе удовольствие не обращать внимания на такие мелочи, как оставленные на столе кружки?

— Куда ты? — миссис Стоун закрыла своим хрупким телом доступ к входной двери.

— В Данфорд, — проверив наличие средств в кармане, намереваюсь уходить.

— Это вряд ли, — женщина воинственно вздернула подбородок. — Я оценила состояние дома. Времени для прогулок у тебя нет! — подступает ко мне на два шага. — Сейчас я возьму на себя столовое серебро, ты — постираешь, высушишь и погладишь шторы. Затем мы займемся мебелью. А завтра мы почистим светильники и лампы, после чего ты вычистишь ковры, а я займусь приготовлениями к столу.

— Стирать шторы вручную? — мои брови взметнулись вверх.

— Когда твой муж получит руководящую должность, возможно, тогда у тебя появится машина для стирки. Но эту привилегию нужно заслужить! Так что принимайся за работу и помни, внимание к деталям — предмет гордости для хозяйки.

Стиральная машина — привилегия? На мгновение я замешкалась... Как бы там ни было, вручную я стираю белье и носки. Шторы — увольте!

— Похоже, вы знаете, что делать, — мой голос стал тверже, а миссис Стоун переменилась в лице. Ее белые щеки обретают пунцовый оттенок. Мне не хочется ее злить, но разъяснить границы дозволенного я должна. — Если завтра вы организуете стол к ужину, я буду бесконечно благодарна вам за это! Завтра я займусь домом, но в

пределах разумного, а это значит, что никакие шторы я стирать не стану, химчисткой мебели заниматься не буду. Я вообще не стану тратить на уборку в доме больше одного дня, хотя для меня и это уже много. Простите, миссис Стоун...

Я мягко и быстро отталкиваю женщину от двери и выбегаю наружу. Смогла сделать это только потому, что на мгновение женщина оказалась в ловушке собственного замешательства.

На стилпоезде я приехала в Данфорд. На выходе из вокзала подняла глаза к небу — там, наверху, сгущаются серые тучи и на их мрачном фоне возвышаются семь небоскребов. Джон говорил, что работает в том, что цвета темной стали — «Гордость Хэнтон», так называется этот небоскреб. К нему я и направилась. Хотя плохо понимаю, зачем...

Единственное объяснение этому — мои желания. Я не могла больше оставаться в Гринпарке с миссис Стоун. Мне нужно было куда-нибудь уехать. И вот я здесь!

Когда я встала перед небоскребом, мой подбородок еще долго оставался задран вверх. «Гордость Хэнтон» — одно из высочайших зданий города и расположен в самом сердце его делового центра.

Улицы здесь широкие и многолюдные. Здесь редко можно встретить мужчину не в деловом костюме или без дипломата в руках. Пиджак на плечах есть у каждого, а вот шляпу с короткими полями носят единицы — в основном, мужчины за тридцать. Они же предпочитают носить костюмы, по фасону близкие к современности моей вселенной. Сдержаны в цветах — особенно популярен серый. Кстати, даже Джон носит костюм угольно-серого оттенка — безупречного пошива от дорогого кутюрье.

Джентльмены за пятьдесят — некоторые из них — придерживаются собственного стиля. Еще в моде низкие цилиндры и часы на длинной цепочке.

Женщин на этой улице существенно меньше, чем мужчин. В большинстве своем студентки колледжа и те, кого за внешность и взгляд нарекают «серой мышью». Большинство из них носят платья с завышенной талией в виде песочных часов. Я тоже такое ношу. Приходится.

Есть высокие, изысканные и великолепные женщины. Например, та, что идет мне навстречу, выглядит очень эффектно: она в узком

красном платье и в бордовом пиджаке с большими черными пуговицами. На ее голове невообразимо широкая шляпа с копной пушистых черных перьев. Молодая женщина сияет в блеске дорогих украшений.

Ее внешность, ее походка и взгляд... Если она и не была императрицей, то чувствует она себя именно так! Между тем в блеске ее великолепия есть что-то искусственное. Да, она выглядит как представительница делового мира, но взгляд ее пустой, как если бы она направлялась в никуда.

«Гордость Хэнтон» — еще раз взглянула я на большие серебрястые буквы и поднялась по невысокой мраморной лестнице. Прощмыгнув в ячейку вращающихся дверей, оказалась в светлом холле с очень высокими потолками — здесь могло бы разместиться еще несколько этажей! Над головой свисает немыслимых размеров золотая люстра, а по обе стороны от входа в виде плотных спиралей поднимаются винтовые лестницы с позолоченными перилами. По другую сторону холла три лифта — люди толпой заходят и выходят. Над лифтами огромные часы из темной стали показывают час двадцать.

По центру холла небольшой фонтан — классика, когда с меньшей по диаметру чаши вода стекает в чашу покрупнее. Вокруг фонтана расставлены чугунные скамейки.

Иду, заинтересованно осматриваясь вокруг. Слышу разговоры о финансах, о договоренностях, об инвестициях и, конечно, о планах на выходные.

— Мисс, я могу вам чем-то помочь? — обратился ко мне огромный мужчина в темно-синем костюме с красными полосками на манжетах. В такой же форме за длинной стойкой администрации работают еще двое.

— В какой кабинет направляетесь? — опять спросил он.

Моя одежда, выражение лица, да внешний вид в целом выдают во мне человека, случайно забредшего не туда.

— Я зашла осмотреться. Но уже ухожу.

Мужчина положительно кивнул. Возвращается к стойке.

Слышу свой тяжелый выдох. Забавно, но мне так не хватает своей пропускной карты, своего офиса, своей должности. А ведь совсем недавно я думала о том, как все это мне ужасно надоело.

На пути к выходу увидела знакомый силуэт и замерла. Уверенным шагом ко мне приближается представительный мужчина в темно-сером костюме, на фоне ослепительно-белой рубашки его смуглое лицо кажется еще привлекательнее. В руках держит рабочий дипломат.

— Здравствуй, Джон, — с ненавязчивой улыбкой на лице говорю я.

— Анна, — мужчина удивлен. Мне сразу стало неловко.

— Ты говорил, что работаешь здесь, и мне стало любопытно... — сказала я и умолкла, осознав, какую глупость несу. — Прости. Мне лучше уйти?

На моих щеках полыхнула краска, а в глазах мужчины загорелись веселые огоньки. Думаю, он сдержал улыбку.

— Мистер Хэнтон, — на ходу поприветствовал Джона джентльмен в возрасте. Джон кивнул в ответ, а я нахмурилась.

— Хэнтон? — припомнила я название небоскреба. Взгляд Джона стал строгим. — «Гордость Хэнтона». Это ведь...

— Пройдем в мой кабинет, — резко перебил меня Джон.

Мужчина идет впереди, а я быстрым шагом следую за ним. Мы почти миновали холл, когда на меня поднял глаза представитель администрации — тот самый, которому я обещала уйти.

— Мисс! — с возмущением окликнул он меня, но одного взгляда Хэнтон было достаточно, чтобы тот умолк.

Двери лифта открылись, и Джон пропустил меня вперед.

Вместительный и бесшумный, лифт небыстро поднимается вверх. Сложив руки перед собой, осторожно смотрю вправо, затем влево — я единственная женщина в окружении серьезных мужчин. Стало как-то тесно.

С каждой остановкой на этажах людей в лифте становится меньше. Так продолжается до тех пор, пока в небольшом ограниченном пространстве не остались только мы с Джоном.

Тишина быстро перестала быть безмятежной, а воздух наполнился напряжением.

Мое сердце стало биться часто.

Из-под опущенных ресниц вдруг искоса смотрю на Джона и с удивлением понимаю, что в отличие от меня, мужчина рассматривает меня в упор.

— Зачем ты пришла? — спрашивает он.

— Поболтать с тобой.

Под таким взглядом сложно заставить щеки не пылать.

— Ты уверена в этом?

Серая сталь в глазах Хэнтонa вдруг потемнела и взгляд стал острым, как у охотника, что точно знает, кто его цель. Усилием воли не отвожу глаз. Напряжение в воздухе чувствуется сильнее, как натянутая до предела струна, от малейшего усилия она угрожает лопнуть.

— Джон? — с опаской выдохнула я, и в ту же секунду Хэнтон примкнул к моим губам. Своим телом придавил к холодной стали лифта, лишив всякой возможности на отступление. Напуганная столь ошеломительной внезапностью, я плотно сжала губы, но мужчина с силой сдавил мне челюсть и они распахнулись опять. Ни один поцелуй в моей жизни не был таким... Грубым. Жадным. Страстным. Самозабвенно отвечаю на него, едва не задохнувшись от восторга!

Упоительное безрассудство! Его губы опустились к шее, а рука уверенно скользнула мне под юбку. Я шумно выдохнула и...

Лифт остановился. Джон Хэнтон молниеносно восстановил между нами дистанцию и, когда открылись двери, с затуманенным взглядом он смотрит на меня, а я смотрю на него.

Пульс как после марафона. Сумасшедшее биение моего сердца, уверена, слышу не я одна.

— Меня никто и никогда так не целовал, — выдохнула я, коснувшись кончиками пальцев своих губ.

Взгляд Джона очень выразителен и он обещает, что мужчина набросится на меня опять, произнеси я еще хоть слово... Даже несмотря на секретаря, что вежливо и смиренно опустила взгляд.

Я опомнилась и уставилась на девушку за рабочим столом. Привлекательная блондинка в строгом коричневом платье остается безучастной ко всему, что происходит буквально у нее перед глазами. Своим поведением она молчаливо заявляет — все, что происходит на другой стороне приемной комнаты, ее не касается.

Джон невозмутим. Поднял дипломат, покинул лифт, а я поспешила вслед за ним.

— Два кофе, — сухо сказал он секретарю и придержал для меня дверь в свой кабинет.

«Дейзи Мур» — выгравировано на продолговатой позолоченной табличке на столе помощницы. Рядом печатная машинка и настольный

календарь — непривычно видеть эти предметы в работе. Мой взгляд непроизвольно задержался на этих вещах, после чего я быстро прошла в кабинет и тяжелая дверь за мной закрылась.

Сразу смутило огромное окно едва ли не во всю ширину стены, серебряными полосками разделенное на три плоскости. Даже с другого конца кабинета вид достаточно страшный. Делаю несколько шагов вперед и чувствую, как задрожали колени...

Хэнтон прошел к рабочему столу и повесил пиджак на спинку кресла. С заинтересованностью наблюдает за мной.

Кабинет серый и строгий, под стать своему хозяину. В этом кабинете нет ничего лишнего: широкий рабочий стол, кресло, стул, два шкафа и настенные часы над головой. Одно только зеленое дерево создает приятный контраст со строгостью серой обстановки.

С любопытством осмотрелась, а потом зачем-то уставилась на Джона. Под его не скрывающим намерения взором опять полыхнули щеки.

— Кто ты, Джон? — спрашиваю я.

— Хозяин небоскреба, — просто ответил он. — Работодатель большинства тех, кто работает здесь.

С коротким стуком в дверь вошла секретарь. У Дэйзи очень прямая осанка, длинные ровные ноги и неизменно бесстрастное выражение лица — в руках держит поднос с кофе. Я отвернулась и сделала несколько шагов к окну. Ошеломляющий вид! Мои глаза широко раскрыты, а коленки дрожат. Город с высоты девяносто девятого этажа кажется ненастоящим.

Секретарь молча поставила чашки на стол. Когда за ней закрылась тяжелая дверь, характерный этому звук окончательно вывел меня из состояния ступора. Ощувив во всем теле напряжение, на шаг отступаю от окна, сразу уткнувшись спиной в Джона, как в неподвижную скалистую гору.

Его пальцы легли мне на плечи и медленно спустились вниз по рукам.

В отражении окна вижу лицо Хэнтон — в лучах солнца сталь серых глаз будто охвачена огнем. Джону не тридцать пять, ему не сорок — возраст мужчины где-то между. Его внешность лишена округлых и изящных черт. Его красота — это красота мужчины, грубая как камень. А рядом с ним — я. Девчонка много моложе его самого.

Не могу поверить, что это действительно я.

Лица в стекле исчезли, и я снова вижу пропасть серого неба. Теперь дрожат не только коленки, а вся я.

Мужчина резко развернул меня лицом к себе и примкнул к губам. Его рука легла мне на шею, а упрямые губы Джона заставили широко распахнуться мой рот. Кровь в венах раскалилась. Я горю.

Несколько шагов по кабинету, не прерывая долгий поцелуй, и я чувствую, как упираюсь о край его рабочего стола...

— Встреча еще не закончилась. Ждите! — требует за дверью секретарь, и наш поцелуй мгновенно прервался. Джон взглянул на часы.

— Слишком рано. Они подождут, — сказал он. Вернулся к моим губам, а я резко отстранилась. Рассудок, что отказывался хоть на какую-то работу, теперь генерирует массу мыслей. Я как в лихорадке, меня бросает то в жар, то в холод.

Моя ладонь упирается мужчине в грудь, создавая между нами незначительную дистанцию, и я говорю, остерегаясь смотреть ему в глаза:

— Мне лучше уйти.

За миг буду чувствовать то недовольство, которое исходит от него сейчас. Тем не менее Джон спокойно изрек:

— Тогда, в другой раз, Анна, — проигнорировав смехотворную дистанцию между нами, притянул к своим губам в мягком и недолгом поцелуе. После заставил посмотреть ему прямо в глаза. Что-то увидел в них, удовлетворенно ухмыльнулся и только тогда отошел в сторону.

Я робко отлипла от края стола. Поправила несуществующие мятые складки своего платья и тихонько проговорила:

— До свидания, Джон.

— До скорой встречи, Анна, — сказал Хэнтон. В этих словах я отчетливо услышала обещание.

Ноги, как назло, плохо меня слушаются. Из его кабинета ухожу нетвердым шагом, чувствуя на себе его взгляд.

Я вышла, а двое респектабельных мужчин прошли вперед. Пока не закрылась за ними дверь, я украдкой посмотрела на Джона. Там, в глубине кабинета, действительно скалистая гора, упрямая и непоколебимая.

Что бы я ни думала и во что бы ни хотела верить, Джон Хэнтон стал мне интересен с первой нашей встречи, когда увидела его лицо и услышала его голос.

Там, на узких улицах Данфорда, у этого мужчины была возможность пройти мимо, но он так не поступил.

Если с намерениями Хэнтон все понятно, мои идут не в ладах с чувствами. Я не хочу быть любовницей! Но что поделать, когда вмешиваются чувства посильнее здравого рассудка?

В сомнительных отношениях либо гордость убивает любовь, либо плохая любовь — гордость.

Раз уж в мои планы не входит быть любовницей Джона Хэнтон, значит, встреч состояться больше не должно... вообще никаких. В противном случае исход понятен.

Мне не нравится мое решение, но пока сильна гордость, она требует его соблюдения.

Гринпарк. Город, который стал для меня невыносим. Одно только его название приводит меня в уныние. Что меня может ждать в этом маленьком и ненормально-идеальном городишке?

Дом 68 на Солнечной улице.

Том и его мать.

Единственное, что заставляет меня возвращаться, — понимание, что идти мне больше некуда.

Поднимаюсь по безупречным деревянным ступеням и открываю дверь. Послышались тяжелые шаги, и в тесной прихожей объявился Том. Мужчина в гневе.

— Что тебя заставляет возвращаться в Данфорд? — потребовал он.

— Прогулки по большому городу... — мой голос не так тверд, как хотелось бы.

— Больше ты не поедешь в Данфорд, — решительно заявил Том. — У тебя больше нет содержания!

— Что!? — возмутилась я. Тряхнула головой и уже тихонько:

— Ты ведь несерьезно.

Но мужчина очень серьезен. А еще он очень зол.

— Не смей дерзить моей матери так, как ты сделала это сегодня, иначе пожалеешь, — убедительно предупредил Том.

Во мне поднимаются гнев и упрямство. Все равно, куда идти. Заложницей этого дома я не стану!

Хочу уйти, эффектно захлопнув за собой входную дверь, но Том схватил меня за локоть. С силой дернул, и в следующую секунду меня припечатало к стене. Перед глазами ненадолго образовалась темнота, а в затылке возникла тупая боль. Ко мне не сразу возвращается способность мыслить.

— Что ты творишь? — взмолилась я, приложив ладонь к голове. Подобное со мной происходит впервые и... я не знаю, как себя вести при подобном обращении. Дать отпор мне не по силам, Том сильнее меня.

— Идем, — сказал он и опять взял меня за локоть. Я начала сопротивляться, и тогда он с силой поволок меня мимо гостевой комнаты, к лестнице на второй этаж.

В доме приглушен свет, играет приятная музыка и пахнет вкусной едой. Мать Тома где-то поблизости...

Мужчина поволок меня вверх по лестнице. Когда спотыкаюсь на ступеньках, Том подтягивает вверх с такой силой, что я взлетаю на ноги.

На втором этаже мы миновали комнату для гостей. Спальня совсем близко.

— Нет! — рычу я, одной рукой ухватившись о дверной косяк.

Мужчина в ярости. Рывком отдернул мне руку и швырнул меня на пол. Очень быстро отползаю от Тома и спиной упираюсь о кровать, крепко поджав под себя ноги.

— Ты не будешь жить в гостевой комнате, — неожиданно спокойно говорит он. — Твое место здесь, как и полагается жене.

Из моих глаз покатились слезы. Гнев на лице Тома сменился замешательством.

— Не такой жизни я для нас хотел, — отступая на несколько шагов назад, с сожалением сказал он.

На эти слова сердце отозвалось болью. Из моих глаз продолжают катиться слезы, и страх теперь не причем. Мои слезы — слезы глубочайшего сожаления и бесконечной вины перед Томасом и Анной Стоун.

Так быть не должно. Меня здесь быть не должно!

Но я здесь, и мы с Томом заложники обстоятельств. Мы оба в ловушке!

У меня приоткрылись губы в острой потребности рассказать ему обо всем, но! Проще поверить в мое безумие, чем в ту правду, в которую верю я сама.

— Мне так жаль... — искренне протянула я.

Том осторожно подходит ближе, опускается на колени и, обхватив ладонями мое лицо, большими пальцами мягко снимает слезы на моих щеках.

— И я сожалею. Очень, — Том поцеловал меня в висок, поднялся и, тихо закрыв за собой дверь, оставил одну.

Поджимаю коленки к подбородку и плачу, не в силах держать в себе обиду. На кого я больше обижена и зла? На вселенную? На Тома? На Джона?

На себя?

Глава 4

Как и требовал от меня Том, я стала послушной невесткой миссис Стоун. Безропотно выполняла каждое ее поручение и даже постирала шторы. Для этого мне пришлось подняться с постели в пять утра и сразу приступить к работе.

Проводами Тома на работу занялась миссис Стоун. Она, кажется, была счастлива взять эту обязанность на себя.

Перед тем как уйти, Том оставил на моей щеке короткий поцелуй. Улыбнулся. Было в его взгляде что-то, выражающее мне искреннюю поддержку. Я тоже улыбнулась, но уже в закрытую дверь.

Миссис Стоун не позволила мне бездельничать долго. Домашние обязанности пришлось выполнять быстро.

Когда я управилась со шторами — постирала, высушила, выгладила, да еще и развесила их — буквально валилась с ног. Миссис Стоун сухо похвалила меня за работу и сразу же велела почистить огромный ковер в гостиной, причем сделать это я должна за час, потому что слишком много времени я потратила на шторы... Я чуть не упала в обморок!

За окном, на соседской зеленой лужайке, играют дети — я слышу их веселый смех и мне вдруг стало невероятно завидно. Этот день очень солнечный и жаркий, а на душе у меня мрачно и тоскливо.

Никогда не привыкну к отсутствию тех удобств, к которым привыкла! Если мне когда-нибудь доведется вернуть себе мою жизнь, я бесконечно буду ценить все чудеса технологий, что упрощали мне ее.

Я хмуро посмотрела на ковер и глубоко выдохнула. Особенно буду ценить доступную химчистку!

Несмотря на распоряжение миссис Стоун, я пошла на кухню, чтобы все же выпить чашку чая. Мне нужен хоть какой-то отдых, иначе просто упаду. Миссис Стоун спокойно отнеслась к моему присутствию в своей зоне работы. Женщина сосредоточено готовит блюдо и, казалось, совсем меня не замечает.

— Предполагаются еще гости? — удивилась я количеству подготовленных миссис Стоун тарелок. Все они из особого дорого

сервиза — фарфоровые, с невероятно красивым цветным узором по краям. Да, такие тарелки попадают на стол только в особых случаях!

— На ужин явятся руководитель компании и его невеста. Невероятная честь для этого дома и блестящая перспектива для карьеры Тома! — с гордостью сказала миссис Стоун.

— То есть придет начальник начальника Тома? — безразлично изрекла я. Лениво занимаюсь приготовлением чая.

В это утро, в отличие от предыдущего, миссис Стоун немного мягче стала относиться ко мне. В ее глазах больше нет того уничтожающего взгляда, впрочем, уважения ко мне в них тоже нет. Женщина глубоко вздохнула и говорит:

— Мистер Хэнтон оказал этому дому большую честь, изъявив желание прийти к нам на ужин, — убедительно говорит она. — Перед твоим мужем открываются невероятные перспективы. Как ты можешь этого не понимать?

Мои глаза стали круглыми.

— Джон Хэнтон будет здесь? — голос стал очень низким, а брови медленно объединяются в одну хмурую линию.

— Все-таки понимаешь, — удовлетворенно кивнула женщина. — Не задерживайся. Работы еще много, а твой муж нуждается в твоей поддержке! — без гнева, но настойчиво сказала она.

А я все равно как вкопанная стою на месте.

— Будет с невестой?

Женщина смахнула выбившуюся прядь белых волос и, приподняв бровь, посмотрела на меня.

— Да, — одобрила женщина мой интерес. — Тебе следует быть к ней особенно внимательной. Мнение Хэнтон о нас во многом сложится под ее влиянием.

Кажется, у меня задрожали губы. С легкой дрожью в руках уношу свой чай в гостиную, чудом не расплескав его по пути. Много эмоций проходят через меня в этот самый момент. Самые сильные из них — волнение и ревность!

Как мне пережить этот вечер и не потерять лицо?

Вечер обещал быть непростым. Маленькая стрелка на настольных часах приближается к семи часам и вот-вот должны прийти гости. Должен прийти Джон, причем не один.

— Анна, твое платье! — недовольный взгляд матери Тома заставил встрепенуться. Женщина одернула складки моего платья и, когда раздался дверной звонок, сразу бросилась к двери. А вот я никуда не спешила, спокойно посмотрела на себя в зеркало, утвердившись в мысли, что желтый мне не идет. Цвет лица какой-то болезненный получается.

— Анна! — подгоняет женщина. Ставит меня в ряд после мужа, а сама остается замыкающей, как и полагается в семейной иерархии каждого дома.

Том, подавив сильное волнение, открывает дверь.

Первым в дверях появился Джон. В этот теплый вечер его белая рубашка расстегнута на одну пуговицу, а в руках он держит пиджак.

Красив и элегантен, как всегда.

— Мистер Хэнтон, — приветствует его Том, вытянув руку вперед. — Бесконечно рад принимать вас в своем доме!

— Мистер Стоун. Рад встрече, — сильный голос Джона резко контрастирует с низким голосом Тома. Хэнтон на голову его выше и сильно превосходит в телосложении. Со стороны кажется, будто встретились взрослый питбуль и щенок.

Мужчины жмут руки.

— Полагаю, миссис Стоун, — сказал Джон и задерживает на мне свой взгляд. Мое дыхание сразу сбилось с ритма. — Вы очаровательны.

— Рада встрече, мистер Хэнтон, — тихо отвечаю я.

Сразу раздался аристократичный голос миссис Стоун — старшей:

— Искренне рада, мистер Хэнтон. Такая честь! — торжественно приветствует она.

Вслед за Джоном вошла элегантная и невероятно красивая женщина в чудесном сиреновом платье. Блондинка, ее длинные золотые пряди спускаются вниз по плечам. Думаю, она не старше меня. Хотя вопрос спорный, по отношению к Анне женщина бесспорно старше! А что касается Виктории — думаю, мы ровесницы.

— Мелисса Бауэр, моя невеста, — представил женщину Джон. Мелисса растянула на губах вежливую улыбку и изящно сняла с рук нежно-розовые перчатки.

Я знала, что Джон придет не один. Я знала статус его спутницы. Я была готова к этой встрече, но оказалась совсем не готова услышать

эту истину из его уст. Из уст моего Джона.

Моего?

Откуда такие мысли? Опомнись!

Следом за Мелиссой вошла чета Честон. Вильям, высокий и худощавый мужчина лет сорока. Человек приятной наружности с честным и открытым взглядом. Его супруга, Шарлотта Честон, немного полноватая и очень элегантная женщина. Ей к лицу платье цвета темного шоколада и алая помада на губах. Но ей не к лицу быть блондинкой!

— Пройдемте за стол, — как истинная хозяйка дома, предлагаю я.

Миссис Стоун подготовила великолепный стол! Все расставлено с безупречной точностью. Мысленно уже в который раз благодарю эту холодную как лед женщину.

— Выбирайте места, — сказала я и опустилась на место в одном из концов прямоугольного стола. Джон садится по левую сторону от меня и среди присутствующих возникло неловкое молчание.

На меня с упреком смотрят Том и миссис Стоун — старшая. Даже миссис Честон сочувственно взглянула на меня, и тут я понимаю, что должна была показать гостям их места.

Том опустился по противоположную сторону стола. Опять ловлю его недовольный взгляд, ведь Хэнтон, по задумке, должен был сесть по правую руку от него.

Я не справилась.

— Как необычно! — неловкое молчание нарушил веселый голос Хэнтон. — Меня всегда немного злило, когда мне указывали, где мое место. Благодарю за редкую возможность, миссис Стоун, — тихо рассмеялся Хэнтон, и его настроение разделили остальные.

Былой напряженности за столом больше не чувствуется. Даже взгляд миссис Стоун-старшей заметно потеплел.

Выдыхаю с облегчением и делаю это, разумеется, незаметно.

Тихонько зашаркали столовые приборы. В это время мужчины перекинулись парой рабочих фраз и даже поговорили о предстоящих выходных.

— Все так аппетитно, — похвалила блюда на столе миссис Честон. У женщины очень приятная улыбка, и я улыбаюсь ей в ответ, но делаю это виновато, ведь ее похвала должна предназначаться не мне.

— Великолепному ужину мы обязаны сегодня моей очаровательной супруге, — вдруг сказал Том. Сказал об этом с гордостью.

Былая неловкость осталась бы навсегда в прошлом, если бы не скептический голос Джона:

— Это правда? — мужчина уставился на меня.

На столе сложнейшие блюда французской кухни. Я говорила как-то Джону, что не люблю готовить, да и не умею... А тут такие шедевры!

Смотрю на мужчину и не могу понять, — неужели это провокация? Смотрю на него и вижу в серых глазах сдержанное любопытство. Каким будет мой ответ? Солгу я или скажу правду?

Такое чувство, что этот вопрос имеет вполне оправданную цель. Если присвою себе заслуги миссис Стоун — старшей, Джон так просто не отцепится. Я чувствую, что это будет именно так!

Мой взгляд становится хмурым и миссис Стоун поспешно вмешалась:

— Разумеется! — убедительно воскликнула она. — Моя невестка на кухне настоящая волшебница. Вы, несомненно, должны попробовать ее блюда итальянской кухни!

Миссис Честон охотно поддержала идею миссис Стоун. Когда женщины заговорили о перспективах встречи в будущем месяце, у меня перед глазами сразу встали все тяготы сегодняшнего дня, и я резко говорю:

— Чудесным ужином мы обязаны миссис Стоун, — улыбка на губах мне дается очень тяжело, а беленькие фарфоровые щечки миссис Стоун полыхнули то ли от стыда, то ли от гнева. У Шарлотты Честон заметно округлились глаза, ее пухлые губы приоткрылись, но женщина не нашлась, что сказать.

Том выглядит так, будто оказался в ловушке...

Мне нужно говорить дальше и тщательно подбирать слова:

— Любящие меня люди сильно преувеличивают мои таланты. Но делают это лишь потому, что заботятся обо мне и о моих чувствах, — стараюсь говорить ровно. — Я не могу присвоить себе ваши заслуги, миссис Стоун, но благодарю за вашу заботу обо мне! Простите, если кого-то мое признание смутило.

Пунцовая краска на моих щеках едва ли уступает в яркости той, что сейчас горит на лице миссис Стоун.

— Как достойно, — робко проговорила миссис Честон.

— Несомненно, — задумчиво и безо всякого сожаления согласился Джон.

— Мистер Хэнтон, а как вы догадались, что ужин не моих рук дело? — я даже улыбнулась.

Мать Тома недовольно смотрит на меня, а я делаю вид, что не замечаю этого.

— Предположение, — не раздумывая ответил Хэнтон. — Прошу меня извинить, если создал для вас некоторую неловкость, миссис Стоун. Вы меня простите?

Отчего-то закружилась голова.

«А у меня есть выбор?» — мрачно подумала я.

За столом повисла гнетущая тишина. Я чувствую на себе их взгляды.

Проклятие! Я озвучила мысли вслух!

Чтобы извиниться перед Джоном, пришлось поднять глаза. Хэнтон смотрит на меня... неожиданно тепло.

— Прошу вашего прощения, мистер Хэнтон, — неторопливо, с усилием проговорила я.

Джон принял извинения, но за столом все еще тихо.

Мелисса и миссис Честон сохранили вежливые улыбки. Мать Тома не улыбается совсем — взгляд у нее непривычно пустой. Для женщин очевиден факт, что ужин — катастрофа!

Самой любопытной оказалась реакция мистера Честона. Подозрительный взгляд мужчины бегло перемещается от меня к Джону. Это опасный взгляд, взгляд понимания, очень близкий к истине.

Мистер Честон немедленно уводит глаза, стоило мне только прямо взглянуть на него.

Том невероятно зол, но тщательно пытается это скрыть.

— Предлагаю продолжить ужин, — у Тома плохо получается говорить бодро. — Уверен, он бесподобен.

— Попробуйте салат, он выше всяких похвал! — рекомендую я миссис Честон.

— Непременно!

— Не забудьте о закуске, — оживилась миссис Стоун, подразумевая продолговатые рыбные трубочки в соусе странного коричневого цвета. — Очень модное блюдо сейчас во Франции.

— Миссис Стоун, — раздался тонкий голос Мелиссы, и я живо обратила к ней свой взгляд. — Извините меня за любопытство, но мне безумно интересно, как вы познакомились с мужем?

Я заговорила не сразу.

— Это случилось в парке западного Данфорда. Мы встретились в саду Цветущей вишни, — с улыбкой говорю я и мысленно благодарю Анну за подсказки на фотографиях. Тех из них, которые уцелели. — Это был разгар лета, солнце. Для нашей встречи были созданы все условия.

Припомнив снимок, понимаю, что рассказать мне больше нечего.

— В тот день она запачкала платье мороженым. Белое платье было испорчено. Я думал, девушка заплачет, и подошел к ней, чтобы предложить свой платок, — погружаясь в воспоминания, улыбнулся Том. Ему, безусловно, приятно это воспоминание. — Ее румянец был бесподобен. Я понял, что очарован ею и пути назад нет.

Мелисса бросила на меня быстрый взгляд и впервые на ее лице я увидела ее настоящую, искреннюю улыбку. Эта улыбка говорит «пожалуйста» на мое немое «спасибо».

Атмосфера за столом заметно смягчилась. Во многом положение спас Джон — он говорил обо всем, что хотел слышать Том.

Мужчины говорят о работе, а женщины — миссис Стоун и Шарлотта Честон — принимают в этом ненавязчивое участие. Мелисса не вмешивается вообще. Она словно герцогиня, которой не по статусу быть здесь. У нее великолепная осанка и внимательный взгляд.

Присутствие на подобном вечере — это ее работа, и с ней она справляется превосходно! Но эта женщина привыкла к торжествам другого рода и должна сидеть за одним столом с политиками и бизнесменами! Закономерный вопрос, который, не сомневаюсь, она бесконечно прокручивает в голове: «Джон, что мы здесь делаем?».

— Я приготовлю чай, — вежливо говорю я и уйду на кухню. За окном темно, на кухне горит свет.

На столе поднос. На нем разложен лучший чайный сервиз, чай, сахар, ложки — все есть! Миссис Стоун обо всем позаботилась

заранее. Даже вода в чайнике есть, и я просто включаю кипячение. Уперев ладони в край столешницы, жду.

Этот вечер невообразимо давит на меня! Хочу, чтобы он поскорее закончился, — уже нет никаких сил терпеть.

Пошевелила челюстью — болят мышцы. Еще никогда не приходилось так долго держать фальшивую улыбку на лице, даже такую ненавязчивую, как у меня.

За спиной послышались тихие шаги, и по коже побежал холодок.

Со мной поравнялся Джон Хэнтон.

— У тебя очаровательная невеста. Поздравляю с помолвкой, — расправив плечи, спокойно говорю я.

— Я скучал по тебе, — сказал мужчина, и мне пришлось призвать всю силу своего терпения. А терпения у меня осталось немного!

— Я не понимаю тебя, Джон. Со мной все понятно, не люблю, развожусь и точка, но в чем твоя проблема? Тебе мало невесты? Нужна любовница? Как знаешь, Джон, это твоя жизнь и твое дело, но позволь, любовницей буду не я! Мы... — сразу умолкла, когда послышались шаги.

Одним быстрым движением мужчина заволок меня в кладовую и тихонько закрыл дверь. Среди консервов и стеклянных банок мы едва умещаемся в тесной камерке.

Через тонкую дверную щель вижу, как в кухню вошла мать Тома!

Зло смотрю на Хэнтон. Под каким бы предлогом он ни покинул общий стол, со мной на кухне его быть не должно. Тем более при таких обстоятельствах! Зачем вообще понадобилось меня затаскивать сюда, ведь мое присутствие в кухне вполне объяснимо.

Как бы там ни было, после драки кулаками не машут. Я здесь и никуда не денусь, пока Стоун-старшая не покинет кухню. Сердце будто замерло, когда женщина подошла так близко, что я смогла почувствовать ее сладкий парфюм.

В то время пока я стараюсь даже не дышать, Хэнтон чувствует себя вполне спокойно. Его рука обвила мою талию, и я неизбежно соприкасаюсь с ним бедрами и грудью. От возмущения у меня приоткрылся рот, что очень развеселило Джона. Со злостью смотрю в глаза мужчины.

— Что с тобой опять стряслось? — тихо выругалась за дверью миссис Стоун.

Мой взгляд метнулся. Женщина в замешательстве оглядывается вокруг и недовольно качает головой.

Пока она с шумом перекладывает большой поднос с чашками на передвижной сервировочный столик, я в гневном бессилии наблюдаю, как мужчина склоняется к моим губам, пальцами слегка сдавив мне челюсть. Через это мы уже проходили, и я безропотно раскрываю губы. Когда мощная рука примкнула к тонкой оголенной шее, поцелуй стал сильным и глубоким.

Злость на Джона уходит стремительно, а взамен по телу растекается приятное тепло. Миссис Стоун ушла, а поцелуй продолжается. Мужчина крепче стиснул в своих объятиях и второй рукой обхватив мой зад, плотно прижал мои бедра к своим и...

Я укусила его за губу! С шумным выдохом Джон мгновенно выпустил меня из капкана своих рук. В его глазах тоже появилась злость, и вместо того чтобы обрушить на меня свою ярость, он резко притянул меня к себе и опять примкнул к губам. Нежно.

Кажется, я начинаю сдаваться.

— Что это? — Джон увидел иссиня-черный след от рук Тома чуть выше локтя, который я попыталась скрыть удлиненным рукавом платья.

— Недоразумение, — рассеянно говорю я и сразу выхожу из кладовой.

— Анна. Какого черта? — потребовал он и мне приятна мысль, что, быть может, ему не все равно.

— Том разозлился из-за моих поездок в Данфорд и потерял контроль. Это была ошибка, он извинился. Все в порядке.

— На следующей неделе Стоун едет в командировку, — сказал Хэнтон. — А ты приедешь в Данфорд и явишься в мой кабинет. С собой возьми документы.

Я нахмурилась, но спорить не стала.

— Ладно, но Том лишил меня содержания...

Сказать эти слова было очень унижительно.

Из кармана брюк Джон вынул купюру и отдал ее мне.

100 баллионов.

— В среду, — сказал Джон. — В два часа я жду тебя в своем кабинете.

Вечер подошел к концу. Джон ничем не выдал свои чувства по отношению к Тому. Мужчины распрощались достаточно дружелюбно.

Мистер Честон попрощался со мной прохладно — я бы даже сказала, подчеркнуто холодно. С его супругой такого казуса не вышло. Женщина горячо поблагодарила меня за веселый ужин. Да, именно так она сказала!

Гости ушли. Дверь закрыта. На меня никто не ругается, а значит, все прошло не так плохо, как я боялась.

Том уверен: раз уж в его доме был сам Джон Хэнтон, его карьера обязательно пойдет в гору. Смотрю на его довольную улыбку, почувствовав болезненные уколы совести. Мало того что я заняла место его горячо любимой Анны, так еще... ничего не могу поделать со своими чувствами к его боссу.

Мой взгляд упал в пол. Лучше не думать об этом.

Дни летят очень быстро. Мать Тома по-прежнему гостит в доме 68 на Солнечной улице и без устали занимается моим воспитанием. Кое в чем она добилась успеха. Теперь я знаю о секретах качественной уборки столько, что хоть книгу пиши!

В день перед командировкой Том скрупулезно собирает чемодан. Он не должен ничего забыть, ведь заступив на новую должность, он должен будет оставаться в Конектике несколько дней.

Завтра Том уедет, и я сяду на первый же стилпоезд в Данфорд, чтобы встретиться с Джоном. Я рада этому, а гордость вопит и возмущается.

Я не смотрю телевизор — он откровенно раздражает. Я не читаю книг — они кажутся мне скучными. Я слушаю только радио — именно оно стало мне лучшим другом и союзником в этом доме. Но не сегодня.

Голос Энтони Хиппи, бодрый, громкий, с треском вырывается из динамиков радио. Этот голос говорит о предстоящей свадьбе Джона Хэнтон и Мелиссы Бауэр.

Свадьба...

Пульс набирает темп. Виктория, дыши!

В момент самого яркого потрясения особенно понимаешь, что представляет из себя твоя жизнь. Что в ней как надо, а что совсем не так. В этот момент я почувствовала все.

Что я до сих пор делаю в этом доме? Я смотрю на эти стены, на эти шторы и слышу эти голоса за стеной... Том и его мать.

Я должна найти способ получить развод.

Я должна отправляться в Данфорд. Двигаться куда-то и делать хоть что-то.

Я опять смотрю на шторы.

«Я должна делать хоть что-то, но уж точно не стирать шторы и не заниматься уборкой этого дома».

Образ Джона Хэнтонна в моей голове не позволяет думать здраво. В моих мыслях его глаза, губы, прикосновения.

Как же больно!

Нужно перестать думать о нем. Желательно забыть хотя бы на некоторое время, и я забыла — насколько это вообще возможно для меня.

Не знаю, как я пережила этот день и всю последующую ночь. Но пережила. Утром среды Том сел на такси и уехал. Только за ним закрылась дверь, я с облегчением выдохнула.

В доме оставалась еще одна проблема в лице миссис Стоун. Что мне делать с этой своенравной и властной женщиной? Если она останется в доме, то спустя неделю донесет Тому о моих поездках и о моих планах на развод с ним, сделает это в самой невыгодной для меня форме. В этом сомневаться не приходится.

Кроме того, если она останется здесь, я утрачу шанс насладиться неделей покоя. А этого я допустить точно не хочу!

Женщину в желтом фартуке я нашла на кухне.

— Миссис Стоун, — спокойным голосом говорю я. Ее светлые голубые глаза обращены ко мне. — Благодарю вас за оказанную нам помощь, но сегодня вам следует покинуть этот дом.

— Прости? — женщина едва не задохнулась от возмущения.

— Вы достаточно давно гостите в этом доме. Всю необходимую помощь вы оказали. Если задержитесь здесь еще на какое-то время, пойдут слухи. Мне бы этого не хотелось.

Женщина опомнилась. Подбородок гордо метнулся вверх, в глазах зажегся огонь.

Хм. Глупая женщина. Без драки не отступишь?

— Так ты выгоняешь меня?

Внимательно изучаю ее лицо. С этой женщиной по-хорошему не получится. Жаль.

— Именно, — убедительно говорю я. — У вас час, чтобы покинуть этот дом, миссис Стоун.

Поставить ее в столь жесткие временные рамки, наверное, было лишним, но от слов своих я не отступилась.

Любопытно, воспитание этого века предусматривает такие ситуации? Останется ли она в доме из принципа или все же воспитание победит и она отступит?

Женщина какое-то время не сводит с меня сосредоточенный взгляд. Это не ее дом, она в нем не хозяйка. Ее выгоняют — неслыханное унижение! Миссис Стоун разворачивается на каблуках и в ярости поднимается вверх. Хлопнула дверь гостевой комнаты. Я слышу, как распахиваются дверцы шкафчиков.

— Том обо всем узнает, будь уверена! — за стенами гостевой комнаты раздался ее гневный голос.

Миссис Стоун не понадобился час. Женщина исчезла из дома через сорок минут, громко хлопнув дверью.

Я осталась одна, и на моем лице растянулась блаженная улыбка. Как же я этому рада!

Я взяла деньги, блокнот и ручку. Положила вещи в маленькую сумку и отправилась на стилстанцию.

Я направляюсь в Данфорд, но не к Джону. Мне нужна библиотека. Мне наконец нужно разобраться, в какой мир я попала и какие законы правят в нем. Только так смогу решить, что делать дальше.

Двухчасовой путь к Данфорду больше не кажется мне долгим.

Стилпоезд медленно ползет по темному туннелю. К тому времени как большая многотонная машина остановилась окончательно, я уже стояла у выхода из вагона. Дверь открылась, и я спустилась по лесенке-подножке, ступив на розовый мрамор вокзала западного Данфорда. Иду вдоль стилпоездов — больших, мощных, невероятных — и, завидев мужчину в форме, тороплюсь к нему.

— Мисс, чем могу помочь?

— Мне нужна библиотека.

— Вам направо, к выходу два. Выйдете к Первой центральной улице и следуйте по указателям.

Найти библиотеку не составило труда. Широкое великолепное здание стоит сразу за парком через мост. Изысканный фасад украшен скульптурами великих людей в натуральную величину — они стоят как бы в глубине фасада здания. Перед дверьми ряд высоченных колонн.

Поднимаюсь по широким ступеням и прохожу в холл. По коже побежали мурашки, я будто во дворце. Здесь высокие колонны и куполообразный потолок. На стенах белый и зеленый мрамор, а под ногами красивейшая мозаика.

В библиотеке жарко, пиджаки здесь никто не носит, наверное, поэтому зеленая рубашка с красными манжетами и галстуком как форма для служащих стали выходом.

Осматриваюсь. Никому до меня нет дела. Впереди студенты в форменной одежде их колледжа. Я спокойно иду за ними.

Ошеломляющее впечатление производит читальный зал. Здесь высокие потолки и серый мраморный пол. Второй этаж верандой тянется от края до края и стоит на тяжелых и красивейших опорах.

Здесь бесконечные полки книг! От пола до потолка, они буквально везде — толстые и тонкие, широкие и размером не крупнее ладони. Все книги преимущественно в синих, зеленых и красных переплетах.

По центру в четыре длинных ряда расставлены дубовые столы.

Читальный зал делится на секции, а секции обозначаются большими золотыми цифрами, что крепятся к стене или арке.

Служащий проводил меня в отдел истории — отдел очень большой. Я взяла несколько книг и присела за длинный стол из темного дерева. Мужчина с красными манжетами зажег для меня настольные лампы и молча ушел.

В одиночестве, спокойно перебираю тома, читаю заголовки и вскользь пролистываю страницы.

Прогресс в этом мире шагнул немислимым образом, далеко продвинув вперед одну сторону промышленности и оставив далеко позади другую.

В этом мире нет следов первой и второй мировых войн. Последняя война относится к прошлому веку и нынешнее поколение не помнит ее ужасов. Отсутствие войны наложило несколько иной оттенок на моду этой эпохи. Например, уже сейчас брюки на высокой

посадке не в моде, перчатки — этой классики придерживаются теперь немногие — стремительно уходят в прошлое.

Многие имена высокопоставленных лиц мне неизвестны.

Нет компьютера, даже представления о нем.

Технологического прорыва не произошло.

В чем действительно превзошел ожидания этот век — поезда. Здесь их называют с обязательной приставкой «стил».

То, что я узнала, во многом меня озадачило. Оставляю книги на столе и спускаюсь вниз. Нахожу служащего, и тот проводил меня в отдел юридической литературы. Большая часть столов в этом отделе уже занята. Нахмурилась, ведь помимо серьезных мужчин здесь занимаются студентки.

С любопытством смотрю на девушек и, глядя, как одна из них увлеченно шепчется о чем-то с привлекательным парнем, понимаю, что библиотека — это не только храм знаний, но и место, чтобы завести знакомства. Юрист, бухгалтер, инженер — здесь можно выбрать.

Рядом с собой слышу тяжелый вздох парня. Студент. На его столе много раскрытых книг. Тоже помню себя за этим занятием. Когда-то была уверена, что мне не осилить суровую науку, но, как показала жизнь, я справилась.

Справлюсь и сейчас.

Здесь меня интересует семейное право. Беру несколько томов нужных книг и иду в общий зал. Складываю книги на стол. Усаживаюсь и беру за тонкий синий том семейного кодекса.

Но как можно сосредоточиться на книге, когда на меня в упор кто-то смотрит? Поднимаю глаза.

— Здравствуйте! — бодро поздоровался молодой мужчина. Его округлое лицо кажется мне знакомым. У него уверенно-дерзкий взгляд, что-то подсказывает, что он у него всегда такой. — Брюс Новак. Юрист корпорации «Хэнтон».

— Анна Стоун.

— Я видел вас в обществе мистера Хэнтон. Мы поднимались в лифте вместе, — пояснил мужчина. В его глазах угадывается некоторая хитрость. — Решил поприветствовать вас лично, раз уж раньше не представилась такая возможность, — его взгляд упал на мои

книги. — Если понадобится помощь, в любое время можете ко мне обратиться.

— У вас есть практика по семейным вопросам? — с надеждой спросила я. Я сомневаюсь, что в корпорации Хэнтонна занимаются подобными делами.

— Нет, миссис Стоун, — слово «миссис» он сказал как-то по-особенному, как если бы ждал от меня подтверждения, что это действительно так. Уверенно садится по другую сторону стола. Он уже был к этому готов, требовался только повод. — Такой практики у меня нет, равно как нет ее у большинства моих коллег. Семейные вопросы, мягко говоря, не популярны. Последний известный мне случай был еще во времена моего обучения в университете.

— Узкого специалиста нет? К кому бы я ни обратилась, он будет первопроходцем, вы это хотите сказать?

— В общих чертах — да, миссис Стоун.

Я заметно приуныла.

— Благодарю вас, мистер Новак, тогда...

— Вы можете меня звать просто Брюс.

У меня заметно округлились глаза. Хотя о чем я думаю? Дело здесь скорее в налаживании полезных связей. Тем более когда речь идет о личном окружении Джона Хэнтонна. Ведь деловым партнером меня назвать нельзя.

— Взаимное предложение, — уверенно говорю я. Мужчина был счастлив услышать такой ответ.

Казалось бы, знакомство с этим человеком на этом и закончится, но Брюс Новак настойчив и упрям. Он убедил меня, что кое в чем он все же должен мне помочь, а я не стала долго спорить. Не зря. Я бы не поверила своим глазам, если бы в подтверждение прочитанного в книге о том же не услышала из уст кого-то еще. А как иначе? Разве можно поверить в существование средневековых законов в этом веке? Как можно поверить, что в эту эпоху брак между женщиной и женщиной не будет заключен, если родители невесты станут возражать?

Конечно, есть исключение. Как же без него! Если женщине тридцать — согласия родителей не требуется. Вышла замуж, и слава богу!

Когда я пропустила через себя первое потрясение, смирилась с услышанным и приняла знание, взамен пришло новое. Брюс заговорил об обязательствах супругов, и у меня в голове что-то надломилось, ведь то, что я сейчас слышу, — не просто прописанный законом стандартный набор общих обязательств, здесь все серьезно.

Какая нелепость!

Так, если мужчина не обеспечит семью жильем в течение шести месяцев после вступления в брак — брак запросто аннулируется. Причем этого потребовать могут даже родители жены. Мужчина должен содержать семью, содержать дом и много-много в том же духе. Все это закон!

О женщинах говорится немного. Если по-простому, закон женщине сразу присваивает статус «слабое звено». Обязанность женщины — жены — заботиться о семье. Это если по-простому...

Что касается расторжения брака — мои глаза еще долго остаются круглыми, пока Брюс медленно разъясняет все детали, переворачивая для меня страницу за страницей закона.

Расторгнуть брак я могу только через суд. Слушание открытое, а это значит, что явиться на него может всякий, кому не лень. Даже если придется доказывать измену... Думаю, так сделано нарочно, чтобы другим было неповадно.

Попытаться может каждый, но на деле расторгнуть брак практически невозможно! Чтобы сделать это, потребуются по-настоящему веские основания. Например, измена или неспособность мужа обеспечить свою семью.

Что там еще?

Тяжелая болезнь любого из супругов, отягчающая жизнь другого. Серьезно?

Где же обещания быть рядом в здравии и болезни, в финансовом благополучии и дремучей бедности? Впрочем, люди всегда разводились и будут разводиться по всем статьям этого нелепого закона. Разница лишь в том, что в этой вселенной махнуть рукой и уйти не получится. Понадобится хороший адвокат. Со связями.

Я посмотрела на Новака и задумалась.

Теперь понятно, почему идея развода в этом мире так непопулярна. Далекое не каждый решится на этот шаг.

— Проклятие, — привычное движение снять очки не увенчалось успехом. Их теперь у меня нет и, признаться, это немного раздражает. Как будто у меня был ритуал — неотъемлемая часть меня — а теперь я без него, в то время как в нем нуждаюсь.

— Вы устали, — констатирует Брюс.

— Да, устала расстраиваться, — задумчиво изрекла я, а потом вдруг стала решительной. — Какие документы понадобятся и куда их нужно предоставить, чтобы подать на развод?

Брюс крепко задумался. Его взгляд изменился, стал более серьезным, что ли.

— Анна, ваш супруг поддерживает идею развода? — прямо спрашивает он.

— Не об этом сейчас речь.

— Я хочу, чтобы вы понимали: если вы с супругом не заодно в этом предприятии, расторгнуть брак даже по причине измен будет сложно. Понимаете?

— Понимаю, — твердо говорю я. — И все равно сделаю это.

— Вам нужно подать заявление в центральный судебный комитет Данфорда, — сказал Брюс, оставив попытки в чем-то меня убедить. — В канцелярии у вас примут документы и выпишут серийный номер дела. Комитет находится в двух кварталах отсюда. Обязательно возьмите с собой личные документы. В общем, сами видите, все просто.

— Спасибо.

— Удачи вам, — сказал Новак. — Она вам понадобится.

Я отправилась в Центральный судебный комитет сразу же. В кармане у меня визитка Брюса. Мужчина сказал, что я могу обратиться к нему в любое время. Визитку надо приберечь!

В канцелярии комитета служащий с уставшим лицом первое время смотрит на меня совершенно пустыми глазами. Не сразу, но он нашел список всех нужных документов. Я знакомлюсь со списком, образцами, требованиями.

Помимо заявления требуется еще куча других бумаг. Кроме того, понадобится оплатить сбор в сумме, которой у меня нет.

В мыслях тут же возникли нужные спонсоры в лице родителей Анны и на худой конец Джона.

— Вам, может, что-нибудь непонятно? Нужно объяснить? — с осторожным участием спрашивает служащий.

— Нет, благодарю, — рассеянно говорю я.

Уткнувшись в выданные мне бумаги, так и выхожу из Центрального судебного комитета.

Наконец передо мной стоит четкая цель. Не до конца проработан порядок действий, но цель мне ясна.

Надоело улыбаться. Надоело подстраиваться. Пора принимать решение, иначе это сделают за меня.

Когда я вернулась в Гринпарк, поздно вечером раздался телефонный звонок. Не сразу сообразила, что это был телефон. Помоему, он никогда не звонил при мне. Я подошла к журнальному столику и подняла черную трубку, приложив ее к уху.

— Анна Стоун. Слушаю, — с осторожностью говорю я.

— Здравствуй, Анна, — спокойно говорит Джон на той стороне провода.

Удивленная, молча присела в квадратное кресло.

— Что тебе помешало прийти сегодня? — так же спокойно спрашивает он.

— У меня были дела...

— Вот как, — тон, который не предвещает ничего хорошего. — Сегодня два очень занятых человека в компании нашли для тебя время, чтобы обсудить перспективы твоего развода. Но ты не пришла, потому что у тебя были дела... Я правильно тебя понял?

Это было ошеломляюще!

Когда Джон велел явиться к нему с документами, я решила что речь идет об уходе от Тома. Я думала...

Поражена масштабом собственной глупости! Даже думать об этом стыдно, не говоря о том, чтобы попытаться с ним объясниться.

— Дай мне еще один шанс, — прошу я. Мой голос звучит надломлено.

Мужчина ответил не сразу.

— Завтра в два часа я жду тебя в моем кабинете, — протяжно и терпеливо сказал он. — Этот шанс у тебя последний. Будь с документами.

— Я приду, — твердо и решительно говорю я.

— Хорошо. Доброй ночи, Анна.

— До завтра, Джон.

Глава 5

Как замечательно жить одной! На кухне легкий бардак. Я тоже выгляжу как бардак. Никто не дает оценок и никто меня не критикует.

Так мне чувствуется теперь свобода.

Пересчитываю остаток наличных: 73 баллиона из тех денег, что дал мне Джон.

Том денег мне по-прежнему не доверил, недельный бюджет остался у миссис Стоун. А миссис Стоун, в праведном гневе покидая дом, не горела желанием этим бюджетом поделиться со мной.

Нерадостно посмотрела в окно — на смену привычной солнечной погоде в Гринпарк пришел дождь. В Данфорде погода стоит еще хуже — здесь ливень.

Стою под стеклянным куполом на выходе вокзала западного Данфорда и сокрушаюсь, оттого что в купе стилпоезда оставила свой зонт.

«Анна, надеюсь, ты выросла не в тепличных условиях и твой иммунитет чего-нибудь да стоит», — подумала я, вымокая под теплыми каплями дождя. На дорогах широкие лужи. Без зонта на улицах, кажется, только я одна.

При мрачном небе «Гордость Хэнтон» кажется еще темнее, чем есть на самом деле. Бегом поднимаюсь по широкой лестнице и ныряю в карусельную дверь, сразу ощутив тепло. В холле на меня в упор смотрит администратор, у него потрясенный взгляд, еще двое за стойкой администрации увлечены работой и меня не замечают.

Капли воды текут у меня по лицу, и я поспешно вытираю влагу тыльной стороной руки. Быстрым шагом иду в дамскую уборную. За мной шумно закрывается дверь. Смотрю на себя в зеркало. Печальное зрелище. Будто я из душа, причем принимала его в одежде. Мое зеленое платье теперь кажется черным.

Салфетками вытираю лицо и шею, но толку от этого немного. Большого уже не сделать, и мой взгляд стал еще тоскливее, чем внешний вид. Разве можно идти на встречу вот так?

— Гррр... — хлопнула ладонью по раковине и вышла из уборной.

Когда я вошла в лифт, на меня не взглянул только ленивый.

«Да! Да! Да! Я похожа на крысу, мокрую и противную. Убейтесь!» — со злостью подумала я. Когда нажала на кнопку девяносто девятого этажа, с некоторых лиц мгновенно сошла маска осуждения.

— Добрый день! — поправляя мокрые волосы, приветствую я секретаря Хэнтон.

— О боже... — глаза девушки округлились, и она сразу протянула мне салфетки.

— Не поможет.

— Миссис Стоун. Два часа, — проверяет Дэйзи запись в графике. Убирает салфетки на место.

— Верно.

— У мистера Хэнтон еще не закончилась встреча. Подождите немного.

Я кивнула и тихим голосом говорю:

— Я не отказалась бы от кофе.

Мне приятно видеть отсутствие удивления на ее лице. Девушка в строгом коричневом платье спокойно приготовила для меня кофе. Один только запах восхитительного напитка приводит в чувства.

— Спасибо! — благодарю я и сразу делаю глоток.

Встреча Джона закончилась через двадцать минут. Из кабинета вышли серьезные мужчины в деловых костюмах. Лица у них неслабо озадачены.

Дэйзи заглянула в кабинет:

— Миссис Стоун, — докладывает она, а затем оборачивается ко мне и разрешает войти.

Когда за мной закрылась тяжелая дверь и я увидела Джона, сердце выдало неровный ритм. Высокий мужчина смотрит на черное небо над Данфордом, рукава его белой рубашки засучены по локоть, а руки упираются в бока.

— Здравствуй, Джон, — сказала я и мужчина медленно-медленно обернулся ко мне. Немного сердитое лицо стало мягче. Осмотрев меня с ног до головы, Хэнтон шумно выдохнул.

— Ох, Анна, ну что мне с тобой делать, — тихо говорит он и проходит к рабочему столу. Снимает со спинки кресла свой пиджак, подходит ко мне, накинув его мне на плечи.

Взгляд мужчины скользит по линии декольте мокрого платья, и я смущенно поправляю влажные волосы. Мои движения получились

неловкими, и уголок губ на лице Джона лениво приподнялся вверх.

— Идем, — сказал он. Мужчина направился к выходу, а я едва поспеваю за ним.

Заходим в лифт. Пока двери закрываются, вижу сосредоточенное лицо Дэйзи. Она стучит по клавишам печатной машинки, оставаясь совершенно безучастной ко всему, что происходит вокруг.

Лифт бесшумно пополз вниз. Мы в нем только одни, и в воздухе возникло знакомое напряжение. Мгновенно нахлынули воспоминания и мои щеки запылали. Расправляю плечи, прогоняя наваждение.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я.

— К юристам.

Мы вышли на семьдесят третьем этаже, прошли мимо стойки администрации и направились прямо по коридору.

Кабинет юристов — это два окна, два стола и море бумаг. Бумаги и папки везде: на столе, на шкафу, в шкафу, около шкафа, на подоконниках и даже на столике с кофе и чаем. С первого взгляда может показаться, что в этом хаосе ничего найти нельзя, но так только кажется.

Если Хэнтон сейчас спросит крупного мужчину в круглых очках предьявить ему что-то конкретное, уверена, проблем у него не возникнет.

Мужчины коротко приветствуют друг друга и жмут руки.

— Анна Стоун, — представил меня Джон.

— Патрик Джеферсон. Рад знакомству, — сказал юрист, а я кивнула.

У мистера Джеферсона очень важный вид. У него круглое лицо и умные внимательные глаза, а на лбу три глубокие складки — он часто хмурится. Он хмурится даже сейчас.

— Присаживайтесь, миссис Стоун, — юрист падает в кресло, указав мне на противоположную сторону своего стола. Поверх рабочих бумаг приготовил блокнот и ручку. Джон за его спиной прислонился к окну.

На лице юриста уголки бровей высоко вздернулись вверх.

— Итак, миссис Стоун, — заговорил он, заглядывая мне прямо в глаза. Как и полагается публичному человеку, у него сильный голос. — Вы хотите развод. Все правильно?

— Да, — твердо отвечаю я.

— Вам известно, что процесс будет публичным?

— Да.

— Вам известно, что это значит, и дополнительных разъяснений не требуется?

— Не требуется.

— Значит, вы хорошо понимаете, во что ввязываетесь, — мужчина берет в руки ручку. — По личной просьбе мистера Хэнтон я готов быть вашим адвокатом, но от вас мне потребуются ваша честность. Если вы намерены что-то скрыть, то лучше откажитесь от своего решения прямо сейчас и продолжайте жить с супругом до конца вашей жизни. Если вам понятны мои условия, миссис Стоун, вы согласны работать со мной?

— Да, — не задумываясь, говорю я.

— Тогда приступим, — кивнул он. — Как давно вы находитесь в браке?

— Около месяца.

— Что?! — голос юриста стал другим. Он молниеносно снимает очки, его взгляд впился мне в лицо. — По какой причине хотите развод?

— Не люблю мужа.

— Если бы вы любили мужа, то разговор между нами сейчас не состоялся, — резко парирует он. — Что вас заставило пойти на развод? Ну же, половая беспомощность мужа, измена. Что?

«На меня надели чужой костюм, выпихнули на сцену и заставляют играть не свою роль», — мрачно подумала я и спокойно говорю:

— Не пришлась по вкусу новая жизнь.

— Не верю вам.

— Вы цепляетесь за Тома, но дело во мне. У Стоуна гораздо больше причин для развода со мной, чем у меня с ним.

— А вот это интересно! — наставляет на меня большой указательный палец. — Говорите!

— Не выполняю обязанностей жены, — легко изрекла я.

— Расшифруйте, — говорит Джеферсон и что-то пишет в блокнот. Мне потребовалось время, чтобы собраться с мыслями и перечислить набор смехотворных причин:

— Бросила домашнее хозяйство, редко бываю дома, отказываю в супружеской близости...

— А еще у вас есть любовник! — неожиданно как из пушки выпалил Джеферсон.

Удивленно выгибаю бровь. То, что услышала, на мгновение выбило меня из равновесия, и это не осталось незамеченным.

— У вас есть любовник! — разоблачительно констатирует Джеферсон.

— Блестяще, — в смятении протянула я.

— Ну, кто он? Ваш садовник, водитель, товарищ вашего супруга? — мужчина не сводит с меня проницательного взгляда. Выдерживает недолгую паузу и спокойно говорит:

— Или речь идет о вас, мистер Хэнтон?

Джон неспешно отлипает от окна, медленно обходит стол и руками облакачивается о спинку моего стула. Говорит спокойно:

— Патрик, с браком миссис Стоун можно что-нибудь сделать?

— Сделать можно все что угодно! Многое будет зависеть от задействованного набора средств, — многозначительно заявил юрист. Протягивает мне свою визитку. — Это мой рабочий телефон. Вы принесли документы?

— Да, — рассеянно говорю я, все еще размышляя над его словами. Из сумки вынимаю все необходимое и передаю мужчине. — А если Том согласится на развод? Скажем, без возражений, — предполагаю я.

— Если мистер Стоун согласится, это сильно облегчит дело, а если нет, все станет еще сложнее, чем есть сейчас, — просматривая мои документы, безо всяких эмоций отозвался Джеферсон. — Но я бы не сильно рассчитывал на его согласие. В конце концов, выиграет самолюбие. Какой мужчина пойдет на подобное унижение добровольно?

— Все может быть компенсировано.

— Предлагаете откупиться от него, мистер Хэнтон? — юрист поднял глаза на Джона. Задумчиво трет подбородок. — Действенный вариант... но все равно надо подумать.

— Еще кое-что, Патрик, — пальцы Джона напряглись до белизны костяшек. — Он ударил ее, это можно как-то использовать?

— Не думаю, — вместо юриста отвечаю я. — Свидетелей нет. Без бумаги мои слова, просто слова.

— А бьет он вас часто? — живо спрашивает юрист. Почти с надеждой.

— Это произошло только раз.

— Если ударит снова, так, что на теле останутся следы, вы должны позвонить в полицию и сообщить об этом! И тогда у нас будет что-то весомое для суда.

— Понимаю.

— Пока что рекомендую ничего не предпринимать. Сначала я подумаю, что можно сделать. Вам все понятно, миссис Стоун? — строго спрашивает Джеферсон, подразумевая мои мысли поговорить с Томом о разводе с глазу на глаз. Я кивнула. — Если ко мне вопросов больше нет, прошу покинуть мой кабинет, у меня дела, — бесцеремонно сказал он и сразу поднялся с места.

Я нахмурилась, а вот Хэнтон отнесся с пониманием к требованию юриста.

— До встречи, Патрик, — спокойно сказал Джон. Придерживает для меня дверь.

— Спасибо за ваше время, мистер Джеферсон, — говорю я и получаю в ответ сухое «угу». Удивленно смотрю на Джона — как и у меня, уголок губ Хэнтон приподнялся вверх.

Юрист выгоняет из кабинета своего непосредственного босса и запросто игнорирует правила обычной вежливости, — для Патрика Джеферсона, судя по всему, это норма. Моя улыбка стала шире. Я вышла в коридор, протянув Джону его пиджак, и сразу стало зябко. Мужчина принял пиджак с некоторой неохотой.

— На выходе тебя будет ждать темный «Прайд». Водитель отвезет тебя.

— На вокзал? — не рассматривая других вариантов, спокойно говорю я.

— В квартиру. Останешься там и будешь ждать меня, — в его голосе нет компромисса, и я удивленно уставилась на Хэнтон. Мой рот приоткрылся, но никакие возражения на язык не легли.

Мы подошли к лифтам, Хэнтон выжимает квадратные кнопки обоих: тот, что идет вверх, и тот, что спускается вниз. Тот, что поднимается вверх, пришел быстрее.

— Вечером присоединюсь к тебе, — бросил Джон и сделал широкий шаг вперед, как только двери перед ним расступились.

Теперь смотрю в пустоту. Я остолбенела.

Когда двери расступились, лифт передо мной был полон людей. Вхожу с задумчивым выражением лица, не замечая на себе любопытные взгляды.

«Ничего в мире не делается просто так, — размышляю я. — Джон оказал мне услугу. Куда деваться мне?».

На улице настоящий тропический ливень! Дождь много сильнее, чем был до этого, и люди попрятались под сильно изогнутыми полями больших зонтов.

Как и сказал Хэнтон, у входа стоит темный «Прайд» — внушительная в размерах машина темно-коричневого цвета с далеко вытянутым капотом. От черной решетки радиатора протянуты три широкие трубы, похожие на турбины бледно-бежевого оттенка, в тон резины колес. Задняя часть кузова плавно округляется, сохраняя место для небольшого багажника. «Прайд» Хэнтон — дорогая классика, в Данфорде я видела очень мало подобных ей машин.

Многие автомобили в своих формах и дизайнерских решениях подражают стилпоездам — имеют поразительное сходство с ними: такие же округлые и вытянутые, обтекаемой формы. Они весьма популярны в городе, но, как мне кажется, эти машины выглядят громоздкими, неуклюжими и немного нелепыми. Мне больше нравятся те, что похожи на «Дейсмо» — машина с низким и широким кузовом, с сильно вытянутыми хромированными плавниками на задней ее части. Машина, в которой нет ничего фантастического.

Водитель в форменной одежде и белых перчатках быстро поднимается по ступеням и подставляет для меня большой синий зонт.

— Миссис Стоун? — спрашивает он, а я киваю в ответ.

Идем к машине. Водитель открывает для меня заднюю дверь, и я опускаюсь в роскошь дорогого салона из черной кожи. На дверях лакированные вставки из темного дерева.

Водитель закрыл за мной дверь, обходит машину и садится на водительское кресло. Мокрый козырек с головы не снимает.

Машина тронулась с места. По крыше стучит дождь, дворники работают очень быстро. Некоторое время мы едем по знакомой мне

Первой центральной улице и за несколько домов от поворота к вокзалу западного Данфорда сворачиваем на север.

Машина остановилась у серого здания в семь этажей. Это здание — одно из лучших в жилом квартале: красивый рельефный фасад, высокие окна, по обе стороны от входа — большие круглые фонари на тонкой ножке.

Водитель открыл для меня дверь.

— Я провожу вас до дверей, — учтиво говорит он и подставляет для меня зонт. Проходим через узкий тротуар и поднимаемся по короткой лестнице.

Я полагала, что услужливый водитель проводит только до дверей здания, но он проводил меня до самых дверей квартиры на четвертом этаже. Ключом открывает дверь и отдает их мне в руки.

— Доброго дня, — сказал он, опустив взгляд. Дождавшись от меня ответной любезности, уходит.

Я тихонько толкнула дверь и вошла внутрь. Квартира Джона богата на пространство, здесь несколько комнат и большой широкий балкон. Кухня объединена с гостиной. Есть еще одна гостиная, одна спальня, есть рабочий кабинет и ванная комната.

Не нашла одежного шкафа — вообще никакого, вскоре сообразив, что для гардероба предусмотрена отдельная комната.

Квартира светлая. Как и кабинет Джона на Первой центральной — здесь нет ничего лишнего.

Я прошла через кухню и потянула на себя прозрачную дверь на балкон, на меня сразу посыпались капли дождя. Шумный поток воды на бетонных плитах хлещет меж узких щелей низкой оградой.

Закрывает дверь на балкон и поспешно сняла с себя мокрое платье.

— Наконец-то! — в чувствах удовольствия выдохнула я и сразу пошла в душ, под теплые струи воды. Былое напряжение в теле быстро спало.

Обмотанная белым полотенцем, иду в спальню и захожу в гардероб. Здесь только одежда Джона: длинный ряд рубашек по левую сторону и брючные костюмы — по правую, а между — отдельный вертикальный шкафчик для галстуков. На нижних полках наручные часы и запонки. На полу несколько пар обуви.

Небрежно сваленные на стул серый джемпер и штаны выглядят как домашняя одежда.

Выбор для меня невелик, поэтому беру черную рубашку Джона. Я в ней утонула. Когда высохло белье, его надела тоже.

Большой округлый холодильник пуст. Я налила себе чай и, усевшись за стол, покусываю старое и уже подсохшее печенье. Судя по всему, Джон здесь бывает нечасто.

Отсутствующим взглядом смотрю в окна — уже стемнело, а на улице все еще стучит дождь. Сижу вот так еще долго, до тех пор, пока не услышала, как проворачивается ключ в замке.

Оставляю кружку и поднимаюсь из-за стола. Дверь в квартиру открылась, и на пороге появился Джон. Его волосы и плечи влажные от дождя.

— Анна, — на суровом как камень лице расплзлась довольная улыбка.

Плечом я облокотилась о выступ стены, сложив на груди руки. Рубашка Джона едва прикрывает мне бедра, и свои обнаженные ноги завожу одну за другую. Стараюсь выглядеть спокойной, но румянец на щеках выдал мое волнение.

У Хэнтоня прямой и темный взгляд. Мужчина скидывает с себя пальто и неспешно приближается ко мне.

— Я взяла твою рубашку, — смущенно говорю я, испытав чувство странного удовольствия. Отлипнув от стены, отступаю на два шага назад.

— Носи ее когда угодно, — с легкой хрипотцой в голосе сказал он.

— Сейчас?

— Сейчас она будет очень мешать... — расстегивает верхние пуговицы своей белой рубашки, и я делаю еще шаг назад, а мужчина подступает на два вперед. Множество оттенков желания пробежало на моем лице. Расстегнута последняя из пуговиц, и Джон отбросил рубашку в сторону.

Впервые вижу его сильное тело: рельефное, покрытое небольшим количеством волос.

Джон рывком притянул меня к себе и впился мне в губы в нетерпеливом и невероятно долгом поцелуе, заставляя широко раскрываться мой рот. Когда одним неуловимым движением он стянул с меня рубашку, ему каким-то непостижимым образом почти удалось не оторваться от моих губ.

— Ни под каким предлогом сегодня не уйдешь, — убедительно заявил Хэнтон. В его голосе и даже взгляде строгость удивительным образом сочетается с нежностью.

— Ладно, — проронила я.

Серая сталь его глаз встречает мой взгляд уверенным, не скрывающим намерений взором. Непроницаемая улыбка становится решительной.

— Джон? — с опаской выдохнула я. Мое сердце рвется из груди.

— Да, дорогая, — спокойно отозвался он, мягко подтолкнув в сторону спальни.

— Ты что-то задумал?

Мужчина усмехнулся. Вопрос был изначально глуп, а Джон не дал мне возможности оправдаться. В одном только белье и с взъерошенными волосами отвечаю на невероятно сладкий поцелуй.

Терпкий вкус сигар на его губах и аромат дорого одеколona сводят меня с ума. Моя кровь обращается в раскаленную лаву, она растекается по венам, и на рассудок неизбежно опускается туман.

— Мой, — ему в губы вдруг нагло выдохнула я. Так хочу, чтобы желаемое стало действительным.

Мужчина тут же опрокинул меня на кровать. Нависнув надо мной, заглядывает мне в глаза.

— Твой? — в его голосе угадывается скепсис.

Лежа на спине, робко улыбнулась ему, ведь, идти на попятную уже поздно.

— Ох, Анна... — склонился надо мной Джон. Взгляд темный, туманный. — Дерзкая Анна.

Я пыталась сопротивляться собственным чувствам. Я сделала все возможное, чтобы устоять и не допустить того, что происходит сейчас. Мне нельзя быть здесь. Быть его. Так велела мне гордость. Но...

Несмотря на обстоятельства, несмотря на протестующие вопли здравого рассудка в моей голове я безумно счастлива, оттого что прямо сейчас могу быть с ним. Я в восторге от того, что происходит между нами. Это восхитительно!

Грубая ладонь скользит по горячей коже, его губы бесконечно покрывают поцелуями мне шею и лицо. Обнимаю его. Притягиваю мужчину к себе так, как если бы существовал способ стать еще ближе.

Это великолепно!

Мне бы хотелось, чтобы этот вечер тянулся чуточку дольше, но всему хорошему когда-нибудь приходит конец.

На улице стало совсем темно. Рассудок опять способен генерировать назойливые мысли, и не все они приходятся мне по нраву.

Я устала. У меня совсем нет сил. Я не хочу о чем-то думать вообще.

Я слышу свое громкое дыхание и улыбаюсь, прикрыв мгновенно отяжелевшие веки. Испытывала ли я когда-нибудь нечто подобное? Любовь, счастье, восторг и все это одновременно и так же ярко, как сейчас? Думаю, что нет.

Я прикрываюсь тонким одеялом. Стыд мне пока еще не чужд.

Я чувствую, как он смотрит на меня. Почти физически, кожей ощущаю этот взгляд. А потом он взял мою руку в свою большую ладонь и поднес мои тонкие пальцы к своим губам.

Мои ресницы медленно-медленно поднялись вверх. Взгляд неторопливо переместился к Джону. Дрожь по телу, когда заглядываю во мрак глубоких серых глаз. В них угадывается туманный упрек.

Упрек?

Я слегка нахмурилась.

— Кто дал тебе право ворваться в мою жизнь и снести все к черту? — холодно говорит он, в то время как его пальцы продолжают ласково поглаживать мою ладонь.

— Я только постучалась, — тихонько призналась я. — А ты, вместо того чтобы захлопнуть дверь, взял меня за руку и заволоч в свою жизнь сам. Дверь закрыта. Ключ у тебя.

Я улыбнулась. Ответной улыбки на его губах не появилось. Мужчина внимательно смотрит на меня и вдруг спрашивает:

— Зачем ты вышла за Стоуна?

Улыбка на моем лице стала гаснуть. Есть тысяча способов испортить волшебный вечер, и Джон воспользовался одним из них в этот самый момент. Недовольная, начала перекатываться на другой бок, а Джон удержал меня на месте.

— Ужин стал удобным поводом, чтобы посмотреть на него, — невозмутимо заявил Хэнтон. — Получив представление о нем, я решительно не понимаю, как вы двое могли встретиться.

— Зачем тебе это нужно? — с претензией в голосе, спрашиваю я.

— Я представлял Томаса Стоуна человеком сильного характера, — взгляд у Джона такой, будто он остался разочарован тем, что это оказалось не так. — Ему бы подошла женщина.... прямая противоположность тебе, — он медленно приблизил ко мне свое лицо и губами раскрыл мне губы и после непродолжительного поцелуя выдохнул:

— Ты не для него...

Эти слова нашли пылкий отклик в моем теле. Дух захватывает!

— Ты расстанешься с Мелиссой? — прямо спрашиваю я, и мой голос чудом не дрогнул.

Джон тихо рассмеялся. Встретившись с моим серьезным взглядом, уверенно заявил:

— Я не намерен этого делать.

— Джон... — в моем голосе опять слышится претензия.

— Я не сделаю этого! — жестко оборвал Хэнтон.

Я не рассердилась. Если и есть на кого сердиться, то только на себя, ведь я позволила себе непозволительную глупость поверить, что могло быть как-то иначе.

— Будет лучше, если я вернусь в Гринпарк, — немного обдумав, с тоской говорю я.

— Не говори глупости, — уже мягче, отозвался Джон.

«Какие глупости?» — зло подумала я. Какая участь удобнее: Гринпарк с Томом или Джон Хэнтон и эти роскошные апартаменты? В первом случае — претензии Тома и его деспотичная мать, а в другом — раздавленная гордость.

Впрочем, сомневаться в чем-то уже поздно. Джон способен разбить мой брак — услуга, за которую четко определена цена.

Как бы там ни было, я уже здесь...

— Каковы правила? — без эмоций говорю я.

— Ты о чем?

— Я — твоя любовница, Джон. В этом качестве я впервые. Каковы правила?

Взгляд Хэнтон стал тяжелым.

— Не иметь других любовников и не создавать для меня проблемы. Прежде всего те, что касаются моих отношений с мисс Бауэр.

Хмурюсь, едва сдерживая цунами нахлынувшего гнева. Мне это не нравится. Надо возражать! Хочу спорить! Но имею ли я на это право?

Мои мысли, как всегда, отразились на лице.

— Анна, — процедил Джон. Взгляд острый, холодный, подавляющий.

Перестала хмуриться, но гнев все еще владеет мной.

Вздрагиваю. В теплой ладони мужчина сжимает мой кулак. В этом жесте есть некоторая нежность, но взгляд остается прежним, бескомпромиссным.

— Насчет Мелиссы — мы договорились?

— Ладно... — встаю с кровати, сожалея, что в этот момент совершенно обнажена.

Взгляд у мужчины недоверчивый.

Я накинула рубашку, не оглянувшись, добавила:

— Мне все понятно, мистер Хэнтон. Будет по-вашему, — сказала я и направилась в кухню.

Подхожу к столешнице и с громким лязгом ставлю кружку на блюдце — я этого не хотела, так получилось. Ложка кофе, ложка молока и ложка сахара — все заливаю кипятком. Кофе меня не только бодрит, но даже успокаивает. Вот и сейчас, вдыхая его аромат, чувствую себя лучше.

Чувствую дыхание на оголенной шее, а затем легкий как касание бабочки поцелуй. По обе стороны от меня Джон ладонями уперся о столешницу, вжимая меня в нее.

— Ну что мне сделать, чтобы ты чувствовала себя лучше? — выдыхает он мне у самого уха.

— Дай мне время свыкнуться, и все будет в порядке, — твердо говорю я. — Кофе?

Джон разворачивает меня лицом к себе. У него упрямый взгляд.

Губами касаюсь его губ и с кофе в руках обхожу мужчину. Плавно опускаюсь на стул. Хэнтон садится на соседний.

— Предположим, я останусь жить в твоей квартире, — спокойно говорю я. — Как ты рассчитываешь скрыть от Мелиссы меня?

— Оставь свой сарказм.

— Это вполне серьезный вопрос, Джон. Объясни мне, — возразила я. — Я не слишком хорошо ее знаю, но... она не кажется

мне глупой.

— Проблем не возникнет.

Скептически приподнимаю левую бровь, но лицо быстро становится хмурым. Мой взгляд метнулся по гостиной и кухне и вернулся обратно к Джону. Странно, что я раньше не сложила два и два...

«Любопытно, как давно остыла постель после моей предшественницы?» — подумала я, и в этот самый момент будто иголкой кольнули в самое сердце.

— Твоя невеста знает о квартире, даже если ты думаешь по-другому, — сдержанно говорю я. — Когда мисс Бауэр станет миссис Хэнтон, вполне ожидаемо, что о своих претензиях она заявит несколько громче, чем сейчас.

— Оставь это на меня, — к уверенному голосу примешалась усталость. Мои слова для него не открытие.

— Ладно, — пытаюсь повторить привычное движение, но очков на глазах нет. Не глядя на Джона, говорю:

— Я поговорю с Джеферсоном и попробую подать заявление на развод уже на этой неделе. Сама. А по прибытии Тома предложу ему разойтись мирно. Такой план.

— Нет.

— Я так хочу, — пытаюсь быть упрямой.

— И все же нет.

Смотрю на Джона, а он смотрит на меня, и понимаю, что в этом споре компромисса не будет. Гордость жалобно поскуливает. Я не хочу оставаться любовницей слишком долго.

— Хорошо, — убедительно солгала я.

Глава 6

Хэнтон уехал рано утром, пока я еще спала. Когда проснулась, приняла душ и с чашкой горячего кофе вышла на балкон. Тучи рассеялись, над Данфордом поднимается солнце. В прохладе утра чувствуется сильная влажность.

Нашла визитку Джеферсона. Сняла трубку и набрала его номер.

— Джеферсон у аппарата, — тут же рявкнул юрист.

— Анна Стоун, — с некоторым замешательством говорю я. — Патрик, мои документы по-прежнему у вас?

— Они у Хэнтона.

— Что? Почему?!

— Спросите у него самого, — предложил Джеферсон. После чего бросил чопорное «до свидания», и посыпались короткие гудки.

Во мне бушуют тревога и злость. Набираю номер Хэнтона. Ответила Дэйзи. Девушка перевела звонок на Джона, и я услышала его спокойный ровный голос:

— Доброе утро, Анна.

— На каких условиях ты готов вернуть мне документы? — резко спрашиваю я.

На короткое время образовалась неприятная тишина, и мужчина серьезно заговорил:

— Верну их в любое время, когда не останется причин верить, что ты натворишь глупостей.

Уголки моих губ разочарованно опустились вниз. Очевидно, вчера я была не так убедительна, как хотела в это верить.

— Так нечестно, Джон, — со злостью выдохнула я. — Ты не можешь так поступать. Я приняла решение!

— Плохое решение, — уверенно изрек он.

— Том может согласиться на развод... — опять попыталась я.

— Он не согласится, — в его голосе компромисса нет, и я устало прикрываю рукой глаза. Нет никакого смысла продолжать этот разговор. Это тупик.

— Твое решение окончательно? — без надежды на другой исход спрашиваю я и получаю вполне ожидаемый ответ:

— Да.

И вот эти знакомые чувства. Снова! Безысходность. Зависимость. Бессилие.

— Благодарю за уделенное мне время, мистер Хэнтон, обещаю беспокоить реже.

Черная трубка сразу упала на телефон.

Скрипя зубами, взяла со стола оставленные Джоном деньги и сделала то, чего Хэнтон просил меня не делать. Отправилась в Гринпарк.

Дом на Солнечной улице оставался пуст. Меня не было здесь только день, а кажется, будто прошла уже вечность.

В первый день я радовалась своему решению и своему одиночеству в этом доме. Ходила по дому, слушала радио и даже почитала скучную книгу. Джон не звонил. Том тоже не звонил. Так и прошел день, спокойно и тихо. Второй день ничем не отличался от первого, а на третий я начала скучать...

Четвертый день был самым трудным, от безделья я начала сходить с ума. В том, что мой рассудок временно помутился, сомневаться не приходится, ведь с некоторой степенью удовольствия я смотрю передачу по кройке и шитью.

Еще пара дней, и вернется Том. Что я буду делать, если разговор с ним пойдет не так, как нужно? Вернусь в Данфорд? Время — хороший доктор, ведь такая перспектива больше не злит меня так, как это было сперва.

С одной стороны, мое возвращение в Данфорд будет означать, что я проиграла Джону нашу маленькую войну принципов. А с другой стороны, с той, что абсолютно свободна от разногласий, что разделяют нас с Хэнтоном, я очень хочу воспользоваться возможностью жить в его квартире. Несмотря ни на что.

Самые большие трудности, с которыми приходится сталкиваться в этой ненормальной реальности, упираются в деньги. Мне непривычно быть той, что неспособна обеспечить себя даже малым достатком. При моей прежней жизни у меня всегда были возможности, а теперь они ограничены волей мужчин.

Провести неделю одной в доме достаточно тяжело — это время кажется вечностью. Ведь я так ни разу не ушла дальше калитки дома 68 на Солнечной улице. От скуки даже стало нравиться выходить к

качелям, чтобы посмотреть, как по узким тротуарам ходят люди. Никогда бы не подумала, что утренние приветствия с соседкой Ани-Мари могут доставить удовольствие.

— Доброе утро! — приветливо машет она мне рукой. У нее аккуратная прическа с ненавязчивыми завитушками на плечах, яркие алые губы и красивое синее платье. И так каждый день, чтобы пройти сто метров к магазину — единственному на весь городок.

— Доброе утро! — отозвалась я, растянув на лице вполне искреннюю улыбку.

Магия живого общения!

Скоро должен приехать Том. Начинать с ним диалог о разводе в условиях нечищеного дома и при отсутствии адекватной еды было бы неразумно. Поэтому за день до его приезда я взялась за уборку и сделала ее в своем стиле. Без фанатизма.

То же и с едой — в духовке я приготовила индейку в кисло-сладком соусе. Готовила строго по рецепту в книге, никакой самодеятельности, но получилось не так, как на картинке. Немного расстроилась, но больше разозлилась. Бросила книгу в ящик, чтобы глаза мои ее не видели!

Переделывать ничего не стала. Будь что будет.

Я привела в порядок волосы, лицо и одежду. Посмотрела на дом — он чист, а еще в нем вкусно пахнет едой.

Я довольна результатом и даже готова к тому, что мою работу могут все равно оценить как «плохо». К моему удовольствию, Том остался доволен. Он приехал поздно вечером и, рассматривая его немного уставшее, но растянувшееся в улыбке лицо, я подумала: «а не переборщила ли?». Может, было бы лучше оставить дом в том виде, в каком он был, и даже сделать его хуже? Быть может, тогда у Тома было бы больше причин разойтись со мной...

Хожу за Томом, он без усталости рассказывает о тех днях, что провел в Коннектике. Слушаю его и стараюсь даже вникнуть во все, что он говорит, но мысли мои все равно где-то далеко.

Я в некотором замешательстве. Мне нужно сказать всего несколько слов, но я не представляю, когда это лучше сделать.

Когда наступает тот самый момент, что считается лучшим, чтобы огоршить человека невероятной новостью? Когда человек безмятежно спокоен или занят, когда он сидит или стоит, когда он

улыбается или вообще не выражает никаких эмоций? Лучше, чтобы это случилось в гостиной или на кухне?

Когда и где наступает тот самый момент?

— Я хочу развод, — прямо говорю я и внимательно всматриваюсь в лицо Тома. На кухне повисла гнетущая тишина, и в воздухе чувствуется странное напряжение. Том на какое-то время потерял лицо. Затем его брови приподнялись вверх, а губы приоткрылись.

Мужчина откладывает газету в сторону.

— Что это значит? — опешил он. — Анна, ты хорошо себя чувствуешь?

— Я в порядке, — быстро отвечаю я, сильнее сжав пальцами теплую кружку. Том смотрит на меня, а я смотрю на него. — Что ты думаешь об этом?

— Что я думаю? — к потрясению на его лице примешался гнев. — Ты несешь бред!

— Из меня не вышла хорошая жена и...

— Почему ты хочешь развод со мной? — требует Том.

— Я не люблю тебя, — сорвалось с моих губ. Вижу, как медленно-медленно пальцы мужчины сжимаются в кулак. — Прости меня, но это так, — добавила я и вжалась в спинку стула, приложив немало усилий, чтобы не вскочить с места и не спрятаться за первой же дверью, где есть замок.

К моему заметному облегчению, кулак Тома разжался. Мужчина молчит. Взгляд его опущен, а брови остаются поднятыми вверх. Он определенно хочет что-то сказать, но будто не способен подобрать нужных слов.

— Зачем ты ездила в Данфорд? — неожиданно спокойно спрашивает он.

— Я уже говорила тебе...

— Почему ты не ездила, скажем, в Конектик? Мы бы вместе могли возвращаться домой. Но ты этого не делала, почему?

Я не ждала такого вопроса и, признаться честно, он меня несколько озадачил.

— Мне нужно было место, где нет этого дома, где нет твоей матери... — я с осторожностью смотрю на Тома. Господи, я определенно совершаю ошибку, но все равно говорю это. — Где нет тебя.

— Нет меня? — Том смотрит на меня, как на умалишенную.

Мое сердце бьется где-то в горле.

— Прошу тебя, Том, подумай. Если мы будем в этом вопросе заодно, развод пройдет быстро и... нам не придется слишком долго терпеть это унижение.

Взгляд Тома становится ядовитым.

— Неужели ты согласен оставаться со мной после всего, что я сказала? — мой голос становится на тон выше. — О какой совместной жизни может идти речь теперь?

Том не изменился в лице.

— Скажи что-нибудь! — не выдержала я его долгого молчания.

— Я устал, — с подчеркнутым безразличием в голосе сказал он и поднялся из-за стола. — Пойду спать.

Том обошел стол и словно в трансе вышел из кухни. На сегодня вопрос закрыт, но, быть может, утром он сможет посмотреть на ситуацию как-то иначе.

— Все пошло не так, — обреченно выдохнула я. Задумчиво постукиваю пальцами по столу — получается ритм.

Хорошо хоть на причины исчезновения из дома миссис Стоун не возникло много вопросов. На вопрос «где мама?» ответ «вернулась домой» Тома вполне устроил.

Большие надежды возложены на утро. Я проснулась около семи и больше не смогла сомкнуть глаз. Привела себя в порядок, вышла в кухню и налила чашечку горячего кофе, побрела к лучшему месту в этом доме — к качелям на веранде.

В выходной перед понедельником улица совершенно пуста. В окнах домов не горит свет, не видно ответственных хозяек, мужчины не торопятся на стилпоезд. Тихо и спокойно. Так было до тех пор, пока не скрипнули дверные петли.

В домашней одежде неспешно подошел Том и присел рядом.

Мужчина кажется спокойным. Я улыбнулась ему, и он улыбнулся мне в ответ — получилось неловко. Какое-то время молча смотрим прямо перед собой, в пустоту улицы.

— Ты хорошо спала?

— Не очень.

— И я не очень, — признался Том. — Твои слова никак не уходят из головы.

Смотрю искоса и вижу, как мужчина задумчиво хмурится.

— Пытался понять, где тот момент, когда это началось, — добавил он и прямо посмотрел на меня. В этот самый миг сердце мое болезненно сжалось. — Прошрое уже не поправить, но я бы хотел попытаться что-то сделать с настоящим. Я хочу попытаться.

«Но я не хочу», — промелькнула у меня в голосе грустная мысль, но говорю я совсем другое:

— Что ты предлагаешь?

— Предлагаю поехать в Данфорд. К северу от центра есть парк. Пообедаем в лучшем ресторане, закажем там фирменные блюда, прогуляемся по саду. Как когда-то, — берет меня за руку. — У нас новый дом, у тебя и у меня новая жизнь. Слишком много перемен вот так сразу. Нам нужно выдохнуть, Анна. Нам обоим это нужно...

Смотрю в искренние глаза Тома и понимаю, что выхода у меня нет.

— Хорошо. Попробуем.

Я по-разному представляла это утро, но предположить не могла, что оно может стать даже приятным. Я и Том вместе позавтракали и о многом поговорили. Когда часы показали полдесятого, вместе отправились на стилстанцию и взяли два билета в Данфорд.

Дорога в Данфорд оказалась увлекательной. Том может быть обаятельным, когда не говорит о моих недостатках — он интересно рассказывает, и я с удовольствием его слушаю, а когда речь заходит о веселых казусах из личного опыта, искренне смеюсь. Правда, когда он погружается в воспоминания о нас, его фраза «ты помнишь?» меня сильно беспокоит.

Когда Том ненадолго вышел из купе, мысли мои сами ушли к Джону. Мне вдруг вспомнились его глаза, губы и голос. Увы, сколько себя не обманывай, а я очень скучаю по этому обольстительному мерзавцу.

Мы прибыли на вокзал восточного Данфорда. Его брат-близнец находится на западе, а здесь я впервые. Любопытно увидеть те же высокие и толстые стены, но в отделке из зеленого мрамора. Я сравниваю все, что вижу, и на выходе из вокзала с улыбкой поднимаю глаза к купольной крыше высоко над головой, она в точности как у западного брата.

На улице тепло и солнечно.

На привокзальной площади Том выбрал для нас машину такси, черную с оранжевыми шашечками. Он открыл для меня дверь, и, пока я удобно устраивалась в стареньком темном салоне, склонился к водителю и назвал ему адрес. Когда Том сел рядом со мной и захлопнул дверь, выражение его лица мгновенно стало холодным и непроницаемым.

Смотрю на Тома в некотором замешательстве, а он с демонстративным безразличием смотрит прямо перед собой.

Жаль, что его поведение не вызвало во мне сколько-нибудь разумных подозрений раньше. Дверь закрыта, машина тронулась — я в ловушке! У меня дрогнули губы, когда осознала это, но было уже поздно.

Водитель такси остался совершенно равнодушен к моим настойчивым требованиям остановить машину и вскоре, миновав черту города, по неровной дороге мы едем через желтые поля. Здесь нет людей, животных и даже деревьев.

Когда машина остановилась перед высоким серым зданием, Том, не беспокоясь ни о чем, спокойно вышел. Я тоже вышла из машины. На меня подул теплый воздух, а дрожь по телу пронеслась, как будто меня окатили холодной водой. Я смотрю на большое серое здание и не могу вздохнуть. Я вижу вывеску: «Психиатрическая больница Данфорд».

Сквозь сковывающее тело оцепенение делаю шаг назад, смелее получается второй, а на третий уже бегу! Бегу так быстро, как только могу. У меня сердце бьется в груди, в голове, в руках и ногах и даже в пятках!

Когда услышала погоню за спиной, резко свернула в траву полей. В полях, где негде скрыться, сбежать нельзя. Меня нагнали и повалили на землю. Сильный мужчина в белом халате — санитар — грубо схватил меня за руку, поставил на ноги и поволок к страшному месту.

У меня все тело трясется. Санитар упрямо тащит вперед, а я еле-еле перебираю ногами.

Том спокойно стоит у главного входа в больницу. Лицо его по-прежнему не выражает никаких чувств. Он проходит в двери, а меня приходится втаскивать в них.

Холл больницы с его мрачными голубыми стенами, металлическими решетками на окнах и скучной обстановкой выглядит

как призрак прошлой эпохи.

Впереди идет холодный и безразличный Том и останавливается перед женщиной в белом медицинском халате. Это брюнетка, на ее губах яркая красная помада. Ненавижу этот цвет!

Губы женщины растягиваются в приветственной улыбке и предназначена она только для Тома. В сочетании с волчьим взглядом приветствие выходит жутковатым.

— Мистер Стоун, я — Ингрид Миллер, старшая медсестра. Следуйте за мной.

Я словно пустое место, не достойное ее внимания. Едва взглянув на меня, женщина развернулась на каблуках и направилась вглубь коридора.

— Что ты делаешь, Том? — требую я. — Почему?!

— Тебе нужна помощь, Анна. Здесь тебе ее окажут.

— Мерзавец!

Тут же раздался резкий голос старшей медсестры:

— У нас есть смирительные рубашки, миссис Стоун. Желаете примерить?

— Иди к черту! — выкрикнула ей в ответ.

Женщина развернулась на каблуках. Ее глаза опасно сверкнули.

— Не стоит, — просит женщину Том. — Она не в себе. Не освоилась...

Ингрид Миллер согласно кивнула, но взгляд ее остался прежним, опасным.

Дальше по коридору показалась развилка. Старшая медсестра и Том свернули налево, в то время как меня потащили вправо, к лифту.

— Том! — кричу я, в моем тоне только просьба. — Том, не поступай так со мной, прошу тебя!

Том не обернулся, и я брыкаюсь в руках санитаря.

— Пустите меня, — прошипела я. — Я не останусь здесь!

Оказаться в таком месте в пятидесятых равносильно смерти. Психиатрическая больница этого века — билет в один конец, где жизнь превратится в ад на земле. Людей мучили, пытали, морили голодом, о них забывали. Сюда легко попасть и невозможно выйти даже после смерти. На территории больницы есть кладбище.

Нужно выбраться! Нужно спасти себя и делать это надо уже сейчас, а для этого придется взять себя в руки и успокоиться.

Делаю глубокий вдох и выдох. И так несколько раз, пока паника в разумных пределах не оставила мое сознание.

— Я хотела бы позвонить, — сдержанно прошу я.

— Только с разрешения врача, — был мне прохладный ответ санитаря.

— А когда я его увижу?

— Сейчас, — сказал санитар и потянул меня из лифта, через темный коридор к широкой и старенькой двери с позолоченными ручками.

За дверью слышен спокойный хриловатый голос. Мужчина за дверью с кем-то разговаривает по телефону. Я слышу, как он дважды назвал мое имя. Мне нехорошо.

Когда голос за дверью стих, санитар заглянул в кабинет.

— Стоун, — промычал он и почти сразу втолкнул меня в кабинет главного врача.

Дверь за мной с легким щелчком закрылась.

— Главврач Пол Андерсен, — обыденным рабочим тоном представился немолодой мужчина у широкого рабочего стола. — Проходите, миссис Стоун.

У главврача небольшой овальный кабинет. Большую часть комнаты занимают рабочий стол и шкаф. Мебель здесь дорогая и новая.

Я нерешительно подошла к большому широкому окну — оно выходит во внутренний двор больницы. Там, внизу, люди в серых пижамах с взлохмаченными волосами и отрешенными взглядами шатаются из стороны в сторону, словно зомби. Удручающее зрелище.

Все мое естество противится тому, чтобы быть здесь. В руках опять появилась нервная дрожь, и мне чудом удалось сдержать мгновенный порыв к бегству.

— Присаживайтесь, миссис Стоун.

Я отлепила глаза от окна. Мистер Андерсен терпеливо дал мне время осмотреться, теперь лучше сделать так, как он просит. Молча занимаю кресло по другую сторону его стола. Мистер Андерсен сцепляет пальцы в замок и спрашивает:

— Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

— Вы мне скажите... — спокойно говорю я. — Почему я здесь?

Губы врача растягиваются в сдержанной улыбке.

— Ваш супруг выражает беспокойство касательно состояния вашего душевного здоровья, поэтому вы здесь. Судя по тому, что я от него услышал, его опасения не лишены смысла, — мужчина надевает круглые очки, открывает желтую папку с записями. — Так-с, позитивная, ответственная, не склонная к агрессии, — медленно читает он. — Это ваша характеристика до вступления в брак, а теперь она прямо противоположна: агрессивно-решительная, апатичная, безответственная, — поднимает на меня взгляд. — Что скажете, миссис Стоун?

— Том заблуждается.

— Хотите сказать, вашему супругу показалось?

— Хочу сказать, что наш брак претерпевает не лучшие времена, поэтому Том делает неправильные выводы. Думаю, он преувеличивает... сильно.

— Вот как, — у врача вдумчивый и проницательный взгляд. Мельком посмотрев записи, спрашивает:

— Как часто у вас возникают вспышки агрессии?

— Я не склонна к агрессии.

— Вы выставили за дверь свекровь. Сделали это грубо.

— Я сделала это решительно, но не грубо, — многозначительно заметила я.

Взгляд врача опять ныряет в записи:

— Вы кричали ей, чтобы та убралась из дома.

— Все было не так, — возмутилась я.

— Отрицаете?

— Она злоупотребила гостеприимством, и я потребовала, чтобы миссис Стоун покинула дом. Я не говорила ей убираться из него!

— Вы не оставили ей выбора.

— Это мой дом! Моя... — зло выпалила я и сразу замолкла.

— Ваш дом. Ваши правила... Так-с, — у врача серьезный взгляд. — Старшая медсестра сказала, что вы ругались на нее.

— Нет, — обреченно качаю я головой.

— Она лжет?

— Она вмешалась в наш с Томом разговор. Я ее осадил.

— А мне доложили, что вы спровоцировали конфликт с мужем. Ваш супруг и мисс Миллер пытались вас успокоить. Разве не так было дело?

— Вы выворачиваете наизнанку смысл моих слов, — низким голосом констатирую я.

— Хотите сказать, медперсонал заблуждается? Я тоже заблуждаюсь?

— Вы неверно трактуете события. Это я пытаюсь сказать.

Некоторое время врач внимательно смотрит на меня. Затем перебирает записи в папке и, поправив на глазах очки, читает вслух:

— По-другому смотрит, иначе говорит, изменились осанка и походка, привычки и навыки, — поднимает на меня взгляд. — Тоже преувеличение?

— Безусловно, — мой голос кажется спокойным, но сердце будто провалилось в пятки.

Врач задумчиво хмыкнул.

— Как вас зовут?

Мои брови удивленно изогнулись.

— Анна Стоун, — спокойно говорю я. На этот раз голос едва не дрогнул.

— Хорошо, — подводит руки к подбородку. Оценивает меня.

— Вы будто мне не верите, — говорю я и даже пытаюсь вежливо улыбнуться.

— Я пытаюсь понять вас.

— И как успехи?

Врач издает короткий смешок.

— У меня нет оснований полагать, что мистер Стоун заблуждается в своих наблюдениях, — внимательно смотрит на меня, а затем медленно произносит. — В вас изменились не просто отдельные черты характера, миссис Стоун, в вас изменилась сама личность, и я хотел узнать, есть ли у этой личности имя.

Я опешила. Врач, недолго наблюдая за моей реакцией, склонился к бумагам и лениво поставил размашистую закорючку. Работа выполнена, диагноз поставлен.

— Вот так просто? Вы готовы запереть здесь здорового человека, руководствуясь мнением кого-то со стороны? — обрела я голос, и звучит он достаточно мрачно.

— Любопытно, что вы называете собственного супруга посторонним лицом, — делает новую запись, и вскоре скрежет

металлического наконечника по бумаге прекратился. — Хотя, может, он вам не супруг вовсе?

Поджав губы, не могу оторвать прямой взгляд от врача, а тот, уверенно его выдержав, спокойно говорит:

— Вы ни разу не назвали мистера Стоуна мужем.

— Я развожусь с ним... поэтому не намерена так его называть, — тихо поясняю я.

— А может, вы не намерены называть супругом человека, который таковым вам не является?

— Том мой муж, а я его жена. Нет отрицания, мистер Андерсен, — спокойно говорю я. — Вы намереваетесь лечить здорового человека.

Я смотрю на врача, а он смотрит на меня. На его губах растянулась добрая, но недоверчивая улыбка, и в этот самый миг внутри меня что-то поломалось. Это как удар под дых. Голова кругом и кажется, вот-вот сознание оставит меня. Глубоко втягиваю воздух и надломленным голосом спрашиваю:

— Я могу сделать звонок?

Брови врача удивленно приподнялись.

— Кому вы хотите звонить?

— Другу из Данфорда.

— Вы поэтому так часто ездили в Данфорд, к другу?

На какое-то мгновение я растерялась.

— Верно, — уверенно киваю я. — Так я могу позвонить?

— А я смогу при этом разговоре присутствовать?

— Разумеется.

Врач придвинул ко мне телефон.

Снимаю трубку и набираю знакомые цифры. Делаю это медленно, потому что едва контролирую напряжение в собственных пальцах. Мистер Андерсен аккуратно переписывает набранные мною цифры на листок бумаги.

В трубке слышались долгие гудки похожие на вечность.

— Приемная мистера Хэнтон, слушаю вас.

— Анна Стоун. Я могу поговорить с Джоном? — спрашиваю я, сознательно не называя его полное имя.

— Мистер Хэнтон не может сейчас ответить на звонок. Я могу ему что-нибудь передать?

— Да, — резко говорю я. — Психиатрическая больница Данфорд. Я теперь здесь, и мне нужна помощь.

На той стороне провода молчание.

— Ты слышишь меня, Дэйзи? — забеспокоилась я.

— Да... миссис Стоун, — с запинкой говорит она. — Это все?

— Передай это Джону. Хорошо? — в упор смотрю на мистера Андерсена. На губах мужчины легкая улыбка.

— Как только мистер Хэнтон вернется, я сразу ему доложу об этом.

— Спасибо, Дэйзи... — сказала я и нехотя положила черную трубку на место.

Теперь Джон узнает, где я. Дай бог ему будет не все равно и он вытащит меня из этого места.

Глаза врача в задумчивости опущены на лист бумаги. В его записях появились еще две строчки: «Джон» и «Дэйзи».

— Думаю, на этом мы можем закончить, — выдохнул он. Неспешно поднялся с кресла, прошел через кабинет и выглянул за дверь. Почти сразу вошел санитар. — Отведи к мисс Миллер.

Я поднялась и безропотно подошла к мужчинам. Своим поведением даю понять, что готова быть послушной.

Главврач кивнул санитару, и я спокойно иду сама, по правую руку от мужчины в белом халате. На лифте мы спустились шестью этажами ниже в подвальные помещения. Когда лифт остановился, санитар с силой дернул в сторону решетку, и я не сразу решилась выйти из него. Здесь холодно и мрачно. Сыро. На потолке свисает лампа накаливания без плафона.

Меня пробирает озноб то ли от страха, то ли от холода. Здесь как в темнице.

Санитар не намерен ждать, когда я свыкнусь с суровой реальностью и приду в себя. Бесцеремонно хватает меня за руку и тащит прямо по коридору. Над головой мерцает блеклый свет от желтых ламп.

С громким скрипом мужчина открывает тяжелую железную дверь и заводит меня в комнату. Здесь лампы горят ярче.

На стенах и на полу голубой потрескавшийся кафель. Справа из стены торчат ржавые душевые трубы, а на противоположной стороне — битые раковины. В уголке стоит стол из светлой стали, а рядом с

ним, на стене, висит длинный красный шланг, похожий на пожарный. Уверена, эта штука способна держать очень высокий напор.

Санитар вышел, а меня оставил здесь. Холодок пробежал по коже, когда взгляд мой уткнулся в Ингрид Миллер. Две кривые на внешность женщины рядом с ней — младшие по рангу медсестры.

— Что вы собираетесь делать? — осторожно спрашиваю я у Ингрид Миллер.

Женщина неприятно улыбнулась мне, натянув на руки тонкие резиновые перчатки.

— Раздевайся, — сказала она. Одна из медсестер подает ей шланг.

— Я могу сама помыться, — тихонько пискнула я.

— Раздевайся или тебе поможет мистер Круз, — тон ее голоса не дает сомневаться в твердости ее намерения.

Мысль, что за дело может взяться верзила-санитар, крепко отрезвила. Больше не медлю и стягиваю с себя платье, чулки, нижнее белье и оставляю все на металлическом столе.

Стыдливо обнимаю себя руками, с ужасом глядя на шланг в руках этой обиженной на всю голову женщины.

— К стене, — командует она, и я безропотно подчиняюсь. Мысленно подготовилась к ледяной воде под сильным напором, но...

Мисс Миллер выжимает носик шланга вбок, и я, глубоко выдохнув, закрываю глаза. Сильный напор ледяной воды резко обрушился на меня, и я не в силах сдержать вопль:

— Хватит!

Напор ледяной воды бьет не мягче хлыста. Прячу руками лицо, падаю на колени, подставив под удар спину. Вода хлещет по голове, шее и спине. Для меня это был шок.

— Хватит! — опять кричу я, вода попадает в глаза и рот.

Пытка длилась недолго.

Напор воды вдруг спал, а затем и вовсе прекратился. Вода тоненькой струйкой падает на мокрый пол под ноги мисс Миллер. В тишине этот звук эхом разносится по стенам мрачной комнаты.

Я дрожу от холода.

— Вставай! — властный голос женщины режет обострившийся слух, и я вскакиваю на ноги.

Мисс Миллер стягивает с рук перчатки и надевает новые. Смотрит на меня и говорит:

— Расставь ноги.

— Что? — у меня округлились глаза. Дыхание по-прежнему тяжелое.

Старшая медсестра дернула головой, и две ее помощницы встали по обе стороны от меня: одна схватила правую руку, другая — левую. Та, что слева, ногой ударила мне по голени, и я расставила ноги. Награждаю ее уничтожающим взглядом, а в ответ получаю наглую ухмылку. Присев на корточки, мисс Миллер рывкнула:

— Шире.

И я подчинилась. Я по-прежнему трясусь от холода, но, почувствовав ее холодные руки, задрожала еще сильнее. Этот кошмар длился не больше минуты.

— Одевайся.

С трясущимися от холода руками, униженная и обнаженная, сгребая со стола полотенце и стыдливо прикрываюсь им.

На столе больше нет моих вещей, взамен оставлены сорочка и халат.

Приятно облачиться в одежду. Мои руки все еще трясутся, но уже не от холода.

Прижимая к груди кусок жесткой застиранной материи, что зовется полотенцем, молча следую за Ингрид Миллер, за женщиной, которую в мыслях убиваю самым жестоким и изощренным способом, который приходит мне на ум.

— Твоя палата, — старшая медсестра Миллер открывает передо мной дверь. — Тебе не позволено иметь личных вещей. Ужин в шесть часов, в восемь отбой. Завтрак в восемь, обед в час. Уборная прямо по коридору — четвертая дверь направо. Душ каждые понедельник и четверг. Завтра, когда позвонят на завтрак, сперва придешь в процедурный кабинет: прямо по коридору, вторая дверь направо.

Рассеянно киваю, все еще поглощенная фантазией жестокой расправы над Ингрид Миллер. Женщина закрывает за мной дверь, а я остаюсь радоваться своей пока еще персональной палате.

Палата — маленькое вытянутое помещение с одним окошком размером с форточку у самого потолка, а потолки здесь высокие. По обе стороны палаты две кровати со смирительными ремнями. Больше здесь ничего нет.

Присаживаюсь на кровать. Очень хочу выпить чай, горячий и согревающий. Это лучшее лекарство при моральной лихорадке после болезненной и унижительной процедуры.

Но чай мне никто не приготовит и даже самой его приготовить вряд ли когда-нибудь позволят.

Укладываю тяжелую голову себе на руки.

— Том, сукин ты сын! — едва слышно выругалась я. Прокручиваю весь сегодняшний день, начиная от утреннего разговора с ним и заканчивая поездкой в Данфорд, и внутри меня все клоочет от раздражения и ярости. Подлый низкий Том! Джон был прав в отношении него. Он был прав с самого начала. Том Стоун — слабый, самолюбивый, жалкий человек!

— Забери меня, Джон. Ради всего святого, сделай это уже завтра... — по щекам потекли слезы. Закидываю ноги на кровать, обняв себя руками. Плачу.

Глава 7

Я стою у огромного окна в кабинете Хэнтон. Вид из него фантастически великолепный и страшный.

Теплые руки вдруг сжали мне талию, и у самого уха слышу шепот Джона:

— О чем ты думаешь?

Укладываю свои ладони поверх его рук. В груди растекается приятное тепло.

— О тебе, — с улыбкой на губах говорю я. Но улыбка гаснет быстро. — Ты очень далеко.

Мужчина мягко развернул меня лицом к себе, и я с нежностью посмотрела в серую сталь его глаз, не сразу осознав, что спиной прижимаюсь к гладкой поверхности стекла. Я не хочу прижиматься к стеклу. Это девяносто девятый этаж!

Стекло за спиной вдруг исчезло. Я не вижу этого, но хорошо чувствую и цепляюсь за мужчину поистине мертвой хваткой.

За моей спиной пропасть, но мужчина крепко держит меня. Джон не боится пропасти. В его руках безопасно.

«Завтрак!» — вторгся в сознание чей-то голос, и я сразу распахнула глаза.

Удивленно моргаю, не сразу сообразив, где нахожусь. Огляделась вокруг и сразу плюхнулась обратно на подушку.

— Завтрак! — опять прогремел чей-то голос в коридоре.

Уже завтрак? Неужели я спала так долго.

Поднимаюсь с кровати, плотнее запахнув свой халат. Открываю дверь и выхожу в коридор. Фигуры в серых пижамах, покачиваясь, идут в столовую, а я следую за ними.

Для большой больницы столовая мала, но радует, что она белая и чистая. Радует, что она вообще есть, и, быть может, я не умру от голода. Беру поднос, встаю в очередь и получаю кашу. Неаппетитно.

На мое смиренное «спасибо» женщина на раздаче ответила угрюмым взглядом.

Двигаюсь дальше и беру для себя ломтик хлеба и кружку, доверху наполненную чаем.

Сажусь за свободный стол в дальней части столовой и кривой алюминиевой ложкой пробую на вкус скользкую жижу, что должна называться овсяной кашей. На вид отвратительна и на вкус не лучше. Скривив лицо, отодвинула от себя тарелку.

Слышу смехок впереди себя и поднимаю взгляд. Молодая женщина с соседнего столика растянула губы в широкой улыбке, обнажив пожелтевшие и больные зубы. Я вздрогнула, когда она посмотрела на меня, и улыбка женщины мгновенно погасла, взгляд ее стал по-звериному хищным. Невероятно худая женщина за тем же столом обернулась ко мне, оценив недружественным взглядом.

Поспешно опускаю глаза, придвинув к себе чай. Тихонько осматриваюсь, пока взгляд мой не уткнулся в особу в шелковом пеньюаре синего цвета. На ее тонких ножках тапочки с кокетливым пушком на носике. Ее внешний вид меня озадачил, ведь это не больничная одежда.

У женщины бодрое лицо и аккуратно причесанные волосы. У нее на лице есть легкий макияж. Когда за тот же стол села другая женщина, она надкусила ломтик хлеба, взяла кружку и лениво побрела из столовой. Я хотела поступить так же, но меня остановили.

— Посуда остается здесь, — вытянул перед собой руку дежурный санитар.

Удивленно моргаю, но быстро все понимаю. Поспешно выпиваю чай и ставлю кружку на стол. Спешу вслед за женщиной и сразу натываюсь на мисс Миллер.

Резкий и жгучий удар по щеке выбивает из головы все мысли. Я пошатнулась, рукой ухватившись за стену. Остолбенела. Поднимаю на женщину недоуменный взгляд, удерживая пальцы на полыхающей огнем щеке.

— Если я сказала перед завтраком быть в процедурном кабинете, значит, ты должна быть в процедурном кабинете! — ядовито сказала она, и ее алые губы сжимаются в тонкую линию. — Завтракала? — рывкнула она так, что я вздрогнула.

Необдуманно киваю, на что получаю новый болезненный шлепок уже по другой щеке.

— Санитар!

Подошел крепкий мужчина, лицом напоминающим кирпич.

— Отведите миссис Стоун в душевые, — ее слова прозвучали как приговор.

В сознание вторгся ужас. Опять?!

— Нет! — взмолилась я. — Нет, Ингрид, нет!

Мужчина тащит меня вдоль белого коридора, а я сопротивляюсь.

— Отпусти меня! Пусти! — сильно кусаю его за руку и тот ударил меня о стену. В голове возникла сильная боль. Стекаю на пол, не до конца поняв, что произошло. Санитар опускается на корточки и внимательно всматривается мне в лицо. Переборщил, но не сожалеет. Схватил и, словно тушку животного, перевалил меня через плечо.

В ушах стоит странный звон.

Когда моргнула — я была уже в лифте. Как мы так быстро оказались здесь?

Когда моргнула опять — перед глазами возникли начищенные черные туфли мисс Миллер.

Слышу, как со скрипом отворилась железная дверь, а спустя мгновение санитар осторожно положил меня на холодный кафельный пол. Я часто заморгала, всматриваясь в серый потолок. Сознание вернулось окончательно, но зрение все еще подводит. В условиях полумрака все выглядит темным и размытым.

— Как самочувствие? — спрашивает меня мисс Миллер.

— А как, по-вашему? — необдуманно огрызнулась я.

Женщина издает короткий смешок.

— Вы хорошо себя чувствуете, но мы это исправим, — сказала она и холодно добавила. — Обещаю.

Медленно перевожу на нее свой взгляд. Рассудок все еще в тумане.

Старшая медсестра передает полотенце санитару и предлагает ему приступить.

— Что вы собираетесь делать? — в моем голосе возникли нотки неподдельного страха. Меня не будут поливать из шланга, это что-то другое и, судя по улыбке мисс Миллер, эта пытка будет ужаснее предыдущей.

— Не надо... — пячусь я от санитаря. — Не приближайся! — кричу я и вскакиваю на ноги.

Санитар не позволил даже дотянуться до ручки двери. Повалил меня на спину, уселся сверху, обмотав мою голову полотенцем. Кричу,

извиваюсь, брыкаюсь, пальцами стягивая полотенце с лица. Но руки вдруг сгребли вместе и мертвой хваткой удерживают у меня на груди.

Извиваюсь, изгибаюсь, воплю. И тут новый шок! Полотенце вымокает в холодной воде. Вода попадает мне в рот и ноздри, и я захлебываюсь. Пытаюсь вопить, а вместо этого заглатываю в легкие больше воды и кашляю.

Легкие горят — не могу вздохнуть!

Бьюсь из последних сил за собственную жизнь, но силы быстро иссякли. В момент, когда я уже поверила, что это конец, полотенце вдруг сняли с моего лица и санитар молниеносно перевернул меня на живот. Локтями упираюсь в мокрый пол. Сильно опустив голову, жадно заглатываю воздух. Из рта льется вода.

Ребра горят, будто по ним били палкой.

Когда я перестала кашлять и хрипеть, старшая медсестра опустилась рядом со мной на корточки.

— Вы будете послушной, мисс Стоун? — ласково спрашивает она.

В шоке от происходящего медленно обращаю на женщину свой взгляд. Медсестра улыбается, а бровь ее многозначительно поднимается вверх.

Мое бедное тело сжалось от страха — я невероятно боюсь эту женщину. Боюсь ее сильнее, чем кого-либо в своей жизни.

— Да, — сказала я. Мои губы дрожат.

— Да, мисс Миллер, — властно поправила она.

В мышцах невероятное напряжение. Сознание напугано.

— Да, мисс Миллер, — покорно говорю я.

— Завтра перед завтраком жду тебя в процедурном кабинете.

— Да... мисс Миллер.

Удовлетворенно кивнув, женщина дает знак санитару поднять меня. Я едва держусь на ногах. Меня приволокли обратно в палату и усадили на кровать.

Обнимаю себя руками, остро нуждаясь в защите. Будь Джон рядом, он бы не позволил со мной такому случиться. Я знаю это.

Но от этого легче не становится. Это уже случилось со мной, и в моем сознании что-то поломалось. Теперь я знаю, завтра, едва заслышав слово «завтрак», я влечу в процедурный кабинет, отдав честь по стойке смирно, если потребуется.

Голова кругом, но не от мыслей. Рукой осторожно касаюсь рассеченного лба, на пальцах остался алый след. Зеркала в палате нет, в уборной помню, тоже нет. Неужели увидеть собственное отражение для меня теперь — непозволительная роскошь?

Когда захотела выйти из палаты, вдруг поймала себя на мысли, что боюсь это сделать. Теперь понимаю, почему большинство пациентов замкнуты в себе и передвигаются по коридорам с опущенным взглядом. Но вот одна из нас чувствует себя вполне комфортно. Почему?

Женщину в синем пеньюаре я нашла в комнате отдыха. Та растянулась на диване, безнаказанно выдыхая в окно облако сигаретного дыма. Взгляд сапфировых глаз спокойный и безразличный. Ей будто до лампочки, где она находится и все, что происходит вокруг.

Подхожу к ней ближе. Когда женщина убедилась, что я направляюсь именно к ней, лениво обращает ко мне взор, и я молча сажусь рядом.

— Тебе позволяют курить здесь? — почти шепотом спрашиваю я.

Взгляд женщины мельком пробежался по моему лицу, но надолго задержался на ране чуть выше виска.

— Когда спишь с лечащим врачом, тебе многое позволено.

Удивленно приподняв бровь, уставилась на нее.

— Осуждаешь меня? — тем же тоном спрашивает она.

— А я могу?

Губы женщины изогнулись в ленивой улыбке, изящно выгибает шею и взглядом указывает на группу женщин в дальнем углу. Среди них были те, что наградили меня недобрым взглядом в столовой. Они смотрят на нас и перешептываются.

— Они осуждают, — говорит женщина в синем пеньюаре, насмешливо помахав им рукой. Некоторые из них сразу отворачиваются. — Ты пока хорошо выглядишь, — говорит она мне. — Так что мой тебе совет: когда твой врач захочет тебя, не упрямясь слишком долго, и тогда твоя жизнь станет сносной.

Хмурю брови, а женщина ухмыльнулась:

— Просто совет, а поступай как знаешь.

— Я не задержусь здесь, — сказала я, а в ответ слышу грустный смешок.

Женщина протяжно затягивается и на выдохе говорит:

— Я здесь уже год, и за это время больницу не покинули даже те, кого вывезли ногами вперед, — подразумевает она местное кладбище. Смотрит на меня. — Тебя ведь муж сюда привел. Что натворила?

— Предложила развод.

Женщина громко рассмеялась. Санитар обратил на нас волчий взгляд, но быстро вернулся в исходное состояние.

— Когда Дориан разбогател, решил, что я ему больше не нужна. Привез меня сюда и получил развод. Тихо.

«Закон допускает развод, если болезнь супруга обременяет жизнь другого...», — вспомнилось мне.

— Когда мы становимся не нужны, нас привозят сюда. Врачи ставят диагноз и запирают здесь навсегда, — ее взгляд метнулся к женщине, что сидит за шахматной доской. Глаза той женщины пусты и безжизненны. — Бетти. Ее привез муж. Получил развод и женился на девчонке только из колледжа. Бетти — моя первая подруга здесь. После завтрака мы начинали день с игры в шахматы, много говорили о том, что совсем скоро нас выпишут, потому что мы здоровы, но время идет, а мы все здесь... А это Нора, — указывает на женщину, прислоненную лбом к стене и бормочущей что-то себе под нос. — Моя вторая подруга.

— Давно? — не скрывая ужаса, спрашиваю я.

— Шесть месяцев.

— Но она явно нездорова, — опешила я.

— После электрошоковой терапии с тобой будет то же самое, — затягивается, выразительно уставившись на мой рассеченный лоб. — Так что веди себя смирно.

Наступила долгая пауза. Будто время остановилось и я наконец изрекла:

— Анна Стоун.

— Ева Нельсон, — лениво смахнув пепел в пепельницу, смотрит прямо перед собой. — Надеюсь, ты продержишься дольше моих первых подруг, Анна Стоун.

Когда меня отвели в кабинет лечащего врача, была удивлена тем, что им оказался молодой доктор.

— Меня зовут Клайд Коллинс. Присаживайтесь, миссис Стоун, — с любопытством рассмотрев меня, мужчина показывает на стул

напротив своего стола.

У доктора Коллинса глубокие синие глаза, белая кожа и темные волнистые волосы. Поверх синей рубашки накинута белая халат. Расслышав его приятный бархатный голос, прихожу к выводу, что передо мной мужчина не старше тридцати.

Нерешительно прохожу по скрипучему деревянному полу и сажусь на стул. Осторожно осматриваюсь по сторонам: маленький кабинет с голубыми стенами, большое окно. В дальнем углу комнаты шкаф — в нем очень много книг. Несколько толстых томов в красных и зеленых переплетах лежат на письменном столе доктора.

Стоит полдень. В кабинете очень светло.

Пока я осматриваюсь, мистер Коллинс просматривает папку с личным делом.

— Здесь сказано, что вы упали в душевой, — резко поднимает от бумаг глаза и показывает на мой рассеченный лоб. — Как вы себя чувствуете?

Припомнив болезненный удар о стену, поджимаю губы и говорю:

— Хорошо.

— В больнице вам комфортно?

— Сносно.

— Вас что-то беспокоит? — спрашивает Клайд Коллинс. У доктора доверительный взгляд.

— Меня поливали из шланга и проводили осмотр в спартанских условиях, — сухо замечаю я. — Комфорта мало.

— Вы оказали сопротивление персоналу, такие условия — вынужденная мера.

— Унизительная.

— Но это позади, а сейчас с вами хорошо обращаются?

— Да, — не сразу отвечаю я, благоразумно решив, что некоторые подробности лучше опустить.

— Давайте приступим, миссис Стоун. Расскажите немного о себе, — облокотившись о спинку кресла, предлагает он.

Не сразу, я заговорила:

— Анна Стоун. 28 февраля 1933 года рождения. Окончила старшую школу Илсити. Поступила в колледж искусств. Имела неосторожность выйти замуж за обиженного неудачника, и теперь я здесь.

Доктор Коллинс задумался. Подтягивается к столу и, сложив руки перед собой, предлагает:

— Поступим вот как, я буду задавать вопросы о некоторых эпизодах вашей жизни, а вы ответите на них. Договорились?

— А вам откуда известно о них? — осторожно спрашиваю я.

— Я имел удовольствие беседовать с вашей матушкой.

— Мама знает о том, что я здесь, но не пожелала меня увидеть? — поразила я.

— В интересах больного посещения запрещены.

— Или в интересах больницы, — необдуманно замечаю я.

— Что вас беспокоит, миссис Стоун? — опять прямо спрашивает доктор Коллинс. Голос стал тверже.

В груди все клоочет! Я изолирована от внешнего мира. Приходил ли Джон за мной или пытался хотя бы увидеть, остается только гадать.

Смотрю на мистера Коллинса, а он смотрит на меня.

— Вы хотели задать мне вопросы, доктор, — напоминаю я. Голос звучит резко.

Взгляд доктора остался таким же доверительным, и он спокойно спрашивает:

— Что вы сейчас чувствуете?

— Раздражение.

— С чем оно связано?

— Я среди тех, кому нет до меня дела. Я была бы очень рада увидеть собственную мать, перекинуться с ней хотя бы одним словом... Но нельзя.

— Все не так плохо, — подбадривает он. — В рождество посещения разрешены.

— Ну, это все меняет.

— Воздержитесь от язвительного тона, — голос мужчины по-прежнему спокойный, но в интонации слышу предупреждение. На этом ничего не закончилось, от меня терпеливо ждут ответ.

— Хорошо, — смиренно говорю я.

— Хорошо, — голос доктора стал прежним, мягким. — Обратимся к вашему прошлому, миссис Стоун, и начнем мы с детства. Матушка подарила вам игрушку, когда вам исполнилось восемь. Что это была за игрушка?

Что это за вопрос такой? Об этом запросто не вспомнит и сама Анна.

Сердце бьется так, будто еще немного, и оно выскочит из груди.

— Кукла, — выдаю я стандартный ответ.

Доктор Коллинс оценивает меня внимательным взглядом, затем обращается к бумаге и делает запись, невесело сообщив, что это был пони.

— В восемь лет у меня была масса игрушек. Неудивительно, что я не всех их помню.

— Допускаю, — отозвался он. — Но эту игрушку для вас связала ваша матушка собственными руками. Это единственная вещь вашего детства, которую вы сохранили до сегодняшнего дня.

Мне будто дали под дых, и холодная дрожь пронеслась по телу. Плохо удастся скрыть свое настроение, и пронизательный взгляд доктора замечает все. Его взгляд сочувствует, будто сам он не рад моим промахам.

— По случаю окончания старшей школы куда отвез вас ваш отец?

Вариантов слишком много, начиная от ресторана быстрого питания и до каких-нибудь гор.

— В ресторан, — мой голос звучит неубедительно.

— Вы остались дома, — сразу сказал мистер Коллинс. — На каком курсе колледжа экзамен пришлось сдавать дважды?

Обычно, первые экзамены заваливают на втором курсе. Вот и мой ответ был:

— Второй.

— Хорошо, — удовлетворенно кивает и сразу бросает уточняющий вопрос. — Какой предмет?

— Искусство.

— Нет, — делает запись. — Этикет домохозяйки.

Проклятие! Я вдруг вспомнила две фотографии в альбоме Анны. Она и ее подруга... Этикет домохозяйки.

— Всего не упомнишь, — философски замечаю я.

— Согласен. Но день бракосочетания, что состоялся совсем недавно, вы помнить должны.

Поджав губы сильнее обычного, с тревогой смотрю на мистера Коллинса.

— В этот день ваш супруг вручил вам подарок. Что это было?

Даже гадать не хочу. Доктор поддается вперед, и в его глазах могу видеть свое мрачное отражение.

— Ваш супруг подарил вам ключи от нового дома. Дом, в котором вы стали хозяйкой.

Обреченно заваливаюсь на спинку стула.

— Воспоминания детства, школы, колледжа, вплоть до момента бракосочетания для вас закрыты, — заключил он. — Что произошло с Анной, что спровоцировало ваше появление? — этот вопрос не для меня, он скорее риторический.

— Вы совершаете ошибку, доктор Коллинс.

— Судя по тому, что я услышал от миссис Лоуренс, — мужчина разворошил листы из личного дела и один из них взял в руки, — и характеристике мистера Стоуна... Анна представляется натурой тонкой и восприимчивой, — обращает на меня взгляд синих глаз, и по моей коже пробежал холодок. — А вы не такая.

В этот самый момент мне стало очень страшно. Если Джон не заберет меня отсюда, я их клиент надолго.

— Предлагаю закончить, — прошу я, но доктор ставит ультиматум:

— Назовите свое имя, и на сегодня все.

— Анна Стоун.

— Нет, Анна Стоун где-то здесь, — доктор показывает на висок. — Кто вы?

— Меня зовут Анна Стоун, — упрямо повторила я, и в воздухе повисло гнетущее напряжение. Некоторое время смотрим друг на друга, и доктор Коллинс сказал:

— Хорошо. Закончим на этом, — собирает бумаги в папку, поднимается с места. Выходит и обращается к тому, кто стоит за дверью: — Мы закончили.

На пороге оказался санитар с лицом, похожим на кирпич. Куда делся тот, другой, что привел меня?

Мое бедное сознание во всех подробностях поднимает воспоминания нечеловеческой пытки надо мной. Пульс ускорился, напряжение возросло, и я непроизвольно отшатнулась.

— Я сам отведу миссис Стоун в палату, — сказал доктор и санитар, молчаливо кивнув, неспешно вышел вон.

— Идемте, — мистер Коллинс жестом указал на дверь.

Ноги плохо слушаются, но я в состоянии их контролировать.

— Спасибо, — искренне благодарю я.

Заходим в лифт. Двери закрылись, и доктор решительно спрашивает:

— Как с вами обращается персонал?

— Хорошо.

— По десятибалльной шкале?

— Единица.

После обеда часть пациентов вывели на улицу. Лениво шаркая ногами, иду по тропинке из красного кирпича до тех пор, пока мое внимание не привлекли голоса, доносящиеся откуда-то сверху. Двое мужчин в белых халатах, среди которых узнаю главного врача, пьют чай на свежем воздухе на балконе.

Потеряв интерес к происходящему, продолжаю свой путь по тропинке. Прошла до другого конца внутреннего двора и увидела Еву Нельсон. Женщина расположилась на самой отдаленной скамейке, укрытой ветками еще зеленого дерева. Такое чувство, будто она прячется. Поймав мой взгляд, женщина жестом предлагает присоединиться к ней. Обхожу дерево и усаживаюсь рядом.

— За тобой приходил юрист, — тихо заговорила она, а я резко поворачиваю к ней голову и натываюсь на мраморный профиль ее лица. — От лица влиятельного человека сделал предложение, от которого мистер Андерсен не смог отказаться.

В этот самый миг с груди спал тяжелый груз и стало легко дышать. Мои губы тут же расплываются в блаженной улыбке, и я шепчу:

— Не оставил...

Женщина бросила на меня взволнованный взгляд, но быстро вернулась в изначальное положение и поднесла к губам сигарету.

— Им осталось уладить некоторые формальности, и ты свободна, — добавила она.

— Тогда зачем этот сеанс психотерапии с доктором Коллинсом? — все равно беспокоюсь я.

— Пока тебя не выпишут, все будет идти своим чередом.

— Своим чередом... — невесело повторила я. — Только бы на мисс Миллер не наткнуться.

Улыбка окончательно спала с моего лица, ведь новой встречи с ней я могу уже не пережить.

Женщина смахнула пепел и украдкой посмотрела на меня.

— А ты не зли ее и будь паинькой, — посоветовала Ева.

Некоторое время задумчиво смотрим перед собой.

— Откуда тебе обо всем известно? — серьезно спрашиваю я.

Женщина протяжно затягивается и наконец говорит:

— Видишь старика на балконе второго этажа, того, что справа?

Проследила за ее взглядом: тот, кого она назвала стариком, был мужчина за сорок. Толстый и неуклюжий. Старше выглядит из-за блестящей лысой макушки. С висков тянутся редкие волосы, почти касаются плеч.

— Это заместитель главного врача, — говорит Ева. Снова подносит к губам сигарету и выпускает облако дыма. — И мой лечащий врач. Он любит поболтать со мной.

Я опешила. Тонкая изящная Ева — его любовница?

На короткое время образовалась странная тишина.

— Ты хочешь, чтобы я вытащила тебя отсюда? — низким голосом вдруг спрашиваю я.

Взгляд женщины красноречивее всяких слов. Этот взгляд обещает заложить дьяволу собственную душу в моих интересах, коли потребую. Такую цену она готова заплатить за свободу.

— Для начала нужно выбраться мне, — смотрю на балкон и не свожу глаз с заместителя главного врача.

Женщина молча откидывается на деревянную спинку и взгляд ее устремляется вверх. Врачи, растянувшись на плетеных креслах, теперь курят сигары и, глядя на их живые и довольные лица, в груди зарождается нечто мрачное и злое.

— А потом я вытащу тебя, — тихо, но решительно обещаю я.

Рука Евы дрогнула, из ее пальцев вывалилась сигарета.

Глава 8

На выходе из столовой меня ждет старшая медсестра. Когда увидела ее, по телу пробежала крупная дрожь. От страха мой живот скрутило и я пошатнулась.

— За мной, миссис Стоун, — сухо сказала она. Сразу разворачивается на каблуках и уходит вглубь коридора, собрав руки за спиной.

Меня никто не тащит, никто не бьет и не угрожает. Отчего-то становится еще страшнее.

Следую за мисс Миллер, а непослушные ноги так и норовят свернуть в любое коридорное разветвление. Женщина с взглядом волка показывает мне на серую стальную дверь.

— Здесь ваша одежда, когда будете готовы, пройдете к стойке регистратуры прямо по коридору.

Я посмотрела туда, куда показывает женщина. В конце коридора двери открыты, и я вижу холл больницы. Завидев склонившегося над бумагами Джеферсона, остолбенела.

— Да, — быстро опомнилась я и нырнула в комнату перед собой.

На столе коробка с моей одеждой. Вынимаю из коробки свои вещи и, молниеносно стянув с себя больничную одежду, надеваю зеленое платье. Выхожу из комнаты и почти бегом направляюсь к Джеферсону.

На стойке регистратуры суровый юрист заполняет медицинские формы, а рядом контролирует процесс главный врач. Мистер Андерсен улыбается мне, а я ему — нет.

— Мистер Джеферсон. Как же я вам рада!

— Что с вашей головой? — вместо приветствия юрист потребовал ответ на предмет рассеченного лба.

— В душевых скользко. Такое бывает, — вместо меня отвечает врач.

Мой взгляд стал суровым, а мистер Джеферсон терпеливо ждет ответа от меня.

— Такое бывает, — мрачно подтвердила я. Патрик ответом остался недоволен; наградив врача уничтожающим взглядом,

протягивает мне бумаги:

— Подпишите их, миссис Стоун.

Опускаю на бумаги глаза, а там отказ от всяких претензий к руководству больницы, ее врачам и прочему персоналу, никаких претензий к методике их работы.

Не удивлена, но подписать все равно непросто.

— Это надо сделать, — говорит юрист, интонацией и взглядом подсказывая, что по-другому никак. Все понимаю, и стиснув зубы, ставлю простейшую закорючку в конце страницы.

Остальные формы определяю как обычные, потому подписываю без противоречивых чувств. Вот только на банковской выписке заметно долго задерживаю взгляд. Там значится, что Анна Стоун имеет счет в банке Данфорд на сумму сто тысяч баллионов! Сразу за выпиской приложен договор аренды на квартиру. Просматриваю детали — арендодатель Стив Гудвик.

— На выписке и первой странице договора ставьте подпись, — сказал Джеферсон.

Безропотно выполняю указания юриста, поставив на документах две простые закорючки.

— Очень хорошо, — доволен врач. Сгребает все в свои руки. — Все формальности улажены и...

— Прощайте, — отрезал юрист и ведет меня к выходу. За спиной захлопнулись тяжелые больничные двери, подул ветерок и солнце светит так, как, казалось бы, никогда не светило раньше.

— Как ощущения? — спрашивает мистер Джеферсон, немного щурясь на солнце.

Мои губы растягиваются в блаженной улыбке и, вытянув подбородок к небу, говорю:

— Теперь я знаю, как чувствуется свобода.

Недалеко припаркована маленькая оранжевая машина, округлая, с большими вытянутыми глазами. Автомобиль напоминает ту модель, что называют «жук» в привычной мне реальности. Эта модель популярна в Данфорде.

Я удивлена, ведь мне представлялось, что Джеферсон живет в большом доме и пользуется дорогим автомобилем.

Патрик не потрудился открыть для меня дверь машины, крикнув из салона, что ручку надо дергать сильнее. Усаживаюсь в пыльный

салон и с глупой улыбкой говорю:

— Вежливость не ваш конек.

Джеферсон угрюмо хмыкнул, а я добавила:

— Вы мне нравитесь.

— Я делаю то, что хочу, а не то, что хотят от меня другие.

— Тоже попыталась.

— И чем это обернулось? — упрекнул он, а затем громко: — Вы не можете себе позволить делать все, что вам вздумается, особенно сейчас. Следует быть осторожной и продумать хотя бы три шага вперед, миссис Стоун, а лучше десять. Особенно сейчас, — вырывает к асфальтированной дороге и с невеселым смешком добавляет. — И тогда я смогу работать не на вас одну.

— Договорились.

— А еще лучше обсудите со мной любые намерения, прежде чем воплотить их в жизнь!

Не хочу слушать упрёки Джеферсона слишком долго и тут же спрашиваю:

— Патрик, а зачем выписка и договор?

— Мистер Джеферсон, — прохладно поправил он.

— Вам неприятно, что я обращаюсь к вам по имени? — удивилась я.

— Я только что прочел вам лекцию о том, что можно и что нельзя!

— А это как отразится на положении дел?

— Я вам запрещаю обращаться ко мне по имени. Ясно?!

— Да, Патрик.

Мужчина с шумом вбирает воздух.

— Так зачем выписка и договор? — напоминаю я.

— За вами не могут просто захлопнуть дверь. Если вы уходите из больницы без мужа или других ближайших родственников, у вас должны быть квартира и средства к существованию.

— Понятно, — задумалась я. Смотрю в окно и спрашиваю:

— Куда мы едем?

— Я высажу вас у машины Хэнтон.

Джеферсон отвез меня на Первую центральную улицу к высокому небоскребу цвета темной стали. Я была отрезана от мира не так много дней, но этого оказалось достаточно, чтобы посмотреть на все, как в

первый раз. Даже людей видеть не в белых халатах теперь как-то странно.

— «Прайд» Хэнтон за углом, — сказал Патрик.

С некоторой тоской осмотревшись на жизнь вокруг, перевожу на мужчину очень серьезный взгляд:

— Спасибо вам, мистер Джеферсон, — искренне благодарю его я. — Спасибо вам за все!

Хмурая морщинка на лбу юриста немного разгладилась, а взгляд смягчился.

— Очень рассчитываю, что этот случай стал вам уроком, миссис Стоун, и впредь вы будете осторожны в том, что делаете и говорите, — сказал он. — Не забудьте сильнее дернуть ручку вниз. Хорошего дня.

— До свидания, мистер Джеферсон.

Я иду к Прайду. Водитель вышел из салона темно-коричневого автомобиля и открыл для меня дверь.

«У меня нет дорогого платья, украшений, я совершенно не ношу макияж. Я даже не блондинка! Как я могу быть любовницей такого человека, как Джон Хэнтон?» — опускаясь в салон, вдруг подумала я, поймав на себе любопытный взгляд проходящей поблизости от «Прайда» безумно красивой женщины в дорогом платье.

Машина привезла меня к дому с большими круглыми фонарями у входа. Для меня любезно открыли дверь, и я прошла через короткий холл, к лифту. Поднимаюсь на четвертый этаж, дверь в квартиру не заперта. Толкаю ее и в глубине гостиной вижу Джона. Взамен строгого костюма на нем серый джемпер и брюки.

Мужчина подходит ко мне, его взгляд мрачный, уставший, задерживается на моем лице. Взволнованная, я сделала два решительных шага к нему, но ноги как-то сами остановились, а рука вернулась к платью.

— Что случилось с твоим лицом? — спрашивает он.

След на руке еще не пропал, а у меня уже рассечен лоб.

— Упала в душе...

— Уверена? — мой ответ Джону не нравится. Взгляд у него тяжелый. Хочу его обнять, но взгляд у мужчины такой, что откровенно струсилась это сделать.

— Уверена.

Хэнтон хмурится. Выдохнув, притянул меня к себе, и в этот самый миг я смогла почувствовать то, в чем отчаянно нуждалась последние несколько дней, — безопасность.

Эта ночь особенно запомнится мне. Ночь, не похожая ни на одну другую, когда в моей вселенной изменилось все, и солнце отныне светит только для одного человека. Я действительно сошла с ума, рассудок повредился, ведь впервые признаюсь, что жизнь моя больше не принадлежит мне одной.

— Моя Анна, — шепчет Джон, и, сладость этих слов отравляет горьковатый вкус ревности, оттого что эти губы не сказали «Виктория».

Настанет ли день, когда чужое имя станет мне привычно?

Когда я стану любить это имя, как свое собственное?

Произойдет ли это?

Легко и ненавязчиво обнимаю его сильные плечи и животом прижимаюсь к влажному торсу, ни на мгновение не отрываясь от желанных губ.

Мужчина проводит рукой по спине, целует шею и спускается к ключице. Неосознанно прогибаюсь под лаской чувственного удовольствия.

Я никогда не говорила слово «люблю», никогда и никому, а теперь, пусть даже мысленно, но признаюсь: я люблю.

Меня разбудил колючий от щетины поцелуй. Тру лоб и, лениво приоткрыв глаза, в полумраке комнаты вижу Джона. Мужчина сидит рядом и молча рассматривает мое лицо.

— Ты уходишь? — удивилась я, осознав, что тот уже в рубашке и брюках, причесан и бодр.

— Да, я должен.

— Куда? Сегодня суббота.

— У меня нет выходных, я работаю тогда, когда работа есть. Сейчас она есть, — ровно произнес он, а я нахмурилась. Ничто не выдает истину, которая противоречила бы его словам и тем не менее я знаю, что Джон уходит ради встречи с другой.

— Передавай Мелиссе привет, — со злостью сказала я, хотя причина моих слов — обида.

Джон не простил выпад. Улыбка мгновенно стерлась с его лица, и он рывком подтянул меня к себе.

— Мы все уже обсудили, — холодно изрек он. — Перестать изводить себя и меня. Ты поняла?

— Да, — сглотнула я, взаправду испугавшись его недовольного взгляда.

Его пальцы разжались. Высвободив руку, двигаюсь на другую сторону кровати, закинув одеяло даже на плечи.

Джон неспешно поднимается с кровати и обходит ее.

Смотрит на меня. Взгляд его стал мягче, но голос остался прежним:

— Мелисса Бауэр станет мне женой. Свыкнись с этой мыслью как можно скорее, и все будет хорошо.

Его слова — как пощечина, жгучая и болезненная.

Не скрыв своей горечи, опускаю взгляд.

Мужчина подходит ближе, садится на кровать, и та прогибается под тяжестью его веса.

— Анна...

— Мне нужны деньги, — окончательно добив собственную гордость, стыдливо выпалила я. Чувствую, как кровь приливает к щекам, жар такой, будто горю.

Рука Джона нырнула во внутренний карман серого пиджака. Вынимает из бумажника несколько золотых купюр и оставляет их рядом со мной.

Его ладонь легла на мою руку, и пальцы крепко сжали мои. В этом жесте есть нежность, и я сжимаю пальцы в ответ, сразу почувствовав колючий поцелуй в висок.

Пальцы разжались, и мужчина поднялся. Когда тяжелые шаги по гостиной затихли, отнюдь не мгновенно послышался щелчок входной двери.

Из глаз покатались слезы. Джон уходит на встречу с другой женщиной, и я никак не могу на это повлиять.

В сознании поднимается бунт. Кто-то запросто бросает меня в психушку; кто-то запросто навязывает свои условия; этот мир со своими ненормальными законами не хочет дать мне развод. Перспективы на лучшую жизнь зависят от кого-то вроде Джона, с его деньгами, связями и личными желаниями. Это невообразимо... грустно.

Меня достаточно унизили.

Пора изменить в своей жизни все! Я вытащу Еву Нельсон из гиблого места и помогу отнять у ее богатого бывшего супруга-мерзавца все, что ей полагается, а за эту услугу я потребую плату! А после...

— Я доберусь до тебя, Том Стоун, — тихо обещаю я.

Он проиграет суд, чего бы мне этого ни стоило!

И, конечно, Джон. Прости, любовь моя, но я не смирюсь с навязанным тобой положением дел.

Что мне еще стоит сделать, так это навеститься к родителям Анны. Пора познакомиться с семьей, но прежде я должна купить себе другую одежду. Мое зеленое платье выглядит совсем уж жалко. Тем более с ним связано много плохого — запах больницы я чувствую на себе постоянно, хотя, уверена, этот запах мне только мерещится.

Машина такси привезла меня к универмагу на Второй центральной улице, водитель счел возможным поколесить несколько кварталов и важно показал на счетчик.

Безропотно протягиваю купюру, получаю сдачу и оставляю черное такси с оранжевыми шашечками позади себя.

Захожу в универмаг и не могу поверить, что нахожусь не в элитной гостинице, а в большом многоэтажном магазине. По центру округлого холла — фонтан с изображением греческих нимф, запечатленных в танце. На том конце холла лифт, а по обе его стороны — выполненные в чудных изгибах винтовые лестницы.

Здесь много людей: мужчины, женщины, дети. Пускают даже с собаками.

Крохотный пудель с красным бантиком на шее звонко тьякнул на меня. Стройная высокая хозяйка с элегантной внешностью изящно потянула поводок на себя, почти с материнской нежностью потребовав от собачонки послушания. А следом терпеливо ковыляет тот, кто несет на себе ее покупки, потому что это его работа.

Мне не пришлось много ходить по магазину, в одном из бутиков я нашла то, что нужно. Брюки.

— По последней моде. Без пышности. Садятся точно по фигуре, простые и ровные, — живо говорит продавец, заметив мой интерес.

Мне нравятся!

Бежевые брюки сели великолепно. Продавец советует к брюкам джемпер, и я охотно соглашаюсь, оставив предпочтение теплому сиреневому цвету. В целом не то к чему я привыкла, но гораздо лучше платья.

Администрация универмага предоставила мне такси. На такси я прибыла к вокзалу западного Данфорда, а от него на стилпоезде приехала в Форклод. Поездка заняла два часа.

Форклод — небольшой городок на юге страны, дальше только Стилдон. Небольшой по сравнению с Данфордом, огромен по сравнению с Гринпарк. Городок стоит среди гор — куда ни глянь, повсюду зелено-желтые холмы.

Здесь нет такси, к нужному дому я приехала на автобусе. Люди здесь не носят яркую одежду, и многие из них передвигаются на велосипедах. Девушка с корзинкой цветов перед собой проехала на бледно-розовом велосипеде, пока я стояла перед домом семьи Лоуренс на улице Лоуклау.

Теперь мне предстоит увидеть самых родных и близких сердцу людей своего двойника. У меня подрагивают коленки. Что я им скажу?

Я прошла через белую калитку и, когда хотела подняться вверх по лестнице к голубоватому двухэтажному дому, увидела, как парень из гаража дома по соседству махнул мне рукой. Жест получился скованным и неловким. Я даже огляделась, чтобы убедиться, мне ли адресовано приветствие, и тоже подняла руку.

Тряхнула головой и поднялась вверх по лестнице. Жму на звонок, испытав в один момент волнение и страх. За дверью слышу торопливые шаги, звякнула цепочка и открылась дверь.

— Анна, — ахнула женщина, ее тонкие брови взметнулись вверх. Она распахивает передо мной дверь и за руку тащит в дом.

— Бен! — крикнула она. — Анна здесь. Господи, что у тебя с лицом? — забеспокоилась женщина.

— Я упала...

Мужчина заторопился и замер в прихожей рядом с женой.

— Она упала, — сразу говорит миссис Лоуренс мужу. Оба смотрят на меня, как на призрак.

— Надеюсь, я не помешала? — сложив руки перед собой, осторожно спрашиваю я.

Мистер Лоуренс молча двинулся на меня и крепко обнял. Мой ответный жест получился неловким.

Миссис Лоуренс тоже обняла меня. К ней мне не пришлось тянуться на носочках, как к Бенджамину.

— Когда тебя выписали? — голос миссис Лоуренс вздрогнул.

— Вчера.

— Но почему ни ты, ни Том не сказали нам?! — взвизгнула она, стирая с лица слезы. — Ты могла просто снять трубку и позвонить нам! Я так переживала, я беспокоилась, я...

— Успокойся, — сказал мистер Лоуренс. — Она сейчас обо всем расскажет. Лучше иди и приготовь чай.

— Хорошо, — женщина кивает и послушно уходит, а мистер Лоуренс ведет меня в гостиную. Здесь темный низкий столик, два кресла и диван. Мебель старенькая, но ухоженная, кажется, совсем недавно ее полировали.

Я села в квадратное и жесткое кресло. Сложила руки перед собой и осматриваюсь.

— Тебе удобно? Хочешь чего-нибудь? — спрашивает мистер Лоуренс.

— Все хорошо. Спасибо.

Мужчина не похож на человека из семейной фотографии. В жизни он выглядит гораздо мужественнее. Да, он, аккуратно причесан и хорошо одет, но вот лицо и взгляд принадлежат мужчине, а не женоподобному щеголю.

— Как вы... с мамой? — спрашиваю я.

— Мы беспокоились. Том много ужасного нам рассказал. Твое намерение развестись — это правда?

— Да.

Бенджамин опустил взгляд.

— Он обидел тебя?

Я часто захлопала ресницами. Мне трудно ответить на этот вопрос, поэтому как можно мягче говорю:

— Мы не подходим друг другу.

Бенджамин Лоуренс странно посмотрел на меня. Он не считает меня сумасшедшей, но за здоровую тоже не принимает.

Какое-то время молча смотрим друг на друга.

— Развода не будет, — вдруг сказал мистер Лоуренс, а у меня опустилась челюсть. — Но мы с матерью поможем вам разобраться в проблеме, думаю, миссис Стоун поможет тоже.

— Нет, — категорично заявила я.

— Мы не допустим этого позора! — решительно вмешалась миссис Лоуренс, поставив на стол поднос с чаем. Ее лицо все еще остается влажным от недавних слез, но взгляд стал жестким. — Подумай о репутации, — сказала она. Зашла за спину и положила руку мне на плечо.

— Тем более твоё желание невыполнимо, — подытожил Бенджамин.

— Все наладится, милая, — подбадривает хозяйка дома. — Мы все решим. Вместе.

Я не понимаю этих людей! Любящие дочь родители не должны себя вести вот так.

— Он меня в психушку бросил! Ничего уже не наладится, — разозлилась я.

— Ты сама во всем виновата! — вдруг взвизгнула женщина, ее ногти больно впились мне в плечо. Она возвышается надо мной, и я не могу видеть ее лица, оттого мне еще страшнее даже шелохнуться.

— Джина, — мягко осадил ее мистер Лоуренс.

— Если было трудно, надо было мне позвонить, а ты что натворила?

— Джина, сядь на диван! — рявкнул на жену Бенджамин. Женщина послушно обошла меня и села. У нее виноватое лицо, но не слишком.

Мне хочется уйти из этого дома, но какая-то сила удерживает меня на месте.

— Мама хочет сказать, что своим поведением ты вызвала у Тома подозрения. Но я не согласен с тем, что он сделал. Мы не согласны. Психиатрическая больница — это слишком радикальное решение, он должен был посоветоваться с нами или хотя бы поставить в известность до того, как оставить тебя там. Но об этом я с ним еще поговорю, — мужчина не берет, а хватает чашку.

— Вы понятия не имеете, что это за место, — безо всяких эмоций говорю я. — Я могла остаться там навсегда.

— Что за чепуха! — вспыхнула женщина. — Том бы так не поступил. Он забрал тебя.

Задумчиво качаю головой. Думаю, мне больше нечего сказать этим людям и им больше нечего говорить мне.

— Я была рада увидеть вас, — вежливо говорю я, у меня даже получилось улыбнуться. Поднимаюсь с кресла.

Мужчина встает следом, он растерян.

— Рада, что вы здоровы и у вас в целом все хорошо, — пытаюсь улыбнуться шире.

— Ты одумалась? — женщина вскочила с дивана. У нее очень тревожное выражение лица.

У меня заныли мышцы на лице, ответственные за улыбку.

— Мне пора, — больше я не улыбаюсь.

— О боже мой, Бен, — женщина хватается за руку мужчины, как будто упадет сейчас в обморок.

— Проблема, и сразу в крайность! Один в больницу отправляет, другая на развод идет, — со злостью упрекнул мистер Лоуренс. — Мама права, Том забрал тебя уже через два дня... это много значит.

Больше не могу слышать это заблуждение.

— Том не знает, что меня нет в больнице, — сказала я. — Так что, будьте уверены, забирать он меня не собирался. Во всяком случае, так скоро.

— Но как же... — вперед подступила миссис Лоуренс.

— Я арендую квартиру, средства к существованию у меня есть. Ни о чем не волнуйтесь.

— Откуда у тебя все это может быть? — осторожно уточнил мистер Лоуренс. Миссис Лоуренс, кажется, даже не дышит.

— Мама. Папа. Я очень была рада вас увидеть.

Вот таким странным образом прошла моя первая встреча с родителями Анны Стоун. Встреча вышла недолгой, но этого оказалось достаточно, чтобы понять, что они за люди. Они приняли меня как Анну. Это хорошо. Но не оказали поддержки в моих намерениях — очень плохо.

Этот разговор был непростым. Что теперь обо мне подумают эти люди? Их Анна где-то и не с мужем, имеет средства к существованию, и муж к этому не причастен. Скоро им все станет понятно. Хорошо, что они узнали обо всем от меня.

Прости меня, Анна, за неизбежно разбитые сердца твоих родителей.

Процесс самобичевания прервал пристальный взгляд того же соседского парня. Он уставился на меня.

— Добрый день! — крикнула я ему. К моему удивлению парень поспешно направляется ко мне. Он прислонился к забору, его большие руки легли на него.

— Привет, — он кажется взволнованным. — Как ты?

— Хорошо, — нейтрально отвечаю я незнакомцу.

— Я слышал у тебя проблемы. Не из-за нас?

Я нахмурилась. Внимательней присматриваюсь к рыжеволосому парню с усыпанным веснушками лицом.

— Мы можем поговорить? — спрашивает он.

— Конечно, — отвечаю я. Пока я обхожу забор, парень тихонько говорит:

— Я давно хотел тебе позвонить, но боялся, что Том возьмет трубку, — придерживает для меня калитку. — Проходи.

Изнутри дом просторный и уютный. Я вскользь просматриваю фотографии в гостиной, на них изображены счастливые мужчина и женщина на фоне разных мест, на большинстве снимков неподалеку припаркован красный автомобиль. А еще эта семья любит книги, здесь целая стена выполняет роль книжного шкафа.

На кухне я села за стол, сложила перед собой руки, а парень суетливо приготовил чай и поставил маленькую чашку передо мной.

— Мы одни. Можно говорить спокойно, — заверил он и садится на противоположную сторону стола. Я с любопытством рассматриваю его, а он застенчиво смотрит на меня. Парень, кажется, очень молод. Может даже случиться, что моложе Анны. Студент колледжа?

Он не полон, но худым его тоже назвать нельзя. Маленькая чашечка в его больших руках выглядит немного нелепо.

— Хорошо... — мне сложно о чем-то говорить с ним, когда я не знаю даже его имени. Я хочу задать несколько уточняющих вопросов, но не представляю, как это сделать. Поразмыслив, решила действовать прямо, даже если чувства этого парня будут задеты.

— Я недавно ударила голову, и у меня возникли некоторые проблемы с памятью, — медленно заговорила я и показываю на свой

лоб. — Так что... хм... давно мы с тобой встречаемся? — с запинками спросила я. Молчание затянулось, и я выдохнула:

— Спим.

Парень опустил взгляд и покраснел.

— Извини, я не хотела тебя смутить, просто... — виновато говорю я. — О некоторых событиях придется напомнить.

— Только раз, — резко выпалил он, не поднимая от чашки глаз. — После твоей свадьбы.

Вот это открытие! Я откинулась на спинку стула, глядя в пустоту. Сказать, что я удивлена, — ничего не сказать.

Очень хочется снять несуществующие очки с глаз и подумать.

Вся характеристика Анны сводится к тому, что на такие подвиги она не способна. Впрочем, могу ли я делать такие выводы? Ведь Анну я никогда не знала лично.

— Меня зовут Джимми... Джим, — осекся он. — На случай, если этого ты тоже не помнишь.

Я улыбнулась, но улыбка получилась надломленной.

Если Джим не позвонил Анне, потому что побоялся Тома, то Анна не искала для этого возможности, потому что ей это было не нужно. Смотрю на парня и не могу понять, зачем она это сделала.

Она вышла замуж, а через несколько дней изменяет Тому с ним. У этого поступка должна быть причина.

— Как это произошло? — собравшись с духом, спрашиваю я.

Парень, наконец, поднял глаза.

— Ты попросила меня об этом, — очень тихо сказал он.

— Что? — опешила я. Опять оцениваю парня, ну не похож он на того, кого умоляют о незабываемой ночи с ним. Такое чувство, что дело в мести...

— У твоего мужа есть любовница, — так же тихо сказал он, тревожно выпучив при этом глаза.

Что ж, догадка оправдалась довольно быстро. Начинаю что-то понимать.

— Ты приехала к своим родителям, но не пошла к ним. Я позволил тебе войти, и ты мне рассказала все. Много кричала, плакала. Сожалела. О том, что у Тома есть любовница, ты узнала через два дня, после того как вышла за него замуж.

В груди больно защемило, как будто тело все еще хранило боль сердечной раны.

Бедная Анна. Она оказалась в ловушке, а затем совершила невероятно глупый поступок... Может, она действительно обезумела, а я — плод ее воображения?

Пришлось с силой прогонять такие мысли. Я знаю, кто я. У меня есть целая жизнь, и я ее не придумала.

— Я говорила тебе, как узнала о ней? Может, я знаю, кто она? — допытываюсь я.

— Том не поехал в командировку, а был с ней. Это все, что ты сказала.

После свадьбы сразу к любовнице? Бред какой-то! А может, излишняя самоуверенность?

— Спасибо, что рассказал мне, — поджав губы, говорю я.

— Надеюсь, я об этом не пожалею, — Джим пожал плечами. Между нами сохраняется некоторая неловкость.

— Я предпочитаю злую правду сладкому неведению. Спасибо тебе еще раз, и мне пора.

В смятении покидаю Форклод. Мысли о взаимной измене семьи Стоун никак не уходят из головы. Их браку пришел конец еще до моего появления. Развод, коим я намереваюсь заняться, формальность, на которую вряд ли решилась бы сама Анна.

На моем лице растянулась ухмылка.

Даже дышать стало легче. Неужели совесть меня так сильно душила, что теперь, узнав эти маленькие грязные подробности, мне по-настоящему стало легко?

Глава 9

В этой реальности нет интернета, соцсетей и всезнающего гугла, поэтому телефонная книга в помощь. На серых страницах много людей с фамилией Коллинс, но Клайд среди них только один.

Уже месяц прошел с того дня, как мне удалось уйти из больницы, поэтому я не сильно рассчитывала, что мистер Коллинс вспомнит мое имя вот так сразу. К моему удивлению, он вспомнил и, не задумываясь, согласился встретиться со мной.

Энтузиазм Коллинса меня несколько озадачил. Все время, что иду к скромному кафе на углу Второй центральной и Шестнадцатой западной улиц, чувствую легкое беспокойство.

На фоне серого фасада скучного здания пурпурная вывеска «Старый друг» бросается в глаза сразу. В кафе приятная атмосфера и мало людей. Я сняла пальто и зацепила его на стоячую вешалку возле дверей. Мужчина с завязанным на поясе фартуком проводил меня за лучшее место из тех, что мог мне предложить. Я предпочла бы сесть у окна, но эти места уже заняты, потому безропотно опускаюсь за столик у глухой стены.

Услужливый официант подает мне меню, но я прошу только чай. Я проголодалась, но все равно кусок в горло не полезет, пока не будет позади столь ответственный разговор.

С протяжным скрипом открывается дверь, но это не Клайд Коллинс, две молодые девушки снимают верхнюю одежду и вешают ее рядом с моей.

Мой взгляд метнулся к часам на стене — доктор Коллинс опаздывает.

Еще через пять минут вошли мужчина под руку с женщиной, и только за ними появился Клайд Коллинс. На нем серое пальто, а на шее завязан однотонный бордовый шарф.

— Прошу извинить меня, — сказал Коллинс, накинув пальто на спинку соседнего стула. Садится. — Надеюсь, я не заставил вас слишком долго ждать.

— Пятнадцать минут, — в моем голосе нет упрека, просто констатация факта.

С любопытством смотрю на мужчину. Странно видеть мистера Коллинса без белого халата и вне стен больницы. Такое чувство, будто в голове ломается некий стереотип об этом человеке и сознание пытается принять истину, что вне работы он может выглядеть как-то иначе. Как сейчас, например, быть не доктором, а привлекательным мужчиной в синей рубашке выходного дня.

Когда подошел официант, Коллинс заказал только кофе. Удобнее расположившись за столом, мужчина обратил на меня прямой взгляд:

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает он у меня.

Прежние мысли испарились мгновенно.

— Это не психотерапия, доктор, — с доброй усмешкой напоминаю я и сразу перехожу к делу:

— Ева Нельсон. Знаете ее?

— Да.

— Я хочу, чтобы ее перевели к вам. Это возможно?

Мужчина не изменился в лице, но взгляд стал очень пронизательным.

— Зачем вам это нужно?

— Я хочу помочь ей, и лучший способ это сделать — найти возможность перевести ее к вам, — внимательно слежу за его реакцией. — Я хочу, чтобы вы ее выписали, доктор Коллинс, — подумала немного и поспешно добавила:

— Разумеется, при условии, что она здорова и никак иначе.

Доктор неспешно отлипает от спинки стула, на столе скрепляет пальцы в замок, поддавшись немного вперед.

— Почему вы решили, что с этой задачей не справится лечащий врач мисс Нельсон?

— Ева спит с ним, — прямо заявляю я. — Если вы хоть сколько-нибудь представляете, что он за человек, то должны понимать, что Еву Нельсон он не выпишет никогда.

— Зачем она это делает? — хмурится Коллинс.

— За привилегии, конечно! Только так ее существование хоть как-то напоминает жизнь, — также нахмурившись, пытаюсь втолковать ему я. — Не говорите мне, что вам это неизвестно!

Удивление в его глазах сменилось спокойствием.

— Она не верит, что когда-нибудь выберется оттуда, — горячо продолжаю я. — Ева Нельсон в отчаянии, понимаете, доктор Коллинс?

Его глаза резко метнулись в сторону, и мужчина снял руки со стола, облокотившись о спинку стула. С некоторым недовольством мне пришлось замолчать, пока тихий официант ставит перед Коллинсом кофе.

— Если дело в деньгах, мы можем это обсудить, — тихонько добавила я, когда мы снова остались одни.

Немного подумав, Коллинс заговорил:

— Предположим, я сделаю то, о чем вы меня просите, но взамен я действительно хочу кое-что от вас получить, и это не деньги, — так же тихо говорит он.

Пришло время удивляться мне, а доктор продолжил:

— Я работаю над диссертацией и рассчитываю, что ваша история станет частью моей работы.

— История о чем? — насторожилась я.

— Вашей жизни. Что вы помните, что чувствуете. Хочу узнать, кто вы, и если готовы рассказать мне все... как исповедь в церкви, тогда и я готов позаботиться о том, чтобы мисс Нельсон перевели ко мне.

Я потрясенно уставилась на Коллинса, а он спокойно смотрит на меня.

Немного поразмыслив, мрачно говорю:

— Наверное, вам не слишком понравилось, когда объект вашей диссертации... вдруг ушла из больницы.

— Неважно, что мне нравится, а что не нравится, — без каких-либо изменений в голосе проговорил он. — Миссис Стоун, я пришел для того, чтобы убедить вас продолжать встречи со мной. Это будет полезно вам и необходимо для исследования мне.

Я заволновалась и не смогла скрыть этого.

— Я не могу допустить, чтобы мое имя фигурировало в вашей работе, — громче, чем следовало, сказала я.

— Имен не будет. Я обойдусь терминами «пациент» и «объект», еще укажу ваш пол и возраст. На этом все.

Мне не спокойно. Я напряжена и все равно, выдохнув, решительно говорю:

— В противном случае я буду все отрицать и пойду на все, чтобы защитить собственное имя.

— Согласен.

— Но сначала Ева должна быть переведена к вам, и только тогда начнется моя исповедь, — твердо сказала я.

Мужчина согласно кивнул.

— Это вообще выполнимо? — тут же спрашиваю я. — Простите, мистер Коллинс, но я не слишком верю, что заместитель главврача так просто согласится потерять свою... пациентку. Особенно учитывая его статус в больнице.

— Это уже не ваша забота, — сказал Клайд Коллинс.

Мне понравился его уверенный ответ.

— Когда планируете справиться?

— К рождественским праздникам.

— Хорошо, — смиренно говорю я, ведь заявленный срок мне кажется слишком затянутым. — К рождественским праздникам я навещу Еву и обо всем узнаю от нее.

Доктор Коллинс вынул из пальто карманный блокнот и ручку. Написал две комбинации цифр, рывком оторвал лист и вместе с блокнотом протянул его мне.

Я тоже оставила номер, тот, что закреплен за квартирой Джона. Протянув блокнот его владельцу, прошу Клайда Коллинса воздержаться от звонков в ранее утро и вечером после шести.

Когда мы вышли на улицу, шел редкий снег. Это первый снег в октябре, в самом его конце. Я и Коллинс плечом к плечу стоим на углу Второй центральной и Шестнадцатой западной улиц. Натянув на руки перчатки, с улыбкой осматриваю улицы, что кажутся теперь сказочными.

— Вам поймать такси? — спрашивает Коллинс.

— Нет. Прогуляюсь пешком, чего и вам советую, — улыбнулась я, втянув полной грудью прохладный воздух. — Погода располагает.

— Последовал бы совету, если бы не дела.

— Даже в субботу?

— И даже в воскресенье.

Легонько тряхнула головой. Эти слова слышатся как дежавю. Джон только так и отвечает, когда уходит от меня поздним вечером или в ранее утро.

— Доктор Коллинс, — позвала я, и взгляд мужчины обратился ко мне.

— Не обязательно называть меня доктор, — дружелюбно заметил он.

Клайд Коллинс терпеливо ждет, что я скажу, а у меня не поворачивается язык, чтобы озвучить то, что намереваюсь. Вбираю в грудь воздуха и на одном дыхании говорю:

— Меня зовут Виктория.

Так я нарушила данное себе обещание. В моей жизни появился человек, которому я призналась в том, что не являюсь Анной Стоун. Призналась, и кому? Господи помилуй, я сказала это доктору психиатрической больницы! Такое чувство, что я пошла на сделку с дьяволом. Чем это все для меня теперь обернется, покажет только время.

Я не спешу возвращаться в тепло и комфорт городской квартиры. Я люблю снег, особенно когда он падает вот такими хлопьями при свете дня.

Поблизости универмаг, тот самый, в котором уже довелось побывать перед поездкой в Форклюд. Припоминаю, что на верхних этажах есть ресторан с чудесным видом на парк; желудок капризно заурчал.

В универмаге лифту я сразу предпочла лестницу.

Анна физически слаба. Если в своей прошлой жизни я легко поднималась в горы — а это требовало от меня безупречной физической подготовки — то теперь я не могу подняться по лестнице, чтобы в ногах не появилась ноющая боль.

— Кто молодец? Я молодец! — достигнув третьего этажа, лепечу похвалу себе под нос.

В ресторане тихо, людей здесь почти нет.

Я попросила место у окна. Сделала свой заказ, посмотрела на белые снежные хлопья по левую сторону плеча и улыбнулась. У меня хорошее настроение, но оно вмиг исчезло, когда увидела, как за дальним столиком Джон улыбается Мелиссе Бауэр.

Эти двое увлеченно говорят о чем-то и меня совсем не замечают.

Увиденное злит меня гораздо сильнее, чем я могла показать, и пусть ревность прожигает меня дотла, уходить я не стану. Я не нарушила правила Джона, я не преследую ни одного из них. Это случайность, и оправдываться я не намерена. Если буду замечена, скажу Хэнтону как есть.

В широкой белой чаше официант ставит передо мной блюдо из рыбы и риса, и уходит. Я замурлыкала от восхитительного вкуса, и даже ярость ушла куда-то на второй план.

То, что все мы оказались в одном месте, — просто совпадение. Нехорошее, но совпадение. Мне неприятно на них смотреть, и все равно взгляд мой время от времени падает в их сторону. В ногах Мелиссы несколько пакетов с наименованием бренда магазина, где были куплены вещи. Упаковка выглядит дорого.

Наверное, я слишком засмотрелась и когда подняла глаза, вдруг наткнулась на не сулящий ничего хорошего взгляд Хэнтон. Мужчина подает даме руку и та поднимается из-за стола. Мелисса Бауэр меня по-прежнему не видит.

Приопустив взгляд, лениво и невесело обращаю его к окну.

Любопытно, появится ли Джон сегодня на квартире?

В этот день я гуляю допоздна. Прогуливаюсь по многолюдным улицам, но не до конца понимаю, почему: то ли от красоты снежных пушинок, оседающих на землю в свете уличных фонарей, то ли я все-таки струсилa от перспективы встретиться с Джоном лицом к лицу. Есть еще вариант: я не хочу видеть Хэнтон.

Но возвращаться когда-нибудь придется, тем более что к вечеру сильно холодает.

Поднимаюсь по лестнице, открываю ключом дверь и замираю от неожиданности. Под ногами корзина белых роз, штук сто, не меньше, а сверху карточка с инициалами Джона Хэнтон: «Послезавтра летим в Юдеско на семь дней».

Долго смотрю на карточку и несколько раз читаю то, что изложено в ней.

Если это должно было стать приятным романтическим жестом, то этот мужчина совершил ошибку, потому что я разозлилась!

Утром нового дня первым делом поднимаю черную трубку и набираю хорошо знакомое сочетание цифр. Ответила Дэйзи, а спустя полминуты я услышала голос Джона.

— Зачем я нужна тебе в Юдеско? — прямо спрашиваю я.

— Для начала здравствуй, — терпеливо говорит мне Хэнтон. — В Юдеско ты летишь в качестве секретаря. У нас деловая встреча.

— А Дэйзи на что?

— Дэйзи уходит в отпуск. На семь дней.

— Ясно... — недовольно хмыкнула я.

— Ты не хочешь лететь со мной в Юдеско?

— Я бы предпочла, чтобы меня сперва спросили об этом.

— Но я не спрашиваю и буду очень недоволен, если по любым причинам улечу без тебя.

Что ж, спорить не стану... это бесполезно. Абсолютно!

— Ладно, сделаю, как скажешь, — смиренно говорю я. — Завтра буду.

Рано утром машина Хэнтон доставила меня в аэропорт на взлетно-посадочную площадку для малого воздушного транспорта. Машина остановилась у золотистого самолета с брюхом цвета серой стали, на вытянутом хвосте бордовая строчка «Д. Хэнтон» выглядит как подпись Джона, увеличенная во много раз. У самолета округлый нос и длинные крылья.

Джон Хэнтон дал знак водителю оставаться на месте и сам открыл для меня дверь.

— Анна, — протягивает мне руку.

— Мистер Хэнтон, — принимаю ее и поднимаюсь из салона, вдохнув морозной свежести утра. Не так давно выпал снег. — Мы летим на нем? — смотрю я на небольшой, но очень шумный самолет.

— Да, — мужчина подводит меня к трапу.

— Доброе утро! — широко улыбаясь, выкрикнула бортпроводница в форменной темной одежде. Отвечаю ей улыбкой, а Джон ограничился вежливым кивком.

Я никогда не летала в частных самолетах, тем более не думала, что такая возможность мне представится в пятидесятых.

Изнутри самолет обит бежевой тканью, она хорошо глушит рев двигателей. На иллюминаторах синие занавески.

Самолет узкий, и половину пространства в нем занимают темный лакированный стол и четыре светлых кресла с синей вышивкой у изголовья «Д.Х.». У стены, что разделяет пассажирский салон и кабину пилота, устроен бар из темного дерева. На полках расставлены бутылки разных размеров и форм.

— Как долго продлится полет? — спрашиваю я у бортпроводницы.

— Около пяти часов, — выдала она мгновенный ответ.

Снимаю с себя тонкое пальто. Сажусь напротив Джона и с любопытством открываю для себя, что в мое кресло вполне способен поместиться еще один человек. Облокотилась о спинку кресла, и душа понеслась в рай. К таким удобствам на борту самолета я не привыкла.

Наблюдая за мной, Хэнтон улыбнулся.

Двигатели заработали громче. Самолет пополз по взлетно-посадочной площадке и вскоре взлетел.

— Миссис Кетч, два кофе, пожалуйста, — просьба Джона звучит как приказ.

— Да, мистер Хэнтон.

— Ты опять это делаешь, — тихонько замечаю я.

— Делаю что?

— Принимаешь за меня решения. Может, я хочу чай, а не кофе.

— Миссис Кетч, замените один кофе чаем, — громко сказал Джон.

— Нет, миссис Кетч, — торопливо вмешалась я. — Оставьте кофе.

Взгляд Джона стал строже.

— Дело не в напитке, а в твоих диктаторских наклонностях, — спокойно говорю я. — Ты отнял мои документы, и мой развод зачем-то затягивается, а сейчас ты везешь меня в Юдеско. Мои мысли на этот счет тебе неинтересны. В этом моя претензия, — твердо изрекла я и многозначительно добавила:

— Я помню, какие отношения связывают нас, но это не дает тебе право поступать со мной так, как вздумается. За мной должно оставаться решение, Джон, у меня должен быть выбор.

— Во имя нужного результата иногда выбор лучше не оставлять, — он сказал эти слова так уверенно, что у меня сразу опустились руки.

— С тобой невозможно, — с нескрываемым раздражением фыркнула я.

— А с тобой по-другому никак, — спокойно заявляет он и, столкнувшись с моим разгневанным взглядом, добавил:

— Уже пробовал.

— Это когда?

— Я просил тебя не ехать в Гринпарк и тем более не делиться с Томом планами на предстоящий развод, но ты сделала по-своему. Твое решение обернулось для тебя заточением в больнице, а мне стоило

двух миллионов, чтобы вытащить тебя из нее. Надеюсь, ты простишь мне, дорогая, мои диктаторские слабости, потому как твои гениальные решения дорого обходятся нам обоим.

— Два миллиона? — тихо повторила я. Потрясена.

Я впервые услышала от Джона, как дорого обошлась ему моя свобода. До этого момента я никогда его об этом не спрашивала и он ни разу не упомянул об этом сам.

Вспышка гнева затухла мгновенно, и я в смятении пытаюсь осознать услышанную цифру. Вдруг вспомнила главврача и его заместителя, теперь понятно, отчего эти двое были словно окрыленные.

— Спасибо, — не узнав собственного голоса, искренне благодарю я.

— Пожалуйста, — смягчился Джон.

Виновато смотрю из-под опущенных ресниц.

— С кем и зачем состоится встреча в Юдеско? — спрашиваю я, главным образом, чтобы сменить тему.

— С партнерами и инженерами. Нужно поставить стилдорогу от Юдеско до Бертрека за десять месяцев.

— Это реально?

— Вполне, если бы дорога не проходила через Кавана. Построить мост в два километра с учетом четырех месяцев зимнего простоя — в этом задача.

— Почему нельзя строить зимой? — удивилась я.

— Как ты представляешь возведение опоры в условиях заледеневшей воды?

Так речь идет не о перевале, а о реке.

— Срок, я так понимаю, условие заказчика?

— Да, — спокойно отозвался Хэнтон. — И если мы не уложимся в него, наши потери превзойдут доход.

— Наверное, заказчик щедр на вознаграждение, раз уж вы сознательно пошли на такой риск...

В реальности моей прошлой жизни проблема Джона уже давно не проблема, люди запросто строят мосты хоть в снежную вьюгу. Странно, что решения здесь до сих пор нет.

— Кроме того, в Юдеско завершено строительство стилдороги по направлению в Илсити через горы Ханди. Ты наверняка слышала об

этом...

«Нет, не слышала», — подумала я.

— Другая цель поездки в Юдеско — поздравить партнера, — добавил Джон.

В гостиницу «Юдеско гранд» мы прибыли к полудню. Для меня был забронирован соседний с Хэнтоном номер, и апартаменты меня неслабо удивили. Здесь столько места и для меня одной!

— Спальня, гостиная, приемная, две ванны, — быстро говорит служащий, показывает, где и что находится.

Не знаю, в чем разница между приемной и гостиной, но уверенно киваю в ответ и говорю:

— Понятно.

Когда он ушел, я сразу направилась в спальню, здесь огромная и роскошная кровать. Разбегаюсь, отталкиваюсь и падаю на дорогой бархат, зарываюсь лицом в подушку, пальцами стягиваю к груди покрывало. А потом развела руки и ноги и усталилась в белый потолок. Кровать огромна, на семерых хватит.

Я стянула с себя дорожную одежду и надела пижаму. Сверху накидываю зеленый гостиничный халат и выхожу на балкон полюбоваться красотами большого города с высоты одиннадцатого этажа.

— Неплохо, да? — Джон появился на соседнем балконе, поверх темной одежды на плечи накинут такой же, как у меня, халат, только больше. Хэнтон вышел в прохладу улицы с влажной после душа головой и лениво облокотился на высокие перила.

— Да, — согласно кивнула я и улыбнулась.

Взгляд Джона стал хитрым.

— Выпьешь со мной бренди? — спрашивает он.

После дороги мне действительно хочется выпить, а потом завалиться в постель, несмотря на то, что еще разгар дня. Но я же знаю, что так не будет, если приму его предложение.

— Нет, Джон, я хочу отдохнуть, — чувствую некоторое волнение. Прежде, чем вернуться в тепло апартаментов, говорю:

— Насчет проблемы строительства моста через реку Кавана к Бертреку... Думаю, у меня есть решение, которое вы ищете.

— Вот как? — взгляд Хэнтон кажется заинтересованным, но не слишком.

— Если тебе интересно послушать...

— Разумеется, интересно.

— Создайте ледяную шахту, — прямо говорю я. — Срезайте лед, но оставляйте сантиметров десять: за ночь вода опять затвердеет, и вы повторите то же действие. Дна достигнете достаточно скоро, впрочем, все зависит от глубины, конечно, — подумала немного и добавила:

— От температур тоже...

Джон в лице не поменялся. У него вообще не появилось никаких эмоций по этому поводу.

— Надводную конструкцию можно готовить одновременно с изготовлением шахт, а затем просто возвести ее на готовые опоры, — опять попыталась я, и уголок губ на лице Джона взметнулся вверх.

Способ настолько прост, что отнести к нему серьезно вот так сразу затруднительно.

Если Джон воспользуется этой идеей, буду считать, что мы в расчете.

Глава 10

Я провалилась в сон, едва коснувшись головой подушки. Наверное, я действительно устала, ведь даже снов не вижу, в сознании бесконечное черное ничто, из которого вытянули громкие звуки разорвавшихся снарядов фейерверка.

Спустила ноги на прохладный пол и подошла к балкону. Разноцветные огни растекаются на черном холсте ночного неба.

Этот город что-то празднует.

На часах одиннадцать, а сна уже нет. Ну и что теперь делать?

Разорвались новые снаряды фейерверка, и в небе появились красные, синие и желтые огни.

Взамен пижамы натянула брюки и сиреневый джемпер. Вышла из апартаментов и негромко стучусь в белую дверь Джона, но в ответ тишина. Очевидно, он не разделит со мной этот вечер.

Я спустилась в просторный холл гостиницы и подошла к стойке администрации.

— Чем могу помочь, мисс? — мужчина за стойкой смотрит так, будто ему невероятно важно, что я ему скажу.

— Я видела фейерверк. Сегодня праздник?

— Да, мисс, в Юдеско открыт новый вокзал. Теперь стипоезда будут двигаться по направлению к Илсити через горы Ханди.

— Ах, дорога в Илсити, — вспомнила я. С завершением строительства этой дороги Джон намеревался поздравить своего партнера.

— Для вас подготовить машину? — спросил служащий.

— Да, спасибо!

Вокзал Юдеско возвышается над низкими постройками на окраине города и поражает своим великолепием. Уличные фонари вокруг серого здания бросают тени на рельефные композиции фасада, и на фоне мелко сыплющегося снега создается впечатление чего-то загадочного и неповторимого.

В поздний вечер на улице холодно, но, несмотря на это, здесь сотни лиц. Я вдыхаю морозный воздух, а изо рта вырывается облачко пара. Я плотнее закуталась в тоненькое пальто и, глядя в довольные и

живые лица незнакомцев, по снежной дорожке миновала привокзальную площадь.

Люди толпами заходят и выходят в двери грандиозного здания. Я в том потоке, что ныряет в вокзал.

В вестибюле стоит интересный экспонат: скульптура человека в натуральную величину, а за его спиной стилпоезд. Под ногами холодной статуи табличка: «Филипп Гроуз. Создатель первого стилпоезда. 1886 год».

У статуи будто живые глаза, а еще добрая улыбка. Осанка прямая, а руки широко разведены в стороны, словно этот человек раскрывает обществу двери в новый мир, чтобы показать чудо технологии, которое его изменит.

У статуи очень гордый взгляд.

1886 год! Семьдесят лет назад был изобретен первый стилпоезд. Выходит, Юдеско празднует не просто открытие нового вокзала, город празднует юбилей индустрии.

В этой реальности она появилась поздно, но как поражает скачок развития! Всего за семьдесят лет стилпоезд стал таким, каким я вижу его сейчас. Это невероятно. Вместо привычных мне шпал да рельс используется сплошное стальное полотно, а двигатель стилпоезда способен работать на нефти и на энергии, получаемой в результате контакта больших стальных колес со стилпокрытием.

Обхожу статую и смотрю на стилпоезд: короткий, обтекаемой формы, черный стилпоезд не просто экспонат — он настоящий. Если с небольшого помоста его спустить на стилдорогу и привести в движение, уверена, он поедет.

Еще раз взглянув на статую Филиппа Гроуза, иду через вестибюль в центральный зал.

Этот зал спроектирован по типу триумфальной арки. Мой подбородок поднялся высоко вверх — выглядит величественно. Для облицовки стен и пола преимущественно использованы желтый мрамор и гранит, создается впечатление, будто зал сделан из золота.

Повсюду ходят люди. Мужчины и женщины улыбаются, смеются и пьют шампанское. Среди толпы ходят представители прессы и время от времени в разных местах возникают яркие фотовспышки.

По левую сторону зала тянется ряд банкетных столов для жителей Юдеско, на них разложены разные вкусности и бесконечные бокалы с

шампанским. Обслуживающий персонал в красных фраках следит, чтобы столы всегда оставались полными.

По другую сторону зала на стальной дороге стоит красный локомотив с черными колесами. Под окнами вагона первого класса тянется золотая строчка: «Технология будущего».

Золотую надпись на красном фоне видно даже издалека.

Я спустилась по ступеням — их несколько — и подошла к банкетному столу. Беспрепятственно взяла бокал с шампанским и поднесла его к губам, вмиг осознав, что хочется все же горячий чай.

С соответствующим вопросом обратилась к молодому мужчине в красном фраке, но чай он мне предложить не смог, зато порекомендовал горячий лимонад, его подают в одной из палаток на улице.

Не знала, что лимонад бывает горячим.

Я не успела поставить бокал с шампанским на стол — меня толкнули и золотистый напиток растекся по бокалу и рукам.

— Ох, мне очень жаль, — виновато пролепетала девушка. За оправой вытянутых вверх очков совершенно потерянный взгляд.

Мужчина в красном фраке сразу подает салфетки.

— Ерунда... — рассеяно говорю ей я, стирая с рук остатки липкого шампанского, но девушка продолжает усердно извиняться.

К девушке сквозь толпу просочилась ее подруга.

— Что ты здесь стоишь? — возмутилась она и берет подругу за руку. — Все самое интересное там, идем скорее, — блондинка указывает на противоположную сторону зала, туда, где стоит красный стилпоезд, и тянет подругу через толпу. Прежде чем скрыться в ней, девушка обернулась и, поправив ярко-красную оправу очков, еще раз виновато сказала мне:

— Простите.

Чтобы утолить любопытство, я тоже пробралась на ту сторону зала и остановилась перед канатным ограждением к стилпоезду. Вдоль ограждения ходят двое служащих со строгими каменными лицами и следят за порядком. Ходят неспешно, их руки заведены за спину.

Широкие окна вагона первого класса зашторены синими занавесками, но сквозь большие щели все равно видно людей, они пьют шампанское, увлеченно говорят о чем-то и улыбаются. Мужчины

в смокинге и костюмах, а женщины в вечерних платьях, на некоторых из дам крупные и дорогие украшения.

У меня за спиной внезапно возникла фотовспышка, и я дернулась от неожиданности. Репортер, оглядевшись по сторонам, вдруг переступил через канатное ограждение и сделал несколько снимков в самые окна вагона. Когда к нему заспешил служащий, репортер круто развернулся, переступил ограждение и скрылся в толпе.

— Что хочешь бы отдала, чтобы подняться туда, — мечтательно сказала девушка, уставившись в окна вагона. Ее подруга согласно кивнула.

Я улыбнулась тому совпадению, что среди сотен людей в зале опять вижу девушку с очками в красной оправе.

Мой взгляд снова переместился к стилпоезду. Убедившись, что смотреть особо не на что, отправляюсь за желаниями очень даже приземленными. На улице, много восточнее от центрального входа в вокзал, растянулись торговые ряды из красных и зеленых палаток. Здесь продают выпечку, пряники, блинчики, разные сладости и конечно, горячие напитки.

В воздухе витает ощущение праздника.

Повсюду горят белые уличные фонари, а над головой мерцают сине-желтые гирлянды. Все выглядит почти как в рождество!

У зеленой палатки, в той, что продают горячий лимонад, столпились люди, в расслабленной позе они стоят у прилавка. Лимонад здесь подают в стеклянных вытянутых бокалах — напиток можно купить, но бокал нужно вернуть человеку за прилавком. В этом была причина такого столпотворения.

Мне понравился горячий лимонад, чем-то напомнил глинтвейн, потому что вопреки известному мне рецепту лимонад готовят на специях и фруктах.

Напиток приятно согревает. Опустошив бокал, ставлю его на прилавок.

Хожу среди палаток и с легкой улыбкой осматриваюсь вокруг. Здесь интересно! Люди лакомятся разными сладостями и бросают кольца — это игра, когда маленький обруч диаметром в четыре ладони забрасывают на невысокую и тонкую металлическую палку в метрах трех-четырех от линии броска. В эту игру играют целыми командами, очевидно, в Юдеско эта игра популярна.

Пока слежу за игрой ближайшей из команд, замечаю, как в палатке сладостей, совсем рядом со мной, молодой мужчина набирает целую коробку розово-зеленых конфет. На нем темное с меховым воротом пальто, из карманов небрежно торчат тонкие перчатки.

— Мама не разрешает есть сладкое дома, а здесь в отрыв? — не удержалась я от колкости. Когда незнакомец обратил на меня удивленный взгляд, виновато улыбнулась ему, мгновенно пожалевав о сказанных словах. — Простите.

К моему облегчению, взгляд на интересном треугольном лице быстро смягчился. Губы растянулись в широкой улыбке, отчего подбородок мужчины получился еще острее.

— Я проиграл пари, — простодушно бросил он.

— Ребенку? — выпалила я и тут же осеклась. Я не хотела, само собой получилось, а улыбка незнакомца стала еще шире.

Недолго всматриваюсь в лицо мужчины, и оно мне кажется очень знакомым. Не желая ни о чем гадать, спрашиваю прямо:

— Мне кажется, будто я вас видела в окнах стилпоезда... Я не ошиблась?

У мужчины острые уголки бровей, и в этот самый миг они взметнулись очень высоко.

— Не ошиблись, — к веселью в голосе примешалась осторожность. — По возвращении распорядюсь зашторить лучше...

— Хорошее решение, — спокойно говорю я. Припомнив то, что видела в окнах стилпоезда, с насмешкой добавила:

— А проиграли вы даме с длинной сигарой?

— Даже не уверен, стоит ли мне продолжать с вами разговор, — шутливо заметил он. — Быть может, лучше вас остерегаться?

— Неужели девушка с конфетой в руке вгоняет вас в ужас?

— Нисколько! — воскликнул он, а затем тихо добавил: — Пока она не заглядывает мне в окна.

— Не тревожьтесь, в окна стилпоезда я заглядывала недолго.

— А потом вам стало стыдно?

— А потом мне стало скучно.

У мужчины появилось странное выражение лица. На мгновение он замер, а потом вдруг с энтузиазмом заявил:

— Я хочу заключить с вами пари.

— Что? — растерялась я.

— Сыграем в кольца, — бодро говорит он, и его взгляд метнулся к игрокам в нескольких метрах от нас. — Победитель вправе затребовать любой приз на ярмарке.

— Вы серьезно? — все равно не верю я.

— Почему нет? Вы не любите скучать, я тоже. Игра ради игры — скучно. Сделаем ставку!

Азартный блеск его глаз заставляет крепко насторожиться. Мужчина — опытный игрок, в этом нет сомнений.

— Я, пожалуй, пас, — вежливо отказываюсь я, а мужчина вдруг бросил:

— Струсил?

Меня почему-то задели эти слова. Крепко поджимаю губы.

— Нет, просто не хочу играть, — уклончиво говорю я, а он уверенно заключил:

— Струсил.

Немного обдумав, говорю:

— Ладно. Но если победа за мной — вы проводите в стилпоезд двух особ.

Даже когда на лбу мужчины появилась неглубокая хмурая линия, лицо его все равно осталось добрым и оптимистичным.

— Неравноценные условия, — спокойно заметил он.

— Но вам очень хочется сыграть со мной, ведь так?

— Хорошо. Играем! — легко согласился он, и в тот же миг в его глазах загорелся странный огонек.

От зеленой палатки мужчина вернулся с шестью алюминиевыми кольцами и три из них протягивает мне.

— Дамы вперед, — сказал он.

На снегу прочерчена линия для броска, а по обе стороны ее воткнуты в снег два красных флажка. Короткая металлическая палка, куда мне нужно забросить обруч, стоит в метрах трех от меня.

Я подступила к линии, внимательно оценивая расстояние. Мельком взглянув на других игроков, приготовилась, и на выдохе бросила кольцо.

С силой броска я явно перестаралась.

— Мимо, — констатирует мужчина, изобразив на лице даже сожаление.

Я очень недовольна промахом, и это чувство отразилось у меня на лице.

Подбежал мальчишка, подобрал кольцо и отнес в зеленую палатку.

— Ваша очередь. Мистер...?

— Майкл Гроуз, — с гордостью представился он.

На короткое время удивленно уставилась на мужчину. Выходит, человек в чью честь возведена статуя в вестибюле, — его предок.

— Анна, — коротко представилась я.

— Ну же, Анна, у вас впереди еще две попытки! — ободряюще улыбнулся Гроуз.

— А у вас три, — хмуро говорю я и уступаю очередь мужчине.

Майкл попал сразу, едва носком ботинка коснулся линии на снегу. Кольцо упало точно по центру металлической палки, даже не коснувшись ее.

— Отлично! — доволен он. Мои брови еще долго остаются высоко изогнутыми от изумления вверх.

— Вступать с вами в пари — очень недальновидное решение, мистер Гроуз, — кисло протянула я.

Тот же мальчишка лет десяти быстро подбирает кольцо и следует дальше по ряду, подбирая прочие.

Я принимаю очередь.

Приготовилась. Бросила кольцо. На этот раз для броска я приложила меньше усилий. Когда кольцо попало точно в цель, из груди вырвался выдох облегчения.

— Хм, может, вам и не придется выкупать мне всю палатку со сладостями, — усмехнулся Гроуз, а я потрясенно уставилась на него.

— Это шутка?

— Нет, — невозмутимо говорит он. — Это пари. Если победа за мной, я получаю любой приз на ярмарке. Забыли?

— Мистер Гроуз, я думала, речь идет о чем-то символическом... — забеспокоилась я. — У меня нет таких денег, чтобы выкупить для вас целую палатку!

— В таком случае вы останетесь моей должницей, — уверенно и просто заявил он. Теперь его взгляд напоминает хитрый. Глядя в эти темные карие глаза, я вдруг отчетливо понимаю — он это делает в отместку за навязанные мной условия. Неравноценные условия.

— Один — один, — поджав губы, говорю я, и к линии броска подступил Гроуз. Его выход изменил счет на два — один.

У меня не так много шансов на победу, если Гроуз будет играть вот так блестяще. Надо что-то придумать. Впрочем, есть одна идея, но часть меня, что отвечает за честность, несколько этому противится.

Осталась последняя попытка, и лучше бы мне попасть, в противном случае Джону вряд ли понравится моя очередная гениальная идея...

Приготовилась и на выдохе бросаю кольцо. Точно в цель!

— Счет сравнялся, — Майкл Гроуз удосужился короткими овациями.

— За вами еще одна попытка, а у меня — ни одной, — нервничая, уступаю я позицию.

На лице мужчины довольная ухмылка. Он даже не рассматривает возможность проиграть.

Майкл подступил к линии и сразу бросил кольцо — оно точно попало в цель.

— Победа за мной! — радуется он.

— Это не так... — на выдохе сказала я и приготовилась.

— Что? — усмехнулся Гроуз. Мужчина подошел к стальной палке: по центру кольцо. — По-моему, все очевидно. Я победил!

— Вы бросили с более близкого расстояния, чем нужно было.

— Не может быть! — возвращается к линии броска.

— Смотрите, — указываю я на линию на снегу, сделанную мной минутой ранее, пока Гроуз не видел. — Вы бросали отсюда, — отступаю на полшага назад. — А вот линия, от которой следовало это сделать.

Правильную линию, моими усилиями, едва ли теперь можно разглядеть.

Мужчина озирается на флажки. Они расположены достаточно далеко, чтобы не бросаться в глаза.

— Что за черт! — выругался мужчина. — Вы очертили вторую линию! — поднимает на меня потрясенный взгляд. — Это жульничество!

— Жульничество — это если бы у меня был туз в рукаве во время игры в покер, а здесь творческий подход и ваша невнимательность.

Майкл Гроуз чуть не задохнулся то ли от возмущения, то ли от восторга, в то время как я ожидала лютую ярость. Подобная смешанность чувств привела меня в замешательство.

Игра не могла закончиться ничьей, и мы продолжили бросать кольца до первого промаха, к моему глубокому удивлению, первой промах допустила не я. Когда я посмотрела в лицо Гроуза, в его глазах тоже отразилось недоумение.

Осознав случившееся, мои губы растянулись в ухмылке.

— Я победила!

— Хорошо, — хмыкнул Гроуз. — Я проиграл. Второй раз за вечер!

— С женщинами опасно играть.

— С вами опасно, Анна, — уверенно заявил он, и обворожительная улыбка растянулась на его лице, — только с вами.

Мы вернулись к палатке со сладостями. Конфеты Гроуза нетронутыми оставались на прилавке. Майкл забрал их.

— Ну, так кто ваши загадочные друзья? — спрашивает он.

— Сейчас найдем, — говорю я и вхожу в вокзал. Среди толпы девушку с яркими красными очками на глазах нахожу сразу, она и ее подруга по-прежнему заглядывают в окна стилпоезда, как и десятки других любопытных.

— Распоряжусь зашторить, — разглядев воочию это безобразие, уверенно объявил Майкл, припустив поля шляпы на глаза.

— Подождите здесь, — прошу я.

Пробираюсь через людей. Касаюсь девушки в красных очках и жестом показываю следовать за мной. Та в смятении отдернула подругу и сразу потащила ее за собой.

Когда я привела их к Гроузу, обе будто дышать перестали.

— Здравствуйте, — поспешно говорит тонкая блондинка с завитым хвостиком на затылке. Та, что в красных очках, по-прежнему не дышит и даже не моргает.

— Добрый вечер, дамы, — у Майкла очень обаятельная улыбка. Если я буду смотреть в это лицо слишком долго, боюсь, эта улыбка сразит даже меня.

— У вас появился шанс попасть на стилпоезд, — прямо говорю я девушкам. — Если вам интересно это предложение, следуйте за мистером Гроузом.

Обе, казалось, опешили. Удивленно выпучили глаза и не сдвинулись с места.

— Ну же, — злюсь я их откровенной заторможенности. — Не хотите вы, пойдут другие!

— Да, мы идем! — опомнилась девушка в красных очках.

— Очень хорошо, — улыбка Гроуза стала бессовестно обворожительной. — Как зовут ваших очаровательных подруг? — спрашивает он у меня.

— Как вас зовут? — тут же спрашиваю я у девушек, а на лице мужчины улыбка сразу стала кривоватой.

— Что происходит? — не понял Гроуз, уткнулся в меня недоверчивым взглядом.

Девушки все еще потрясенно хлопают глазами. Не вмешиваются.

— Услышала их разговор и решила, что могла бы помочь, — спокойно отвечаю я.

Широкие брови на лице Майкла Гроуза опять удивленно взметнулись вверх.

— Вы подглядываете, подслушиваете, ведете грязную игру. Боже, Анна, откуда вы появились?

— Меня зовут Люси, — когда молчание затянулось, поспешно заговорила девушка с хвостиком на затылке.

— А я Виктория, — спокойно сказала та, что в красных очках.

В этот самый миг у меня душа выполнила тройное сальто и шлепнулась лицом вниз.

— Что? — рассеянно говорю я.

— Меня зовут Виктория, — без твердости в голосе повторила она. — Что-то не так?

Та, что назвалась Викторией, нервно поправляет очки, а я уставилась на нее с целой гаммой сильнейших чувств: гнев, зависть, раздражение. Возникло нелепое чувство, будто эта девушка украла мое имя и даже очки. Судя по выражению ее лица, смотрю я на нее соответствующе.

— Анна, с вами все хорошо? — забеспокоился Гроуз.

— Да, — взяв свои чувства под контроль, быстро отвернулась я.

Виктория и Люси прошли вперед, а Майкл задержался.

— Анна, — позвал он. Из-под полей шляпы заглядывает мне в глаза. — Вы все еще можете подняться с нами.

Мужчина красив, очень любезен и бесконечно обаятелен. Именно таким и должен быть дамский угодник.

— Благодарю, мистер Гроуз, за представленную возможность, но я откажусь.

Мужчина даже не попытался скрыть своего разочарования.

— Что ж, Анна, спасибо за вечер, который вряд ли я когда-нибудь смогу забыть, — он склонился и слегка коснулся пальцами поляй своей шляпы. — Надеюсь, однажды жизнь опять столкнет нас.

Майкл Гроуз прошел через толпу. Когда мужчина перешагнул через канатное ограждение, сразу протянул руки Люси и Виктории; подруги одновременно сделали шаг вперед.

В миг, когда служащие бросились к Майклу, тот поднял глаза, открыв им свое лицо, и те сразу остановились. Громкие перешептывания толпы быстро возросли до радостного крика.

Сразу возникли фотовспышки.

У девушек широкие, счастливые улыбки, несомненно, прямо сейчас они чувствуют себя звездами.

Мне нравится то, что я вижу и улыбаюсь этому. А когда взгляд метнулся к окнам вагона, улыбка моя стала медленно гаснуть. В расщелине между плотными синими занавесками я вижу силуэт Джона.

Хэнтон оживленно ведет с кем-то диалог.

Хорошо, что я не согласилась на приглашение Майкла Гроуза подняться на борт стилпоезда, любовнице Хэнтона там делать нечего.

Мой взгляд медленно-медленно опустился вниз.

Здесь празднуют открытие нового вокзала и направление к Илстити через горы Ханди. Несмотря на то, что празднует весь Юдеско, я все равно чувствую себя незванным гостем.

Мне лучше уйти.

В своих апартаментах в гордом одиночестве распиваю бутылку белого дорогого вина, уткнувшись взглядом в окно. Пошел уже второй час ночи, а Юдеско продолжает праздновать.

На балконе появился желтый отблеск — это в соседних окнах загорелся свет. Я собиралась лечь спать, но в голову вдруг влезли другие мысли.

Мне хочется увидеть Хэнтона. Несмотря на позднее время, я хочу поговорить с ним — о чем угодно... А еще было бы неплохо остаться с

ним до утра.

Я взяла со стола начатую бутылку вина и, ни в чем не сомневаясь, вышла в коридор. Встала перед белой дверью и негромко постучала в нее.

Послышались неторопливые шаги, затем раздался щелчок и дверь открылась. Когда Джон увидел меня, на расслабленном и немного уставшем лице растянулась ленивая улыбка. Мужчина без слов пропустил меня в свои апартаменты.

— Ты не против моей компании? — из вежливости спрашиваю я, протянув мужчине бутылку с остатками белого вина.

— Конечно.

Чувствую запах виски, сигар и дорогого одеколona. Он все еще в белой рубашке и брюках, а пиджак его небрежно свален на кресло в гостиной.

Хэнтон подошел к бару, плеснул себе виски, а мне наполнил бокал вином. Вручив мне бокал, мужчина садится в широкое квадратное кресло, а я опускаюсь в кресло напротив.

Мельком осмотрела гостиную, идентичную той, что в моих апартаментах. Все здесь устроено так же, за одним исключением — графины с виски и бренди в моем номере не предусмотрены.

Взгляд мой встретился с серой сталью его глаз.

— Расскажи мне о себе, — прошу я и подношу бокал к губам.

— Что ты хочешь знать? — спокойно уточняет он.

— У тебя есть семья?

Мужчина странно хмурит взгляд. Джон ответил не сразу.

— Если ты спрашиваешь о матери и отце, их давно уже нет, — откладывает бокал с виски и берет в руки сигару. Какое-то время между нами стоит тишина. — У отца была табачная фабрика. Пока отец работал, мать заботилась обо мне...

— Какой она была?

— Я почти не помню свою мать, она рано умерла, — он поднес сигару к огню. Через мгновение мужчина выдохнул густое облако табачного дыма. — Отец много работал, так что после ее смерти мы стали жить на фабрике. Все мое детство прошло в ее стенах.

— Наверное... это было интересное детство, — с запинкой предположила я. — Для мальчика.

— Веселого помню много, — с улыбкой подтвердил Джон.

Я тоже улыбнулась.

— Что с фабрикой теперь?

— Ее больше нет, — с некоторым сожалением изрек он. — Когда мне было четырнадцать, отец продал ее. А через два года он заполучил у города небоскреб.

— Гордость Хэнтонна.

— Да, — легонько кивнул Джон. — Пока я учился за границей, отец создал крупнейшую торговую сеть в стране по продаже табака и алкоголя. С тех пор он не производил, а продавал.

Мужчина поднес сигару ко рту. У него задумчивый взгляд, мысленно он глубоко погрузился в прошлое. Я тоже задумалась: Хэнтон сохранил бизнес отца, в то время как целью его жизни стала сталь.

А я-то думала, зачем ему понадобились торговые дома, одним из которых теперь заведует Том.

— Наверное, вы с отцом были близки.

К моему удивлению мужчина отрицательно качнул головой.

— Не всегда, — с тяжелым выдохом изрек Джон. — Отец был очень строг ко мне, иногда он был даже жесток. Как-то после ссоры с ним я собрал чемодан и ушел. Он не пытался меня остановить.

Я нахмурилась.

— Как ты жил?

— Искал работу, — легко ответил Джон. — Два месяца ходил из города в город с никому не нужным дипломом управленца. В стране в то время были голод и безработица. Когда денег совсем не осталось, мне пришлось забыть о прежних амбициях и я пришел на ферму.

— Ты косил траву, пахал поля и следил за животными? — с недоверием спрашиваю я.

Джон усмехнулся.

— Так трудно представить?

— Честно признаться, да, Джон. Мне трудно это представить.

Его ухмылка стала шире.

— Я никогда не забуду мозоли на руках, боль в мышцах и ранний подъем с восходом солнца.

— И долго так продолжалось? — все равно не могу поверить я.

— Год. Вскоре правительство поднимает налог на сельскохозяйственные земли. Обильные дожди губят часть урожая.

Фермер больше не мог мне платить. Я принял решение вернуться.

Неосознанно поддаюсь немного вперед. Взгляд Хэнтон потеплел, в остальном мужчина себя не выдал.

— Что он сказал тебе, когда ты вернулся?

Изо рта Хэнтон выплыло густое облако дыма.

— Сказал... что бесконечно горд тем, что я его сын, — почти неслышно проговорил Джон.

У истории хороший конец. Я улыбнулась.

Некоторое время заглядываю в глаза Джону, затем поднимаюсь и неспешно обхожу его кресло. Мужчина остался неподвижен.

Стоя у него за спиной, опустила руки ему на плечи и очень медленно провела ладонями по его широкой твердой груди. Прижалась лицом к его щеке и поцеловала острые скулы, а когда мужчина слегка повернул ко мне голову, то губами дотянулась до уголка его губ. Мне очень приятно касаться щекой его колючей двухдневной щетины.

Джон взял мою руку в свою большую ладонь и тыльной стороной поднес к своим губам.

— Ложись спать. Я скоро приду, — тихо сказал он мне.

На короткое мгновение я замерла, силясь осознать и принять услышанное.

— Хорошо, — с некоторым замешательством отозвалась я. Медленно-медленно выпрямилась, расправив свои плечи. Лениво побрела из гостиной, еще раз украдкой взглянув на Хэнтон.

Джон прикрыл глаза, в тягостных раздумьях приложив руку к лицу. Я привыкла к непроницаемой строгости его лица, но теперь он будто прогнулся под тяжестью известных только ему самому противоречивых чувств.

Я разозлилась. Я должна вернуться и остаться с ним, но вопреки собственным чувствам и желаниям, поступаю так, как он меня просил.

Стрелки часов приблизились к трем, когда моя голова, наконец, опустилась на подушку. Очень быстро я провалилась в желанный и необходимый мне сон, но вскоре, он был прерван негромким скрипом двери. В комнату вошел Хэнтон. Из-под опущенных ресниц наблюдаю, как при неярком свете луны мужчина снимает с себя одежду и, небрежно свалив все в кресло, ложится рядом со мной.

Джон не потревожил меня.

Глава 11

Я проснулась далеко за полдень совершенно одна. Смотрю на часы и не могу поверить, что они показывают правильное время. Солнце высоко в небе, голова гудит как от похмелья.

Джона нет, и записки оставить он не потрудился. Но я догадываюсь, что он сейчас у реки Кавана и вместе с партнерами решает вопрос возведения моста. Но почему он меня не разбудил? Ведь я должна была отправиться с ним.

Принимаю душ, надеваю бежевые брюки и джемпер и, дождавшись, когда волосы высохнут, спускаюсь в ресторан. У самых дверей растянут плакат, извещающий, что после шести вечера дамы и джентльмены проходят в ресторан только в костюмах и платьях. Но сейчас не это время, а значит, в ресторан я прохожу свободно.

За высокой трибуной у входа никого нет, и я беспрепятственно занимаю место за круглым столиком у высокого окна. Над головой восемь больших люстр, а зажжены только три.

Официант в смокинге принял у меня заказ, на вопрос, на кого записать счет я уверенно называю апартаменты Джона.

У меня в распоряжении много часов свободного времени, как их можно провести в Юдеско?

После легкого завтрака, натянув перчатки на руки и повыше подтянув ворот пальто, ступаю на размокший на солнце снег. На улице прохладно и светло. Осмотревшись, побрела вниз по широкой, оживленной улице.

Юдеско по-своему интересен. Если Данфорд сделан из стали и бетона, то Юдеско возведен из кирпича и древесины.

Город большой и густонаселенный. Здесь любят цветы, каждый второй подоконник ими заставлен. Кафе, магазины и бутики на всякой улице — в большинстве своем семейные дела.

«Чем заняться в Юдеско?» — размышляю я перед входом в кинотеатр. Равнодушно смотрю на черные буквы на белом фоне — названия кинолент, которые ни о чем мне не говорят. Поразмыслив немного, делаю шаг вперед.

Когда с билетом в руках вошла в просторный холл с высокими потолками и винтовыми лестницами, сразу почувствовала некоторое волнение. Кинотеатр во многом напомнил мне театр или оперу. На золотистых панелях стен развешаны плакаты фильмов.

В полдень буднего дня в темном зрительном зале посетителей немного.

Когда приглушили свет и стало совсем темно, на большом экране появилась черно-белая картинка, а на ее фоне вдруг возникли зеленые титры. Сразу за титрами под тревожную музыку появляются красные и зеленые человечки — этот момент по замыслу создателей фильма меня должен был напугать.

Фильм страшно наскучил с первых минут просмотра, былого волнения нет и в некотором сожалении ухожу из кинотеатра.

Поскольку мне надоело бесцельно ходить по городу, я решила вернуться в гостиницу.

— Миссис Стоун, — окликнул человек за стойкой администрации. Я вопрошающе подняла на него глаза, и он услужливо добавил:

— Для вас оставили сообщение.

Принимаю с его рук белый лист с золотым тиснением, сразу под наименованием гостиницы аккуратным почерком записано: «К семи часам тебе понадобится платье».

— Когда оставили сообщение? — спрашиваю я.

— Позвонили около часа назад. Джентльмен не представился.

— Спасибо, — рассеянно благодарю я. Подумала немного и говорю:

— Мне нужна машина.

Мужчина за стойкой администрации согласно кивнул и сразу поднял трубку телефона.

Красное атласное платье в форме песочных часов мне к лицу. Четко очерченная талия и летящий роскошный подол напоминают раскрывающийся бутон цветка. Женственно, чувственно и элегантно. Мне нравится.

Когда я была готова и спустилась к ресторану, стрелка на маленьком циферблате моих наручных часов перевалила уже за семь.

Джон ждет меня у дверей ресторана, хмурится, заправив руки в карманы брюк. Я подхожу ближе, и взгляд темных серых глаз

останавливается на мне. Если даже мужчина намеревался высказать свое недовольство, то теперь этого намерения у него нет.

Я улыбнулась ему и в ответ получаю сдержанную, но теплую улыбку.

Джон не предложил мне руку, и в ресторан мы входим плечом к плечу. Чтобы идти с Хэнтоном под руку, нужно быть в несколько иных отношениях, чем босс и его секретарь. Не сразу, но я это поняла.

На входе нас доброжелательно встречает человек в черном смокинге, перед ним высокая трибуна. Хэнтон представился, и мужчина, сверившись со списками, ведет нас к столу.

— Ты великолепна, — так, чтобы слышала только я одна, сказал мне Джон.

— Благодарю, — так же тихо, отвечаю я. — Ты уехал один. Почему?

— Ты здесь ради твоего и моего удовольствия. Тебе не обязательно ехать со мной десятки километров по разбитым дорогам, — сказал мне Хэнтон, а я приуныла. Он заметил. — Ты расстроена?

— Я хотела поехать, — сказала я и тут же в замешательстве нахмурила взгляд. Мы еще не подошли к столу, но я уже вижу восторженное лицо Майкла Гроуза.

— Не могу поверить своим глазам. Анна! — воскликнул Гроуз.

Мои губы растянулись в удивленной улыбке.

— Анна Стоун, — представил меня Джон. — Моя временная помощница, с которой Майкл имел неосторожность вчера вступить в пари.

Я в еще большем замешательстве, чем прежде.

Хэнтон отодвинул для меня стул, чтобы я могла сесть к столу. Опускаюсь на предложенное место, украдкой взглянув на мужчину — он, кажется, невозмутим.

— Наслышаны о вашей победе, миссис Стоун, — со сдержанной улыбкой сказал человек в светло-сером костюме. У него приятный тихий голос и внимательные карие глаза. На фоне смуглой загорелой кожи седина его волос кажется особенно благородной.

Я узнала в этом мужчине того, с кем увлеченно вчера разговаривал Джон в стилпоезде.

— Уильям Вэйст, — представил мужчину Хэнтон и сам опустился на место рядом со мной. — Мой друг и партнер, — затем показывает на женщину рядом с Вэйстом в неброском закрытом платье. — Его секретарь, Бренда Харпер.

Мы бодро обменялись любезностями. В отличие от своего босса, Бренда не сдерживает улыбки, а взгляд ее открытый и дружелюбный. Внешностью и нравом она чем-то напомнила мне миссис Честон.

— Алан Лонгер, ответственный за политику кредитования банка Данфорд.

Худой, темноволосый, с болезненно-бледным лицом и внушительным крючковатым носом — так выглядит Алан Лонгер. Как и у мистера Вэйста, у Лонгера безупречно прямая осанка с четко выраженной линией плеч. Взгляд у него немного уставший и скучающий, ему не слишком интересно знать, кто я.

— С Майклом Гроузом вы уже знакомы, — сказал Джон, и я сразу обратила свой взгляд на Майкла. На нем костюм темно-зеленого цвета, а на запястье часы из светлой стали.

— Говорил же, жизнь столкнет нас опять, — улыбнулся он мне самой обворожительной улыбкой, которую я когда-либо видела в своей жизни. Улыбаюсь ему в ответ достаточно красноречиво и долго.

Стол роскошен по богатству возложенных на нем блюд: мясо, рыба, креветки, овощи и фрукты. По центру стола большой канделябр с зажженными свечами. Служащий в белом смокинге разливает шампанское.

— Предлагаю поднять бокалы за Анну Стоун, — вдруг торжественно объявил Майкл Гроуз.

В глубоком потрясении уставилась на мужчину, сильно округлив глаза, чем вызвала у мистера Гроуза веселый смешок.

Взгляд метнулся по лицам присутствующих, и, кажется, поведение мистера Гроуза вызвало удивление только у меня одной. Со спокойным выражением лица каждый за столом поднял свой бокал, разве что с некоторой неохотой это сделал Алан Лонгер.

— Инженеры и строители поддержали идею ледяных шахт, — подсказывает Хэнтон.

Мое некогда потрясенное лицо обрело восторженное выражение. Я опять улыбаюсь, и уголок губ на лице Хэнтонена ненавязчиво приподнялся вверх.

Не соприкасаясь бокалами, присутствующие поднесли их к губам.

— Хорошая идея — ресурс достаточно редкий и ценный, — неторопливо изрек мистер Вэйст, поставив бокал с шампанским на стол. Его рука нырнула во внутренний карман светлого пиджака. — Пусть вы не просили плату, но считаю честью джентльмена выразить вам свою благодарность, тем более что услугу оказала леди, — добавил он, протянув мне бланк.

Мельком опустив глаза на бумагу, резко поднимаю их на мистера Вэйста. В моих руках чек:

— Двести тысяч? — недоверчиво выдохнула я.

— Разумеется, вы достойны поощрения в большей сумме, — уверенно заявил Вэйст. — Но, справедливости ради, в деле участвуют трое, — его взгляд быстро метнулся от Джона к Гроузу.

— Это правда, — сразу отозвался Майкл и достает из внутреннего нагрудного кармана чековую книжку. Быстро водит золотой ручкой по серой бумаге и протягивает мне чековый бланк на двести тысяч. Джон выполнил то же действие, и теперь в моих руках шестьсот тысяч баллионов!

— Боже мой... — проронила миссис Харпер, задержав взгляд на чековых расписках в моих руках. Если у этой женщины так выразительно вытянулось лицо, то как выгляжу сейчас я?

— Я даже не знаю, что сказать... — рассеянно говорю я, испытав сразу смущение и восторг. Оглядываю каждое лицо за столом и чувствую, как запылала щеки. — Спасибо.

Неужели настал тот миг, когда я могу назвать деньги, коими могу свободно распоряжаться, заслуженными? Причем заслуженными при тех обстоятельствах, при которых не пришлось калечить собственную гордость.

К слову о гордости. Некогда забитая и униженная, она вдруг расправила плечи.

— Неплохо для женщины, — заметил Алан Лонгер. Снисходительные нотки его голоса невероятно быстро стерли следы бывшего восторга, и я в смятении уставилась на него.

— Неплохо?! — рассмеялся Майкл. — Миссис Стоун получила зарплату моего секретаря за несколько лет! По-моему это блестяще.

— Для женщины — безусловно, — так же снисходительно заметил Лонгер, но уже с нотками раздражения. Причем раздражает

его сам Майкл, а не то, что он говорит.

— Для человека, что находится в неравных условиях с вами, это действительно необычно, — с вежливой прохладой в голосе говорю я. С вызовом смотрю на Лонгера, а он смотрит на меня. В воздухе возникло неприятное напряжение.

— Миссис Стоун, — предупреждает Джон, слегка повернув ко мне голову.

— Мистер Гроуз сказал, что в моих руках зарплата секретаря за несколько лет, — упрямо продолжаю я. — При своей должности и в своем кресле, вам случалось когда-нибудь повторить хоть отдаленно похожее, мистер Лонгер?

— Миссис Стоун, — голос Джона стал холоднее стали.

Алан Лонгер тихо рассмеялся.

— Твоя помощница не слушается тебя, — заметил он и медленно перевел взгляд светлых серых глаз на Хэнтон. — Джон, ты уверен в том, что ее босс — ты?

Майкл помрачнел, а взгляд Джона опасно сверкнул.

— Миссис Стоун чаще, чем следовало бы, демонстрирует свой характер. В рабочем процессе это бывает полезным качеством, — твердо произнес Хэнтон, не сводя прямого взгляда с Лонгера. Я едва сдержалась, чтобы не улыбнуться. — Но иногда это оказывается совершенно неуместным, как это произошло сейчас, — с упреком добавил он, и я приуныла.

— Потому-то я так щепетилен в выборе персонала и никогда не нанимаю женщин, — с пониманием сказал Алан Лонгер. — Доподлинно известно: мужчины эмоционально сдержанней.

Я с возмущением вобрала воздух и тут же хотела сказать свое слово, но мистер Вэйст вдруг заговорил:

— Отчасти вы правы, Алан... — мужчина бросил на меня строгий взгляд, призывающий меня замолчать, причем немедленно.

Пока Вэйст говорит, в груди клокочет гнев, а разум протестует, но я, крепко поджав губы, смиренно опустила голову.

Этот ужин во многом напомнил званый прием в доме Стоун — это попытка, только хуже. Пока мужчины говорят, я стараюсь молчать и даже не смотреть на них. Один только Майкл никак не забудет о моем присутствии. Этот мужчина очень упрям, и под конец вечера ему все же удалось заставить меня улыбнуться.

— Ты любой ужин превращаешь в катастрофу, — бросил на выходе из ресторана Джон.

— Ты унизил меня, — на ходу и со злостью процедила я.

На подходе к лифту замолкли оба. Двери разомкнулись, и вместе с другими людьми я и Джон молча вошли внутрь.

Лифт медленно пополз вверх.

Очень хочу высказаться, но в присутствии людей в небольшом тесном пространстве это явно неуместно. Нервно жду, когда золотистая стрелка на табло над головой достигнет цифры одиннадцать.

Когда двери с лязгом отворились, молниеносно выхожу из лифта. На пути к номеру Джон схватил меня за руку и удивительно спокойно произнес:

— Лонгер — скользкий человек. Самолюбивый и гордый.

— Тогда зачем ты...

— Но еще он очень важный человек, — резко добавил Хэнтон. — От него многое зависит в нашем предприятии, и я не могу допустить, чтобы твоя выходка сколько-нибудь стоила общему делу.

— Ясно. Отдаешь меня на растерзание во имя высшей цели, — со злым сарказмом отчеканила я.

— Не преувеличивай, — строго заметил Джон и мягким прикосновением руки корректирует мое направление в его номер. Когда закрылась дверь, меня припечатали к ней прежде, чем я успела что-то сказать. Удивленная, не успеваю даже опомниться, когда Джон впился губами мне в рот, крепко сжав пальцы на тонкой талии. Поцелуй, сильный и глубокий, ошеломляющий, заставил мгновенно позабыть всю злость на Хэнтон.

— В этом деле не я один, Анна, — прервав поцелуй, шепчет мне в губы Джон. — И если сделку потеряю я, ее потеряют и мои партнеры.

— Чего ты хочешь от меня?

— Понимания, — подушечками пальцев ласково проводит по моим щекам, сохранив при этом строгость взгляда. — Для этих людей ты работаешь на меня, а значит, твои ошибки — моя персональная ответственность. Ты понимаешь меня?

Не хочу соглашаться, но возразить нечего. Джон остался удовлетворен реакцией моего лица и, склонив голову, коснулся губами оголенного плеча. Умопомрачительное удовольствие, когда колючая

щетина касается нежной чувствительной кожи, и я прикрываю глаза, вытянув для этих поцелуев шею.

На рассудок неизбежно опустился туман, но упрямые мысли остаются где-то рядом, подстегивая горячую злость полыхнуть еще ярче. Когда туман рассеялся окончательно, глаза мои открылись.

Мне без устали указывают, что делать, куда идти и что мне говорить. Что бы я ни делала, ни в мыслях, ни в желаниях не могу оставаться свободной до конца, в отличие от Хэнтон. Я завидую его свободе и злуюсь, что не могу обладать ею даже в самой малой ее части.

Мужчина подобрался к моим губам и, не прерывая поцелуй, неторопливо расстегнул молнию платья. Стянул плотную материю с моих плеч, и платье упало к щиколоткам. Руки Джона поднялись к кружевному бюстгалтеру, и, как только проворные пальцы настигли застёжек, я сразу укусила Хэнтон за губу. Я сделала это уверенно и достаточно больно, Джон с громким выдохом отстранился, в его глазах застыл вопрос.

Я не даю мужчине возможности опомниться и укладываю свою ладонь ему на грудь, мягко подтолкнув к спальне. Не свожу с него прямого и уверенного взгляда.

В глазах Джона понимание, он больше не удивлен и послушно следует моим молчаливым инструкциям. Уже в спальне тихонько толкаю мужчину на кровать и ставлю свою изящную ножку в кружевом черном чулке меж его ног.

— Сними, — мой голос звучит как приказ, и в тот же миг на губах Хэнтон возникла тень улыбки.

Грубая ладонь легла мне на голень, медленно заскользив вверх по коленному сгибу, поднялась выше кружева чулка к трусикам. От его прикосновений захватило дух, и мне пришлось приложить усилия, чтобы держать свои чувства под контролем. Улыбка Хэнтон стала шире.

Пальцы Джона лениво возвращаются к чулку и стягивают его. Едва я поставила вторую ногу, мужчина рывком притянул меня к себе и я неизбежно оказалась сверху.

— Джон... — мой голос больше не звучит уверенно, как прежде.

Мужчина сжал меня в своих объятиях и, несмотря на молчаливый протест, припал к губам. Его губы быстро переместились к мочке уха, и я вздрогнула. Он укусил меня!

— Хочешь связать меня? — с усмешкой выдохнул Хэнтон у самого уха, и новая волнительная дрожь пронеслась по телу.

Я легонько отстранилась и посмотрела Джону в глаза.

— Пару часов назад ты связал меня по рукам... — с претензией выдохнула я ему в губы, подразумевая непростой для меня ужин в ресторане. — Я хочу сделать с тобой то же самое. Позволишь?

Я испытующе смотрю на мужчину, а он похожим взглядом смотрит на меня. Хэнтону не слишком нравится моя затея. С тяжелым выдохом он уложил пальцы мне на бедро и неспешно стянул второй чулок.

По его очень серьезному взгляду я сразу понимаю, что подобной уступки для меня больше не будет. Джон раскрыл передо мной ладонь. Не затягивая момент, я стянула с его пальцев черные плотные кружева.

Выпустив меня из кольца своих рук, мужчина опустил на кровать, безропотно позволив привязать сначала одно запястье, затем другое. Сквозной узор на изголовье кровати пришелся очень кстати.

Я улыбнулась.

— Нравится игра? — склоняюсь к его лицу, но сохраняю дистанцию, чтобы он не смог коснуться моих губ.

— Предпочел бы, чтобы на моем месте сейчас была ты, — с хрипотцой в голосе заметил он. В серых глазах плавится сталь.

Я восседаю на нем в кружевах шелкового белья. Медленно-медленно растегиваю его рубашку, пальцами заскользив по широкой обнаженной груди. Чувствую, как Джон напрягся, рука его дернулась, но прикоснуться ко мне мужчина не мог.

Я снова улыбнулась. Выпрямилась, самодовольно оценив всю силу его нетерпения.

— Знаешь, а я и не предполагала, какое удовольствие может принести маленькая власть над Джоном Хэнтоном. Восхитительное чувство! — говорю ему я. Взгляд Джона стал подозрительным. — Вот только...

Контролировать охотника в своей постели — не самая сложная задача, еще сложнее держать под контролем собственные волю и мысли, что так отчаянно жаждут продолжить процесс.

— Что ты делаешь? — выдохнул Джон, когда я сползла с постели и стянула с вешалки в шкафу одну из его белых рубашек.

— Я хочу получить извинения, — спокойно сказала я, накинув тонкую материю себе на плечи.

— Анна! — с яростью бросил Хэнтон. Дернулся, но чулки прочно удержали его на месте. — У тебя есть возможность исправить эту глупость только здесь и сейчас.

— А не то...? — невозмутимо спрашиваю я.

— Берегись, — в голосе улавливаю нотки подлинной угрозы.

Я напряглась. Теперь даже извинения мужчины не заставят меня развязать его вот так сразу.

— Я рискну, — сказала я и в противоречивых чувствах поспешно ухожу. Могу только надеяться на то, что мой голос прозвучал уверенно.

Уже поздний вечер, с чашкой горячего какао в руках смотрю, как за окном сыпется редкий снег. Красиво и спокойно, но руки мои дрожат, я чувствую маленькое торжество, сопряженное с диким страхом.

Мне нужно расслабиться и подумать о чем-то хорошем, но ничего не приходит в голову, кроме привязанного к кровати Джона. Какая-то сила заставляет меня жалеть о сотворенном...

— Дорогая, — за спиной, у самого уха, произнес вкрадчивый голос, и кружка вывалилась у меня из рук.

Я резко обернулась и поясницей вжалась в край стола, всерьез рассматривая возможность переползти по его гладкой поверхности на другую сторону.

— Как ты выбрался? — сердце забилось как у испуганного зверька.

— Пришлось сломать кровать, — проговорил Джон, подступив ко мне еще ближе.

Мужчина, кажется, необычайно спокоен, и от этого становится еще страшней.

Джон мягко притянул меня к себе и губами прижался к моим губам, раскрыв мне рот в глубоком и сильном поцелуе. По венам растеклось приятное тепло, а сердце бьется так, будто выскочит сейчас из груди.

Его нежность... Это неожиданно.

Мужчина оторвался от моих губ, не выпустив из кольца своих объятий.

— Прости меня, — вдруг выдохнул он. — Прости за этот вечер и за все, через что тебе пришлось пройти сегодня.

Слова прозвучали искренне. Я потрясена, но все равно смотрю на мужчину с некоторым недоверием.

А что если...? А может быть...?

Эти вопросы никак не уходят из моей головы. В поведении Джона ищу подвох, и мне трудно поверить, что его нет.

Джон склонился ко мне. Почувствовав на своих губах терпкий вкус сигары, рассудок, отвечающий за здравые мысли, опять оставил меня.

— Твои чулки ждут твоих нежных запястий... — сквозь поцелуй проговорил мне Джон, и я оцепенела.

Когда двери лифта расступились, почти сразу меня окликнул человек за стойкой администрации гостиницы.

— Вы секретарь мистера Хэнтон? — спрашивает человек в синей форме.

— Да, — рассеянно подтверждаю я.

— Примите сообщение.

Я принимаю лист из рук служащего, в нем аккуратным почерком сказано, что завтра в полдень Мелисса Бауэр пребывает в Юдеско. Она хочет, чтобы ее встретил Хэнтон.

Чувство такое, будто мне дали под дых.

Не слишком хорошо справившись со жгучей ревностью, решительно шагаю в ресторан. В брюках и джемпере свободно прохожу в двери, за дальним столиком к завтраку меня ждет Джон. На мужчине деловой костюм.

— У тебя встреча? — спрашиваю я.

— Да.

— Я еду с тобой?

— Тебе не нужно.

— Надолго?

— Вернусь к вечеру, — сказал мне Джон. Мужчина странно смотрит на меня. Спрашивает:

— Ты не хочешь присесть?

Взгляд мой забегал, и я смутно осознала, что все еще смотрю на Хэнтонна сверху вниз.

— Мелисса хочет, чтобы ты встретил ее завтра на вокзале, — говорю я, опустившись на стул. Меж пальцев у меня зажат лист с посланием — небрежно бросаю его на стол, к рукам Хэнтон.

— В какое время? — спокойно спрашивает Джон, даже не взглянув на сложенный пополам листок.

— Ее стилпоезд пребывает в полдень, — не сразу и мрачно говорю я.

Джон облакачивается о спинку своего стула.

— Хорошо, — равнодушно бросил он.

— Хорошо? — удивленно выгибаю бровь, а взгляд мой становится острым. Многое начинаю понимать. — Когда ты разговаривал с Мелиссой?

— Вчера, — безмятежно отозвался Джон. Меня выводят из себя его односложные ответы. Скрипнула зубами и говорю прямо:

— Ты согласился, чтобы она приехала сюда.

— Она моя невеста. Что тебя в этом удивляет?

Мне опять дали под дых.

— Когда ты собирался мне об этом рассказать? — рассерженная, спрашиваю я.

— Сейчас, — терпеливо изрек он и сразу же твердо процедил:

— Неоднократно говорил и повторю снова, мы все обсудили.

— Иди к черту, Джон! — вспыхнула я, не скрыв ярости в собственном голосе. За соседними столиками на нас бросают удивленные взгляды, и мне стоило больших усилий не послать к черту и этих людей тоже.

— Держи себя в руках, — жестко предупредил Хэнтон.

Услышанное стало бы отличной предпосылкой для новой уничтожающей вспышки гнева, но я достаточно легко беру свои эмоции под контроль.

— Ты прав, — неожиданная мягкость моего голоса удивительным образом сочетается с припрятанным в рукаве козырем. Облакачиваюсь о спинку стула, приложив руку к лицу и, обдумав немного, решительно заявляю:

— Завтра я еду с Майклом в Илсити.

Взгляд Джона стал до неприятного пронизательным.

— Это для начала, — многозначительно добавила я.

— А что потом?

— Вернусь в Данфорд и сниму квартиру.

Хэнтон заметно расслабился и спокойно сказал:

— Что ж, у тебя есть деньги, и их должно хватить надолго.

— Смысл в том, Джон, что я больше не хочу быть одной из твоих женщин. Я буду не против выпить с тобой чашку кофе и даже поболтаю о жизни, но не жди меня в своей постели! — зло и прямо говорю я. — Ты можешь вернуть мне документы, своим разводом я займусь сама. Как ты правильно заметил, у меня есть для этого необходимые средства.

За нашим столом воцарилась долгая тишина.

— Я понял тебя, Анна, — сказал, наконец, Джон. — Квартиру менять не обязательно, обещаю входить только по приглашению.

У меня сразу распахнулись губы, чтобы дать решительный отказ, но мелькнувшая здравая мысль остудила мой пыл.

— Спасибо, — говорю я.

Странно тратить столь ценный ресурс, как деньги, на квартиру, когда мне ее предлагают бесплатно. Конечно, с этим наверняка будут сопряжены некоторые неудобства, но, если что-то вдруг пойдет не так, за мной возможность сменить жилье в любое время, когда мне только этого захочется.

Я даже улыбнулась мужчине, но Джон не улыбнулся мне.

— Джеферсон продолжит вести твой развод, — сказал он, не сводя с меня прямого взгляда. С очевидной прохладой в голосе добавил:

— Любовника я не потерплю. Мои условия в этом остаются неизменны. Всегда.

Взгляд мой становится хмурым.

Неужели меня не поняли, или Джон не захотел принять то, что я говорю ему?

— Прекратив с тобой отношения, я оставляю за собой право делать все, что посчитаю нужным, — с той же прохладой в голосе предупреждаю я.

В глазах цвета холодной стали сгустились тучи и взгляд стал по-особому мрачным.

— Намерена найти любовника? — спрашивает он и послекусие от этих слов, будто дали пощечину.

— Это тебя уже не касается, — без страха и очень решительно отвечаю я. Встаю и опять смотрю на Хэнтонa сверху вниз. — Квартиру освобожу по первому требованию, как только посчитаешь нужным...

Глава 12

На вокзале Юдеско собралось много людей, все они хотят стать частью важного события города — увидеть первое отправление нового стилпоезда по направлению к Илсити через горы Ханди. Этот маршрут в разы короче того, что проложен длинной дугой у подножия гор, ибо раньше не представлялось возможным проложить путь через холодные и неприступные Ханди.

— Технология будущего еще раз доказала, что для нее нет ничего невозможного! — восторженно объявил Майкл Гроуз, окруженный репортерами в вестибюле вокзала. В темном, распахнутом настежь пальто и в серой шляпе, на фоне темной статуи своего великого предка, Майкл уверенно дает ответы на вопросы, демонстрируя фоторепортерам свою широкую и непревзойденную улыбку.

Майкл Гроуз не пытается поскорее уйти от репортеров, ему не приходится даже терпеть их, он с энтузиазмом разговаривает с ними, а к некоторым даже обращается по именам.

Мне думается, что Майкл Гроуз всегда выступает от лица компании на торжественных событиях подобных этому, так легко ему дается эта роль!

Я терпеливо дождалась, когда репортеры наконец разойдутся и подошла к Майклу, чтобы выказать ему свои поздравления, а также лично поблагодарить за найденное для меня купе в стилпоезде — вчера, сделав ему звонок, я слабо рассчитывала на это.

— Вы бесподобны! — легонько аплодирую я.

— Тоже могу сказать и о вас, Анна — улыбнулся мне Гроуз.

Под руку с Гроузом идем в конец вестибюля, через высокую прямоугольную арку в центральный зал.

В свете дневного солнца золотистые стены центрального зала кажутся много ярче, чем при свете ламп в вечер, посвященный торжественному открытию вокзала.

Здесь больше нет банкетных столов, а взамен красного локомотива на стальной линии стоит стилпоезд насыщенного синего цвета, своими формами он напоминает самолет, только без крыльев. Стилпоезд разделен на несколько длинных вагонов, и под окнами

вагона первого класса золотыми буквами значится: «Технология будущего». Того же цвета парные гигантские колеса по обе стороны машинного вагона.

— Как же вы его спрятали, мистер Гроуз? — поразила я. С перрона, вздернув подбородок вверх, рассматриваю машинный вагон, где чуть ниже панорамного окна расположен большой круглый фонарь. В золотистом металле широкого ободка глубокая гравировка: «Технология будущего. Основатель Филипп Гроуз. 1886 год». Сразу под фонарем большими золотыми буквами выложено название стилпоезда: «Прогресс».

— Мы спрятали его в закрытом депо, — просто и с улыбкой ответил Гроуз. Мужчина смотрит на стилпоезд глазами победителя. — Перед вами, Анна, стилпоезд, которому по скорости, мощностям и комфорту нет равных в стране!

— Это еще предстоит оценить, — задумчиво изрекла я.

— Ах, Анна, ваши шпильки, — дружелюбно смеется Майкл, заглянув мне в глаза. — Я не знаком с вашим супругом, но хочу встретиться с этим необыкновенно терпеливым человеком.

У меня вдруг заболела голова.

— Что с вами? — тревожится Гроуз.

— Все в порядке, — рассеянно говорю я и отвожу свой взгляд к большой синей машине. — Майкл, как я пройду на стилпоезд, вы дадите мне билет?

Я почувствовала жар на своих щеках, отчего они становятся еще ярче. Смущенно смотрю на Майкла, а улыбка на лице мужчины опять стала обворожительной.

— Нет, вы пройдете со мной. Я провожу вас прямо сейчас, — бодро говорит он. Широким уверенным шагом Гроуз идет вдоль стилпоезда, а я поспеваю вслед за ним. У лесенки-подножки Майкл галантно предлагает руку. Опираюсь о предложенную ладонь и, украдкой взглянув на безмятежное лицо проводника в зеленой форме, беспрепятственно поднимаюсь внутрь.

Вагон первого класса похож на маленький дворец с роскошной декоративной отделкой, огромными окнами и дорогой мягкой мебелью.

— Майкл, по-моему, вы что-то перепутали... — тихонько говорю я, заметно удивляясь роскоши вокруг.

— Все в порядке, Анна, — уверенно заявил Гроуз. — Я уступил для вас свое купе.

— А займете какое? — смутилась я.

— То, что предназначалось вам.

— Майкл, я не могу, — возразила я.

— Я уже устроен и переносить вещи в другое купе не намерен, потому, Анна Стоун, у вас нет другого выхода, кроме как расположиться в вагоне первого класса, — Майкл Гроуз остановился перед широкой дверью в купе под номером один. Когда у меня приоткрылись губы, чтобы опять возразить, мужчина заговорил с едва уловимой улыбкой на лице:

— Не возражайте, я делаю это с удовольствием, потому не создавайте неловкость в столь благородном для меня деле.

Немного обдумав, в смятении говорю:

— Хорошо. Не буду.

— Вы чудо.

— Это правда, — зачем-то сказала я, а Гроуз рассмеялся.

3 ноября 1956 года стилпоезд отправляется в свой первый официальный рейс к Илсити через горную цепь Ханди, и я — часть этого события.

Путь лежит в условиях низких температур, снега и ветров. Казалось бы неприступные и суровые горы теперь прорезаны десятками длинных туннелей.

Я посмотрела в окно из своего купе — перед стилпоездом собралась целая толпа.

Я заметила фотовспышку впереди поезда. Прошло немного времени, когда фоторепортер появился перед моими окнами и приготовился сделать снимок всего вагона — я сразу задернула зеленую шторку.

«Если бы не Джон, вместо купе первого класса сейчас бы я стояла у решетки окна психиатрической больницы» — зажав в пальцах плотную ткань штор, вдруг подумала я. У меня кожа похолодела, так внезапно пришла эта мысль.

Как ни взгляни, но комфортом своей жизни в условиях этой реальности я обязана Джону Хэнтону.

Извне прозвучал первый гудок.

Я оставила на кровати свое пальто и вышла из купе. В дорогих одеждах и с важными взглядами, пассажиры первого класса заполнили узкий коридор. На некоторых из дам крупные сверкающие украшения.

Сразу за вагоном первого класса вагон-ресторан. Опустив золотистую ручку, вхожу внутрь и сразу обнаруживаю Майкла. Мужчина стоит ко мне спиной и дает инструкции служащему в зеленой форме. Лицо у служащего очень серьезное.

Вагон-ресторан — это не только место, чтобы утолить голод, еще здесь можно просто отдохнуть и приятно провести время. Под окнами вдоль стены тянутся удобные диваны благородного бирюзового цвета, совсем близко к ним расположены несколько темных кресел. Рядом с каждым креслом напольная стальная пепельница, по форме своей напоминает стакан на высокой тонкой ножке.

По правую сторону бар, а мужчина за стойкой начищает до блеска хрустальные бокалы. На нем белый смокинг и черная бабочка.

По обе стороны бара стоят неширокие столы из темного дерева — на каждом столе цветная настольная лампа.

Стильпоезд достаточно широк, чтобы с комфортом уместить все, что в нем находится, но, когда осматриваешься вокруг, все равно не верится.

Я прошла немного вглубь и уставилась на камин из светлого камня, что прежде показался мне некоей декорацией к общему стилю. Присмотревшись лучше, понимаю, что камин здесь вполне настоящий.

Раздался второй гудок. Стильпоезд качнулся.

— Как вам купе? — спрашивает Майкл Гроуз, и я сразу оборачиваюсь к мужчине. Встретив мой недоуменный взгляд, он заметно повеселел.

— Очень понравились шторы, — вдруг говорю я. — Они достаточно широкие, не оставляют щелей и... никто не заглядывает мне в окна.

Гроуз рассмеялся:

— Мне доставляет огромное удовольствие слушать вас, Анна Стоун, — сказал мне Майкл и жестом приглашает сесть за стол. — Что вы будете пить?

— Горячий чай, — не задумываясь, говорю я, присев на противоположную сторону темного стола.

— Чай для дамы и скотч для меня, — говорит Гроуз мужчине за баром.

Раздается третий гудок. Большая многотонная машина с громким шипением тронулась с места.

В вагон-ресторан вошел человек, лицо которого имеет поразительное сходство с мышинным.

— Алан Лонгер! — дружелюбно приветствует его Майкл.

Лонгер со спрятанными за спину руками неспешно подходит к нашему столу.

— Добрый день, — тихо произнес он. Слегка склонил ко мне голову. — Мадам.

— Присаживайтесь, старина, — приглашает Гроуз, и в этот самый миг мне нестерпимо захотелось ударить Майкла туфлей по ноге. Прямо каблуком зарядить.

Алан Лонгер садится по ту сторону стола, рядом с Майклом — кажется, ему такое соседство не по нраву. Его маленькие глазки неприятно уставились на меня, и я напряглась, почувствовав, как по телу пробежала дрожь. К моему счастью, этот миг продлился недолго и Лонгер отвел от меня взгляд, как если бы мужчине вдруг стало очень скучно.

Стиллпоезд медленно выкатывается из вокзала Юдеско.

— Как себя чувствует леди? — спрашивает Лонгер голосом, в котором угадывается тень подлинного любопытства.

Хмурю взгляд и с некоторым замешательством говорю:

— Хорошо, — подумала немного и добавила:

— Спасибо.

Лонгер задумчиво хмыкнул и, опять устремив на меня неприятный взгляд своих пронизательных глаз, вдруг говорит:

— Тогда любопытно, почему Джон Хэнтон с рабочим визитом отправляется в Бертрек, а вы, его секретарь, на пути в Илсити. Я решил, что вы плохо себя чувствуете и климат Юдеско вам идет не на пользу.

— Я временный секретарь, — вежливо напомнила я. — В Юдеско моя работа завершена. Что делать теперь — только моя забота.

— Что ж, не хотел вас обидеть, миссис Стоун, — без сожаления говорит он.

— Меня обидеть сложно.

— За ужином в минувшую пятницу мне так не показалось, — сказал Лонгер. Опять смотрит на меня, и в груди сразу возникло неприятное давящее чувство.

— Алан, друг, не забывайте о манерах, — вступился за меня Майкл, дружелюбно возложив свою ладонь ему на плечо.

— Да, я совсем забыл об этом, — без каких-либо эмоций согласился Лонгер. Гроуз снял руку, а Лонгер стряхнул со своего плеча несуществующие пылинки.

Стилпоезд вдруг выдает гулкий скрежет в сочетании с легкой нетипичной для этих машин вибрацией. Позабыв собственный гнев, в состоянии легкой тревожности хватаюсь за край стола и осторожно спрашиваю у Майкла:

— Что это?

— Вам не о чем беспокоиться, — уверенно говорит мне Майкл. — Есть участки, где на машину приходится сильная нагрузка и в работу идут все мощности, за счет чего возникает вибрация. Машина новая, так что первое время работа механизмов будет сопровождаться звуками, которые вы слышали только что. Не тревожьтесь, когда услышите их опять.

Слова Гроуза меня заметно успокоили.

— К слову о мощностях, — восторженно заговорил Майкл. — Мы смогли разогнать стилпоезд до двухсот семидесяти километров в час!

— В снежных горах? — моя челюсть едва не рухнула вниз.

— Нет, конечно, — смеется Гроуз. — Только по равнине. Когда пойдем через Ханди, стилпоезд не превысит отметки в семьдесят километров.

— И как долго займет дорога через горы? — спрашиваю я.

— Примерно десять часов, — ответил Майкл, его взгляд уже устремлен на служащего в дверях. Коротким взмахом руки проводник привлекает его внимание. — Вынужден вас оставить, — сказал Гроуз и заторопился из-за стола.

— Бездарный, — сказал Лонгер, когда Майкл уже скрылся из вагона-ресторана.

Я устала на мужчину с самым красноречивым выражением, на которое способно мое лицо.

— Простите?

— Мальчишке повезло родиться в нужной семье, — беззаботно сказал он. — Гроуз не делец, как его дед и отец, он — шут!

— Вам не нравится мистер Гроуз, потому что завидуете ему? — с некоторым раздражением в голосе спрашиваю я.

В маленьких глазах появился злой блеск.

— Я не могу завидовать такому человеку, — спокойно изрек он, у него получилось даже издать высокомерный смешок.

— Зачем вы мне об этом говорите?

— Мы просто разговариваем, миссис Стоун. В целом, мне все равно, о чем с вами говорить.

Моя злость начинает выходить из-под контроля.

— А вам не приходило в голову, что мистер Гроуз узнает обо всем, что вы говорите мне сейчас?

— В таком случае, мистер Гроуз не узнает ничего нового, — уверенно заявил Лонгер. — Мое мнение о нем ему известно и так.

Мои глаза заметно округлились.

«Какой же властью обладает этот человек?» — никак не могу я взять в толк.

— Ваше право на собственное мнение еще не обязывает меня выслушивать эту... мерзость. На сегодня, думаю, достаточно, — со злостью говорю я и поспешно поднимаюсь с места. По-моему, даже Майкл не был так резок в движениях, когда торопился по срочному делу.

Иду по узкому коридору и с холодком по коже ощущаю близкое присутствие Лонгера. Мои чувства меня не обманули. Пока я безуспешно пытаюсь открыть дверь в купе, Алан Лонгер подошел совсем близко и задумчиво бросил:

— Мистер Гроуз уступил вам свое купе?

В отличие от меня, мужчина без труда открывает дверь в собственное купе.

— Любопытно, — сказал он и вошел внутрь, тихонько прикрыв за собой дверь.

«Майкл Гроуз, хитрая ты лиса, уступил мне соседство с Лонгером!» — со злой усмешкой подумала я, и, когда дверь поддалась, захлопнула ее изнутри.

К полуночи машина существенно снижает скорость, стилпоезд ползет через высокогорные и опасные участки Ханди. Гроуз говорил о

семидесяти километрах, а мы движемся не выше сорока.

Вглядываюсь в широкое окно и благодаря свету фонаря с внешней стороны стилпоезда — того, что прямо над окном, — вижу рваные снежные островки, а дальше только тьма. Ночного неба совсем не видно.

Выхожу из купе, в коридоре проводника нет. Прохожу до конца вагона и в мутноватом дверном окошке вагона-ресторана вижу пассажиров первого класса: в коктейльных платьях и в вечерних костюмах, с бокалами в руках, они разговаривают и смеются. В вагоне курят все мужчины без исключения и только некоторые из женщин зажимают меж пальцев сигарету на длинном мундштуке.

— Здесь вечеринка? — спрашиваю я у проводника у дверей ресторана. Когда я к нему обратилась, тот сразу выпрямился и расправил плечи.

— Пассажиры отдыхают, мадам.

Когда я захотела войти в своих брюках и джемпере, мужчина выставил передо мной ладонь и вежливо произнес:

— После девяти часов только в платье, мадам.

Я согласно кивнула и сделала шаг назад.

— Почему мы так медленно едем? — прежде чем уйти, с некоторой тревожностью спрашиваю я у проводника.

— Из-за сложных погодных условий, мадам. Вам не о чем беспокоиться, снижение скорости — это мера дополнительной осторожности.

— Значит, стилпоезд придет с задержкой?

— Нет, — уверенно говорит проводник. — К утру стилпоезд наберет скорость. В Илсити прибудем вовремя.

Я призадумалась и опять согласно кивнула.

— Ни о чем не беспокойтесь, — опять повторил он.

Рассеянно поблагодарив мужчину, возвращаюсь в купе. Мне не удалось уснуть сразу, долго смотрю в темный потолок и думаю о той жизни, которая у меня когда-то была. Думаю о своих родителях, о друзьях и о том, что было в той жизни по-настоящему для меня важным или казалось важным... Вот так, под монотонные звуки машины и в тоскливых раздумьях я незаметно провалилась в сон.

Мне снилась моя квартира, в ней я сижу в кресле, уставившись в телевизор, а в ногах у меня мурлычет кот. Мой пушистый надменный

кот с подходящей ему кличкой Важный.

Над телевизором толстые тома юридической литературы в синих и красных переплетах. Книгами я не пользуюсь уже давно, но они все еще здесь.

В этом сне ничего не происходит. Как далекое воспоминание, забытое и простое, но именно сейчас бесконечно приятное. Я бы хотела побыть в нем еще немного, но...

Просыпаюсь прежде, чем понимаю тревожность момента, что заставил распахнуть глаза. Стилпоезд с гулким скрежетом опять вибрирует, но на этот раз вибрация в разы сильнее. Поднимаю упавшие на пол часы и вглядываюсь в белый циферблат: пять пятнадцать утра.

Вибрация пошла на убыль, пока не прекратилась совсем.

С тяжелым выдохом опять падаю на подушку. Попыталась прикрыть глаза, но спать мне больше не хотелось. Скидываю ноги на холодный пол и надеваю красное коктейльное платье на случай, если правило вагона-ресторана о вечерних нарядах все еще в силе.

Выхожу в коридор и тихонько прикрываю дверь своего купе. Проводник спит в квадратном кресле, прислонив подбородок к груди. Похрапывает.

Я свободно прошла через вагон первого класса и заглянула в мутное дверное стекло: вагон-ресторан пуст. Когда опустила золотую ручку, дверь оказалась не заперта, и я вошла внутрь. Здесь свежо и темно.

Потребовалось время, чтобы найти выключатели, и, когда зажегся свет, с любопытством уставилась на безупречный порядок вокруг, будто несколько часов назад не было никакой вечеринки. Все прибрано и чисто, даже в пепельницы заглянула — в них нет окурков. Окна приоткрыты.

Я бы с удовольствием выпила чаю, но в моем распоряжении только крепкие напитки. Беру в руки тяжелую бутылку с золотистой жидкостью.

«Увы, виски чай мне не заменит», — грустно подумала я и в тот же миг за спиной скрипнула дверь. Мгновенно обернулась.

— Здесь так не положено, — сказал Лонгер. Его взгляд уткнулся в бутылку виски в моих руках.

— У вас бессонница? — с некоторой осторожностью спрашиваю я. Наблюдаю, как мужчина неспешно подходит ближе.

— Меня разбудила вибрация, — сказал Лонгер. На нем белая рубашка, пиджака нет. — А потом услышал, как вы вышли из купе. Решил составить вам компанию.

— Звучит опасно, — призналась я.

Мужчина оценивает меня долгим взглядом и вдруг говорит:

— Красный вам к лицу, мисс Стоун.

— Миссис, — сразу поправила я. Спрятаться за статусом замужней женщины сейчас мне кажется как никогда уместным.

Мужчина подходит ближе и берет из моих рук бутылку виски. Удивительно, какая сила позволила мне оставаться вот так близко с ним и не сорваться, чтобы оказаться как можно дальше от него.

Алан Лонгер наполняет для себя бокал виски из той бутылки, что взял у меня.

— Упрекнули меня в несоблюдении правил, а сами не прочь их нарушать. Не яркий ли пример лицемерия, мистер Лонгер?

Мужчина тихо рассмеялся.

— А вы не знаете, когда остановиться, — ровным голосом констатирует он. Не сводит с меня прямого взгляда.

В этом взгляде столько чувства собственного превосходства!

С необъяснимым мне удовольствием Лонгер вдруг изрек:

— Вы не леди!

Меня сразу бросило в дрожь.

— Легче на поворотах, мистер Лонгер, — взгляд мой сверкнул, но голос предательски дрогнул.

— Сколько вы стоите? — вдруг спрашивает он.

Я потрясена настолько, что челюсть хорошо упала вниз!

— Что бы ни предложил вам Хэнтон, я дам гораздо больше, — уверенно говорит он.

Во мне молниеносно поднимается гнев.

— Наглядно покажу, чего стою, мерзавец! — зло процедила я. Безрассудная и ослепленная яростью, подняла ладонь, чтобы нанести обидчику в ответ жгучую пощечину. Но рука моя застыла в воздухе, а спустя мгновение пощечину получила я. Падаю на диван и пальцами касаюсь своего лица, на котором чувствую горячую вязкую кровь.

— Мне жаль, миссис Стоун... — без тени подлинного сожаления говорит Лонгер. Он скорее недоволен досадной случайностью, что кольцо на указательном пальце оказалось перекручено камнем вниз, во внутреннюю сторону его ладони, коей он нанес мне удар.

Пока Лонгер поправляет кольцо, я со злостью смотрю на мужчину и не могу взять в толк, откуда в этом на вид слабом человеке столько силы?

Или слаба все же я?

Ох, Анна, в каких условиях тебе довелось жить...

Мои мысли прервал предложенный Лонгером бокал золотистого виски. Я никак не реагирую на этот жест и мужчина ставит бокал на стол, рядом со мной.

— Ваш гнев бесподобен, — неторопливо произнес он. Мужчина повернулся ко мне спиной, устремив свой взгляд к окну.

Мое дыхание становится тяжелым. Прямо сейчас я чувствую страх, гнев и отчаяние. Гнева больше.

Поднимаюсь с дивана, беру бокал с виски и когда мужчина обернулся ко мне, плеснула содержимое ему прямо в глаза. Лонгер завопил, прижав ладони к лицу.

— Стерва! — прорычал он. Ослепленный, шарахается из стороны в сторону. Вокруг него падают столики-подставки, пепельницы на высокой ножке и даже перевернулось кресло. Пройти через Лонгера невозможно.

Я бегу к противоположной двери, выбираюсь в вагон второго класса и тороплюсь по коридору.

Проводников нигде нет.

Уже в вагоне эконом-класса распахиваю дверь в уборную и закрываюсь там.

Отдышавшись, перевожу взгляд на зеркало. Увидела на скуле неглубокий порез; взгляд мгновенно становится более мрачным, чем был до этого.

— Этот мир нездоров! — зло выдохнула я.

Только затянулись прежние раны, как на моем теле появились новые.

Кручу кран над раковиной и смываю с лица кровоподтек.

Стук. Стук.

Я сразу замерла. Прислушиваюсь.

Стук. Стук. Стук.

Звук, похожий на глухие удары с внешней стороны стилпоезда, стал чаще и громче.

Ногами встаю на небольшой выступ у стены и вытягиваюсь к маленькому окошку под самым потолком. Выглядываю и вижу, как под ярким светом внешнего фонаря крупные комья снега упрямой снежной массой шарахаются о стальной борт стилпоезда.

Машина опять сильно завибрировала, и раздался скрежет.

Я сразу спрыгнула на твердый пол и вынырнула из своего укрытия в коридор. С замиранием сердца вжалась в стену.

На этот раз вибрация оказалась очень сильной и несколько человек в ночных халатах вышли из своих купе, чтобы разобраться, в чем дело.

— Что происходит? — спрашивает один.

— Не знаю, — отвечает другой.

Откуда-то слышу, что Майкл Гроуз должен быть где-то в конце вагона. Его там видели. Я сразу направляюсь к нему.

Быстрым шагом иду по узкому коридору, сонных и удивленных лиц становится больше.

Удары о борт стилпоезда раздаются сильнее, и машина затряслась. Держусь за стены, чтобы сохранить равновесие, и едва не лишилась чувств, когда поезд вдруг легонько накренился вбок. Страшный скрежет механизмов прорезал слух, а спустя еще мгновение стилпоезд с шумом встал обратно на стилполотно.

Машина едва не перевернулась.

Ситуация несомненно выходит из-под контроля. Началась паника.

Мужчины и женщины выбегают из своих купе, заполонив собой узкий коридор. Кое-кто тащит за собой чемодан.

С глазами полными ужаса мужчина растолкал людей и устремился к первым вагонам. Я тоже не устояла: быстро восстановив вертикальное положение, пробираюсь в конец вагона.

Все происходит слишком быстро!

— Майкл! — вбегаю в багажное отделение и преодолеваю препятствие из дорожных сумок на полу. Сумки и большие чемоданы продолжают падать с полок. — Майкл, как далеко ближайший туннель?

— Что?

Гроуз крепко встревожен и...

«Он пьян! — вдруг понимаю я. — Он не знает, что происходит... и пытается найти ответ здесь, откуда идет самая сильная вибрация».

— Майкл, на нас может обрушиться лавина. Надо уходить в головной вагон!

Глухие удары становятся интенсивнее, а вибрация возросла настолько, что я едва не повисла на боковых поручнях, чтобы устоять на ногах.

Стилпоезд сильно накренился вбок, в сторону пропасти.

Тревога на лице мужчины сменилась испугом.

В обыденной жизни лавина — просто лавина, но когда разрушительная снежная масса мчится по твою душу, это слово обретает совсем иной смысл, наиболее личный и страшный.

— Туннель? — с ужасом сопряженным надеждой выдыхаю я, но Майкл меня будто не слышит. Мужчина замер, на висках выступила влага. Шум стремительно надвигающейся высокогорной угрозы заставляет холодеть от ужаса.

— Держитесь, Анна, — обреченно выдохнул Гроуз, когда звук превратился в оглушительный грохот, предвестника неминуемой катастрофы.

В одно мгновение ноги оторвались от пола и меня приложило спиной к потолку. После наступила темнота.

Глава 13

Холодно, как если бы эта мрачная старуха Смерть выдыхала мне прямо в лицо. Не чувствую конечностей, а кровь в жилах будто обратилась в лед. Не понимаю, я жива или мертва?

— Анна!

Приоткрываю тяжелые веки. Не почудилось ли мне?

— Анна Стоун! — откуда-то издали проорал Майкл.

С трудом поднимаюсь на локтях, ощущая боль во всем теле. Смерть сведет счеты позже, а пока я жива.

Глаза быстро бегают из стороны в сторону, но в полумраке раннего утра мало что удастся разглядеть.

— Майкл, — едва шевеля губами, зову я. Встала на колени, обняв себя онемевшими от холода руками, и уже кричу:

— Майкл!

— Анна! Где вы?!

— Здесь! — зубы стучат от холода. — Я здесь...

На покрытой льдом каменистой возвышенности вижу нечеткий силуэт мужчины. Майкл спускается ко мне поспешно и достаточно неуклюже.

Мои зубы стучат от холода, тело содрогается от безжалостного мороза и ветра. С силой сжимаю губы, отказываясь выпускать изо рта бесценное тепло.

— Какое счастье! — Майкл хватается за оба плеча. Оглядывается, поднимает первую же вещь из снега и накидывает мне ее на плечи. Другого варианта просто нет. — Вы в порядке?

Выдаю положительный кивок, и мужчина помогает встать на ноги. Когда посмотрела на его лицо, ахнула:

— Господи, М... Майкл, а вы... вы как? — с тревогой смотрю на разбитый висок на лице мужчины — бордовая кровь стекла до самой груди.

— В порядке, — с безразличием бросил он.

Под ногами распахнуты искореженные чемоданы пассажиров. К нашему счастью, среди платков и белья нашлась теплая одежда вплоть до тулупов. Майкл подает мне в руки один из таких тулупов, и я,

дрожащая от холода, укутываюсь в жесткую материю, надеваю холодные дамские брюки и носком ныряю в мужские сапоги.

Майкл тоже облачился во все теплое. На нем больше не видно ни смокинга, ни бабочки, теперь он похож на работягу в широких сапогах.

— Снесло один только багажный вагон, — сказал Гроуз. Сквозь пелену снега мужчина смотрит вверх и указывает на выступ.

Стилпоезд сохранил устойчивость, но хвост, кособокий, стоит у самой пропасти.

Багажный вагон рухнул на каменные заледеневшие глыбы. С рваной крышей вагон как открытая консервная банка — на искореженном металле повисли аксессуары гардероба.

Мне трудно представить, как мое бедное тело проваливается сквозь рваную крышу и скатывается по холодному снегу вниз, к самой пропасти.

— Нам повезло, — изучив место, заключил Майкл. — Лавина ушла вбок благодаря камням... — подразумевает Майкл глубокую неровность в рельефе склона. Смотрим вниз.

Нам действительно повезло.

— Когда придет помощь? — нетерпеливо спрашиваю я.

Майкл отступает от пропасти и за руку уводит от нее меня.

— Движение через Ханди возможно только ночью, в низкие температуры, — глубоко выдохнул Гроуз. Я взглянула на часы — мелкий циферблат на запястье вот-вот покажет семь утра. — Помощь пойдет от Илсити, но даже они доберутся до нас в лучшем случае к полуночи.

— В лучшем случае? — ахнула я. — Майкл, мы сможем пережить день, но не ночь! К полуночи замерзнем насмерть.

По тревожному выражению его лица понимаю, что мужчина со мной согласен. Запрокидывает голову и опять смотрит вверх.

— В лоб к стилпоезду нам не подняться, но мы можем обогнуть перевал, — озираясь по сторонам, предлагаю я. Холодный ветер с мелкими крапинками снега больно бьет по лицу. — Выйдем на пути и дойдем до стилпоезда.

— Чтобы обогнуть перевал, придется спуститься вниз, и только богу известно, сколько потом предстоит подниматься вверх. Вы осилите такой путь? — спрашивает Гроуз.

— Я предложила его.

В глазах мужчины очевидный скепсис. Он совершенно не верит в мои силы. Если быть честной, я тоже не слишком верю в физические способности Анны...

Но есть и хорошая новость. Я приблизительно знаю, с чем придется столкнуться в этом путешествии и морально готова к этому — готова настолько, насколько это вообще возможно при нынешних обстоятельствах.

— Может, разумнее дождаться помощи? — предлагает Гроуз, опять уставившись вверх.

— Ждете, что они нам веревку сбросят? — начинаю злиться я, ведь до стилпоезда по меньшей мере двести метров!

— В носовой части моторного вагона есть лебедка, — задумался Гроуз и мрачно добавил:

— Но ее длины, боюсь, будет недостаточно.

— Майкл, давайте о вещах реальных, — с глубоким выдохом уже спокойнее говорю я. — Вверх путь закрыт. Помощи нам едва ли удастся дождаться, если останемся здесь. Единственный путь — идти в обход.

— Хорошо, — сразу и без энтузиазма согласился Майкл.

— Да?

— Да, сделаем это, — мужчина хотел, чтобы его голос звучал уверенно, но вышло совершенно наоборот.

— Где ваш дух авантюризма, друг мой? — в стиле Майкла оптимистично говорю я и даже пытаюсь улыбнуться.

— Остался в стилпоезде, рядом с камином и бренди, — с прежним выражением лица, ответил Майкл.

Наш путь лежит через глубокий снежный перевал. Ветер пронизывающий, морозит, бьет и обдувает и мы замотали наши лица шарфом так, что остались видны только глаза. Мы пробираемся по крутому спуску вниз, в обход каменистого покрытого гладким льдом рельефа. По-другому не пройти.

Так проходят минуты и часы.

Кода запрокинула голову, обнаружила, что солнце уже высоко в небе, а значит, наступил полдень. Еды нет, а воду заменяет снег. От такого питья жажда становится только сильнее.

Когда появился удобный выступ, Майкл сразу упал на снег. Мужчина тяжело дышит. Снимает шарф с лица и спрашивает:

— Как ты?

Обращение Майкла на «ты» мгновенно прорезало слух. В таких условиях и вправду формальности совсем не нужны.

— Нормально, — храбрюсь я. На деле тело ноет и стонет от непривычно-изнуряющей нагрузки. Голова гудит.

— Предлагаю пари, — вдруг говорю я, уставившись на невероятный снежный простор.

Расслышав странный приглушенный звук откуда-то сверху, сразу понимаю, что это смеется Майкл.

— Я пью виски, а ты бренди. Тот, кто осилит бутылку первым, победит.

Майкл продолжает смеяться, теперь его смех слышится мне более привычным и живым.

— Какова награда? — весело спрашивает он.

— Проигравший займет купе, то, что по соседству с Лонгером.

— Ну а для меня какой интерес? — спрашивает Гроуз. — Я ведь не занимаю это купе.

— Выиграю я — ты возвращаешься в свое купе. Выиграешь ты — на встрече с репортерами я не расскажу о горьких слезах на твоём мужественном лице.

— Что?! — завопил Майкл.

— По рукам?

— Анна, ты грязная...

— Ты не лучше, Майкл! — отрезала я. Поднимаю глаза на мужчину. — Ты уступил мне соседство с Лонгером. Так не поступает джентльмен.

С претензией смотрю на него, а он смотрит на меня. Медленно-медленно на губах Майкла растянулась виноватая и в то же время понимающая улыбка.

— Я не знал, что уступив леди лучшее купе, создаю для нее проблемы. Я бы и без спора поменялся с тобой, — сказал он. Улыбка стала гаснуть, и Майкл очень серьезно спросил:

— Откуда у тебя порез на лице?

— Ерунда, — отмахнулась я и сразу отвернулась.

— Он был на твоём лице еще до крушения. Что произошло?

С глубоким выдохом тихонько говорю:

— Падают не обязательно с вагоном стилпоезда.

Майкл не стал настаивать, за что его мысленно благодарю. В таких непростых обстоятельствах лучше не нагнетать. К тому же если Хэнтон или Майкл вдруг вступятся за меня перед Лонгером, то наверняка в ущерб себе. А мне бы этого не хотелось.

— Ты готова идти? — спрашивает Майкл.

— Да, — выдавила я из себя ответ.

За час нам удалось обогнуть горную возвышенность. Ветер здесь тише и снег больше не идет, но меня тихо ужасает мысль, что теперь нам предстоит карабкаться вверх по склону в сорок пять градусов. Задача непростая, но мысли о тепле, еде и виски должны прибавить сил.

Майкл поднимается первым, пробивая сапогами, обернутыми в дубовую уже ткань, снежную тропу вверх. Мне приходится проще, но нести на себе тяжелый тулуп — все равно изнуряющая работа.

Силы уходят быстро.

Рукой упираюсь в крутой склон и озираюсь на природное величие. Вдалеке снежные пушистые ели местами резко меняются на голые и корявые обледеневшие деревья. На этой высоте горизонт с множеством горных вершин как на ладони.

Очень далеко вижу ледяное озеро, своей формой напоминающее взмах крыльев бабочки. Оно почти целиком предстало перед нами, только малой частью скрываясь за выступами гор.

Какой покой!

Ни края, ни границ. Полная свобода.

— Неплохо, да? — замороженно выдохнул Майкл.

— Да, — так же замороженно отвечаю я. Не сразу, но перевожу взгляд на мужчину и спрашиваю:

— Ты как, держишься? — подразумеваю я его тяжелую долю пробивать снежную тропу наверх. Сама знаю, как это непросто.

— О чем ты? — усмехнулся Майкл. — Лучшее приключение в жизни!

Я улыбнулась ему.

Беззвучно взмахивая крыльями, с горы спланировала большая птица и, заметив нас, резко спикировала к хвойным деревьям.

Мне вдруг безумно захотелось тоже обладать крыльями...

Снег давно кончился. Под лучами согревающего солнца на нас дует легкий ветер. Но долго это не продлится. Еще несколько часов, и начнут приближаться холода.

Ползем дальше.

Цепляюсь тонкими перчатками за снежную корку, ногами упираюсь во все еще рыхлый снег по следам Майкла. Приходится бороться с желанием сбросить с себя тулуп.

Как жаль, что среди пассажиров не нашлось любителей туризма, я бы не отказалась от походных палок и снегоступов.

Оглядываюсь, за нами словно из белой бездны тянется протоптанная снежная цепочка. В свою очередь Майкл тревожно оглядывается на меня. Он боится того мига, когда я вдруг забьюсь в истерику и решу, что больше не могу идти дальше и сяду в снег. Но ему не нужно беспокоиться обо мне.

Когда я предложила Майклу обойти перевал, я знала, о чем говорю, и примерно представляла с какими трудностями предстоит столкнуться. Морально я была готова к этому, хотя физическая слабость Анны сильно волновала меня.

По силам ли окажется такой путь?

Уже позади большая часть дня — очевидно, я справляюсь.

В конце концов, важная часть моей жизни, той, что была в другой реальности, принадлежит покорению горных вершин. Неужто меня одолеет эта?

Майкл тревожится за меня, а мне тревожно за Майкла. Мужчина не теряет самообладания, но глупо не принимать в расчет очень важное обстоятельство — Гроуз никогда не оказывался в условиях, подобных этим. Сколько бы он ни храбрился и ни улыбался мне, я могу представить, как ему может быть сейчас тяжело.

— Пройдем лучше там, — Майкл указывает на деревья в стороне, недалеко от нас. — Так мы несколько увеличим путь, но он будет проще.

— Согласна, — не задумываясь, говорю я. Подниматься по крутому склону в лоб скоро не останется ни сил, ни воли.

Держать путь, цепляясь за шероховатые стволы деревьев гораздо удобнее, чем пробираться через лысую снежную пелену безо всякого снаряжения. Досадное неудобство — ветки, цепляются за одежду и волосы.

Майкл подает руку, и с его помощью я карабкаюсь на снежный выступ, а за ним — на еще один и еще.

Мы двинулись дальше в гору и спустя час упорного карабканья вверх достигли цели.

Увидав железное полотно, по которому еще ночью прошел стилпоезд, я пришла в такой восторг, как если бы нашла клад несметных сокровищ. Смеюсь как безумная!

Я легла на твердые неровности путей и с глупой улыбкой на лице посмотрела в небо. Прикрыла глаза, стало спокойно и хорошо — так было до того момента, пока передо мной не возникла тень. Тяжелые веки приоткрылись.

— Поднимайся, Анна Стоун, — с обворожительной улыбкой на лице Гроуз подает мне руку. — Нам еще предстоит путь к стилпоезду, а коротким он быть не обещает.

— А ты умеешь подбодрить... — нахмурившись, мрачно изрекла я. Через силу поднимаюсь на ноги.

Стальное полотно тянется вдоль плотного леса. На макушках елей лежит снег, под стволами деревьев все вокруг усыпано шишками.

Мы идем быстро, но еще быстрее золотистые хвойные макушки покрываются тревожным сумраком.

Когда мы вышли к свободному от деревьев простору, перед глазами открылся потрясающий вид на горный хребет на закате еще оранжевого солнца.

— Пошла бы хоть на край света, — говорю я, как о далекой мечте. Майкл дружелюбно усмехнулся.

— Поразительная Анна Стоун, даже сейчас, когда мы проходим через такое... как ты можешь говорить так?

— Мы прошли через крушение, Майкл, а я говорю о путешествии, где есть подходящая одежда, еда и время. Возможность.

Солнце стремительно уходит за горизонт, на долину опускаются мрачные тени и колючий мороз вступает в свои права. Весь путь мы идем достаточно быстро, а с наступлением темноты едва не перешли на бег. Подгоняют не только опустившаяся тьма и мороз: страх — лучшая мотивация, страх, что стилпоезд отправится в путь без нас; страх, что из темноты леса выпрыгнет страшный зверь; страх, что мы замерзнем здесь насмерть. Голод тоже неслабо мотивирует на подвиг.

На крошечном циферблате моих наручных часов скоро наступит вторник.

Майкл вдруг замер. Не говоря ни слова, показывает на едва уловимый свет вдалеке.

Стоим, полностью отрешенные от мрака мира вокруг нас, уставившись только в одну светлую точку далеко впереди. Быть может, мы видим то, к чему так долго шли?

Идем быстрее прежнего, вдохновленные фантазией о тепле, еде и отдыхе.

Мы вышли из леса и подошли вплотную к бездне под своими ногами. Шестнадцать часов назад мы были на десятки метров ниже этого уровня!

— Это он! Это он! — завопил Майкл, указывая на многотонную синюю машину впереди. Вдоль длинной гусеницы горят все фонари.

Гроуз и я осторожно продолжили путь по стальной дороге. Ветер пронизывающий, холодный, короткими, но сильными порывами угрожает столкнуть нас с дороги в пропасть перевала.

Судя по последствиям, лавина не имела разрушительной силы, ключевую роль в катастрофе сыграли обстоятельства: открытый участок дороги, где снежный порыв снял с путей целый вагон, которому некуда было деться, кроме как провалиться в пропасть с претензией утянуть за собой весь состав, если бы не разорвало автосцепку.

— Стилпоезд в сносном состоянии, — хлопнув синего гиганта по стальному брюху, заключил Гроуз. — Тебя, старина, быстро вернут на полотно.

Майкл подает мне руку и, ступив на лесенку-подножку, я ныряю в вагон. Стянув с себя тулуп, бросаю его под ноги и иду прямо по коридору.

— Мэм, — встретился мне на пути седовласый пассажир. Пожилой мужчина тревожно всматривается в мое лицо. Вскинул брови и осторожно спросил:

— Вы миссис Стоун?

— А я Майкл Гроуз, — тоже скидывает себя тулуп.

— Бог ты мой, — заволновался мужчина. — Только что за вас зажгли свечу.

— В таком случае ее надо скорее затушить, — бросил Майкл и проходит вперед.

Я тороплюсь за Гроузом.

Майкл эффектно воплотил в жизнь свое намерение. Мужчина ворвался в вагон-ресторан, и, как призрак, на глазах собравшихся задул свечу. У мужчин и женщин вокруг потрясенные и даже напуганные лица. Потрясение сменилось удивлением. Стали появляться волнительные улыбки.

— Это Майкл Гроуз? — зашептались вокруг.

Нам немедленно предоставили места у камина, налили лучший виски и вопреки правилам вагона-ресторана позволили отужинать не в платье и в смокинге.

Сытая, я с удовольствием вытянула ноги к огню камина — грею их. С бокалом крепкого напитка жизнь теперь кажется раем.

От Майкла незамедлительно потребовали историю, и мужчина охотно ею делится, по многу раз нахваливая мои терпение и выдержку. Хорошо, что я сижу у камина и незначительные изменения цвета моего лица запросто можно поставить в вину исходящему от камина жару.

Среди любопытных глаз замечаю спокойный взгляд Алана Лонгера. Человек в черном смокинге остается в тени, придерживая в руках бокал с бренди. В его глазах нет гнева, восхищения или сочувствия, только спокойный, ничего не выражающий взгляд.

Я устала, причем настолько, что не способна даже бояться.

— Я осмотрел стилпоезд: нос ушел в туннель, а последний вагон сошел со стального полотна, — тихонько говорит мне Майкл, когда мы остались наедине. — Через пару часов прибудет локомотив, оставит команду и сразу вернется в Илсити. Ты могла бы уехать прежде, чем стилпоезд поставят на путь.

— Это было бы великолепно, — сразу соглашаюсь я.

— Тогда подготовь вещи. Я помню, у тебя их на удивление немного. Когда придет локомотив, провожу тебя, но... — задумался Майкл. — Возможно, за меня это сделает проводник.

— Хорошо.

Часы на столике показывают два часа ночи. Умытая и в чистой одежде, я села на свежую постель.

За окном посыпался снег, а на стекле появился узор. Воображение тут же рисует страшную картину, где я и Майкл в холоде и темноте все

еще бредем по стальным путям в поисках стилпоезда. Поежилась от безрадостной картины возможного сценария нашего путешествия.

«Все позади» — напомнила я себе. Устало выдохнув, закидываю ноги на кровать и укрываюсь одеялом.

В газетном ларьке вокзала Илсити новость о крушении стилпоезда в горах Ханди на первых полосах местных изданий.

Технологии будущего придется непросто. Новый стилпоезд потерпел крушение в первый же свой рейс — слишком сильный удар по репутации компании.

Пресса, почуяв сенсацию, забурлила.

Публика тоже.

На вокзале в Илсити газету в руках не держит только ленивый. Люди как будто сошли с ума, и другая жизнь вокруг них перестала существовать. Отовсюду только и говорят о крушении в горах Ханди и перешептываются о небезопасности стилпоездов.

Подслушав некоторые разговоры, я поняла, что пресса выдумала сенсацию о возможных смертях в результате крушения...

Может, пресса предполагала Майкла и меня?

Я не задержалась в Илсити. Спустя два часа после прибытия в солнечный город я поднимаюсь на золотистый стилпоезд до Данфорда.

Заняла место в купе, его со мной разделили еще трое. Здесь тоже говорят о крушении стилпоезда, и я тоскливо посмотрела в окно.

Почти двое суток занял путь от Юдеско к Илсити, это включая пешую прогулку по горам в компании Гроуза. Три часа до Данфорда в нынешних условиях — ерунда.

Всю дорогу я размышляю о событиях прошедших дней.

Любопытно, Джон знает о том, что случилось?

Какой глупый вопрос, конечно, он знает! Благодаря всезнающей прессе эта новость просочится куда угодно, даже в крошечный Бертрек.

В деловую столицу стилпоезд прибыл к вечеру будней среды, выхожу из него совершенно разбитая. Одежда на мне пропитана специфическим запахом купе и тех, кто разделил его вместе со мной.

С тяжелым рассудком иду через вокзал западного Данфорда. В ряд стоят десятки стилпоездов, торопятся люди, те, у кого времени больше, читают газеты. После насыщенных событий последних дней отчетливо чувствую пропасть, которая отделяет меня от них. Мужчины

и женщины, хорошо одетые, погруженные в дела своего ограниченного мира, совершенно не подозревают, какими событиями их может потрясти жизнь.

Я чувствую жар, а в теле сильнейшее напряжение. У меня подрагивают коленки и каждый шаг мне дается с трудом. Я не больна, но бедное тело переживает сильнейший стресс. Мне нужен отдых, мне необходим сон в удобной и теплой постели!

К дому с круглыми фонарями у входа меня привезла машина такси. Пока я прохожу через парадные двери, поднимаюсь на лифте и ключом отпираю дверь, совершенно уверена, что, переступив порог квартиры, сразу упаду без чувств. Но этого не произошло.

Оказавшись внутри, прижимаюсь спиной к двери, неторопливым взглядом осматриваясь вокруг. Так странно возвращаться в квартиру Джона, ведь кажется, будто прошла уже целая вечность с того дня, как я собрала немного вещей и на самолете Хэнтон отправилась в Юдеско.

Я проспала почти сутки. С чашкой кофе в руках смотрю в окна на солнечный Данфорд, на людную улицу осыпается редкий снег.

Обратив внимание на яркую мигающую лампочку на автоответчике, выжимаю кнопку и слушаю сообщение, оставленное Хэнтоном еще несколько дней назад. Мужчина намерен встретиться со мной сразу же по возвращении в Данфорд. В решительном голосе слышится тревога.

На моем лице растянулась глуповатая улыбка. Мысль, что Джон Хэнтон беспокоится обо мне, бесконечно приятна.

Из вещей извлекла три чека на общую сумму шестьсот тысяч. Я не могу таскать их с собой, я не могу так опрометчиво надеяться, что если оставлю их при себе, то с ними ничего не случится. Тем более вид у них уже потрепанный.

Вот что точно оттягивать не стоит, так это решение вопроса, как хранить эти деньги. Впрочем, ответ очевиден: деньгам место в банке.

К тому же нужно обналечить немного средств хотя бы для того, чтобы купить себе новую одежду.

Утвердившись в решении, на такси я сразу отправилась в банк Данфорда. Высокое серое здание на Первой центральной улице с колоннами у входа — так выглядит банк. Над входом золотые строчки: «Центральный банк Данфорд. Основан в 1617 году».

В банке очень тихо. Посетители терпеливо ждут своей очереди на местах ожидания, а служащие сосредоточено заняты делом. Все служащие — мужчины, каждый из них в рубашке и галстук.

Это место — образец порядка и дисциплины.

На стойке администрации мне помогли найти кабинет нужного служащего. Отстояв очередь из семи человек, вхожу.

Молодой мужчина с круглым лицом и очень важным видом, не взглянув на меня, велел присаживаться. Когда закончил работу с бумагами и разложил их по местам, наконец обратил на меня свой взгляд.

— Чем могу помочь? — спросил он, скрепив пальцы в плотный замок. Улыбнулся.

Я изложила ему суть вопроса, он принял от меня три чека. Сделал записи в журналах, на некоторых бланках шлепнул печать. Протянул мне расписку для кассы, теперь я могу обналичить часть денег.

— Это все? — удивилась я оперативности выполненной работы служащего, в то время как до этого ожидала своей очереди больше трех часов.

— А вам требуется что-то еще?

— Нет.

— Тогда... — странно улыбнулся он, слегка разведя запястья в стороны. — Это все.

На улицах Данфорда в газетном ларьке мое внимание привлекла бульварная пресса. Покупаю один такой журнал и читаю статью.

На этот раз не пишут о крушении стилпоезда, это провокационная статья на Майкла Гроуза на предмет его пребывания в багажном вагоне с одной из пассажирок в поздний час. Мое имя в статье прямо не упоминается. Я сразу купила еще два издания, суть изложенного в них та же. Имени моего нет — полегчало.

В дверь квартиры постучали около восьми вечера, я открыла ее, и Джон Хэнтон одним большим шагом переступил порог.

У меня сердце замерло, когда увидела его строгое и немного напряженное лицо. Сама делаю к мужчине шаг вперед и вопреки всему, что говорила раньше, губами примкнула к его губам. Поцелуй сразу становится настойчивым и мне стоит невероятных усилий одуматься и отлепить свои губы от его.

По-прежнему остаюсь в его объятиях, чувствуя на лице его дыхание.

— Опять тебе досталось, — с мрачной иронией выдохнул Хэнтон и подушечками пальцев провел по лицу, совсем рядом с линией пореза.

Сердце стало биться чаще. Запылали щеки.

С очевидной неохотой и некоторым упрямством восстанавливаю между нами дистанцию. Мужчина смотрит на меня, а я виновато смотрю на него.

— Знаешь, идея запереть тебя в квартире мне больше не кажется плохой, — вдруг сказал Хэнтон.

Смотрю с замешательством, а на лице мужчины появилась улыбка.

Что-то в его голосе заставляет верить, что шутка не такая уж и шутка вовсе.

Глава 14

Странно возвращаться в это мрачное место. Зловещая вывеска «Психиатрическая больница Данфорд» одним своим смыслом несет жутковатое предостережение.

— Не могу поверить, что делаю это, — мрачно шепчу я и поднимаюсь по широким ступеням больницы. Ноги отчаянно противятся входить в эти двери, мозг как в лихорадке поднимает воспоминания о том, что со мной было за этими стенами. Несмотря ни на что, я все равно делаю это.

Так надо сделать.

Скрипнула дверь, и я вхожу в холл больницы. На пути к регистратуре каждый мой шаг сопровождается громким звуком удара каблука о холодный бетонный пол.

Некогда я вышла из больницы лохматой девчонкой в зеленом платье. Теперь я здесь в синем элегантном платье, с аккуратно уложенными волосами — все по моде, волосок к волоску. Меня даже можно не узнать вот так сразу, впрочем, чего и добивалась.

— Чем могу помочь? — раздался голос с регистратуры. Полная женщина с безразличным взглядом маленьких глазок уставилась на меня, а я, не скрывая своей неприязни, смотрю на нее.

Ненавижу это лицо, как и большинство лиц в этой больнице.

— Анна Стоун.

Взгляд женщины стал хмурым, оценивающим. Она знает это имя.

— К Еве Нельсон, — с прохладой в голосе добавила я.

Пока женщина неторопливо заполняет бумаги, я надолго уставилась на блестящую зеленую мишуру, намотанную вокруг ее медицинской шапочки — единственный атрибут новогоднего настроения в этом зале.

Выглядит странно.

Такое чувство, что администрация больницы обязала своих сотрудников подготовиться к праздникам, когда начнут приходить родственники пациентов. Эта женщина справилась вот так.

— Направо, — прогремела она, протянув мне пропуск. — Санитар проводит.

Мне предоставили белый халат, после чего проводили в комнату отдыха. Здесь стало уютно: в углу стоит высокая нарядная ель, а на окнах развешена зеленая мишура.

Ни пациентов, ни их родственников. Под ненавязчивым присмотром санитаря в комнате только я. Присела на зеленый диван, на котором так любит растянуться Ева, осматриваюсь.

К праздникам эту комнату сделали уютной и комфортной. Глаза видят приятную обстановку, но чувства не обманешь. Тоскливой ностальгии нет. В мыслях одно желание — поскорее уйти.

Я не сразу решилась ехать в больницу после того как Клайд Коллинс сообщил, что Ева Нельсон меня ждет. Я не могла себя заставить приехать сюда.

Думала оставить сообщение Джону, о том, куда направляюсь, но, пришлось оставить эту идею и пойти на риск.

Когда я нанимала Брюса Новака, одним из ключевых эпизодов нашей договоренности явилось условие, что Джеферсон ничего не узнает о Еве Нельсон и о моих делах с ней. Если узнает Джеферсон, узнает Хэнтон, а этому мужчине не понравится то, что я намереваюсь сделать.

Ева вошла в комнату отдыха привычной ленивой походкой. Синий шелковый пеньюар сменился на розовый кружевной, на ногах женщины — тапочки с кокетливым пушком на носике. В руке зажата пачка сигарет.

Ева улыбнулась мне, но улыбка на ее лице медленно стала гаснуть.

— У тебя все хорошо? — Ева тревожно смотрит на меня и присаживается рядом.

— Да, Ева.

У меня хмурый взгляд. На короткое время между нами возникла неловкость.

— Что ж... в целом, отлично выглядишь, — опять улыбается она мне.

— А вот ты не очень, — мрачно призналась я.

Улыбка женщины опять погасла. Она прислонилась к спинке дивана и поспешно закурила сигарету — у нее дрожат руки.

— Что нового? — спрашиваю я.

— У меня новый врач, Клайд Коллинс, — подносит к губам сигарету. Встретив мой, более чем прежде, хмурый взгляд, добавила:

— Заменяет, пока... он в отъезде.

Что значит «заменяет»?

Опять уставилась на женщину, на то, как она выглядит, и заболела голова. Неужели Ева ничего не понимает?

Склоняюсь к ней и низким злым голосом говорю:

— Клайд Коллинс — твой шанс выбраться отсюда, — прямо говорю ей я.

Женщина резко посмотрела на меня. На мгновение мне показалось, что сигарета вот-вот вывалится у нее из рук.

— Я не догадалась... — почти неслышно выдохнула она.

— Условие Коллинса — выписать здорового человека, — еще тише говорю ей я. — Сними с себя дешевый продажный образ и докажи доктору, что за тобой право выйти отсюда. А когда он это сделает, я обеспечу тебя квартирой и личным счетом, чтобы ты могла беспрепятственно покинуть это место.

Женщина нервно тушит сигарету, под силой ее пальцев она переломилась в нескольких местах.

— После познакомлю тебя с твоим юристом. Он поможет получить положенную тебе часть состояния мужа. Ты станешь богатой женщиной, и за эту услугу я потребую плату, — даю ей время осмыслить услышанное и твердо говорю:

— Услуга будет стоить очень дорого. Быть может, превысит половину твоего состояния.

Решительные сапфировые глаза вдруг сверкнули, ее подбородок взметнулся вверх.

— Все, что угодно, — уверенно заявила она.

Я побыла с Евой еще немного, а после мы попрощались одним только взглядом, без всяких слов.

Вернулась в регистратуру. С разрешения угрюмой женщины под звонкий стук собственных каблучков и в сопровождении санитаря поднялась к доктору Коллинсу.

— Прошу вас, проходите, — кивнул мне доктор Коллинс и жестом пригласил войти в свой кабинет.

Санитар прикрыл дверь и остался за дверью.

В этом маленьком кабинете ничто не изменилось: стол, стул, шкаф. Разве что рабочий стол нагружен бóльшим количеством бумаг и книг, чем было прежде.

Доктор предлагает мне садиться, но я отказываюсь.

— Этот стул — болезненное напоминание о том, кем я здесь была, — поясняю я. — Простите мое поведение, доктор Коллинс, но я не хочу даже отдаленно почувствовать себя пациентом снова.

— Хорошо, — с пониманием отозвался он и протянул мне в руки желтые листы. — Вы уже разговаривали с мисс Нельсон?

— Да, она сказала, что вы ее временный врач... — тревожно говорю я, опустив глаза к документам. На желтых листах подтверждение слов Евы.

Я в замешательстве.

— Главный врач и его заместитель отсутствуют до конца февраля. Если до этого времени я сочту Еву Нельсон здоровой, моей подписи будет достаточно, чтобы выписать ее, — спокойно сказал Клайд.

Очень хочу снять с глаз несуществующие очки и с раздражением убираю от лица руку.

— Хотите сказать, у Евы два месяца, чтобы убедить вас... — зло выдохнула я, осеклась и уже тише говорю:

— ... в своей адекватности?

— Этого более чем достаточно, — спокойным ровным голосом говорит мне Коллинс.

Мужчина невозмутимо смотрит на меня, а я недоверчиво смотрю на него.

Что мне еще остается?

— Будь по-вашему, — вынужденно соглашаюсь я.

Клайд Коллинс выполнил свою часть договоренности, пусть не так, как хотела я, но он это сделал. Теперь дело за мной. Встреча назначена не в этот день и вне стен психиатрической больницы, в противном случае для меня это было бы уже слишком.

В смешанных чувствах торжества и беспокойства наконец беспрепятственно ухожу.

С одной стороны, сделано главное: Ева — пациентка доктора Коллинса. С другой — меня сильно тревожат заявленные доктором сроки и то, как Ева бездарно потеряла две драгоценные недели, пока наблюдалась у него. Ее внешность и поведение... Боже!

Брюс Новак уже нанят, часть его гонорара — сто тысяч баллионов — выплачена. Если Ева Нельсон не выйдет из психиатрической больницы к февралю, значит ли это, что все мои вложения, риск и труд напрасны?

У ворот Центрального парка жду Клайда Коллинса уже десять минут. В который раз посматриваю на маленький циферблат своих наручных часов и злюсь, оттого что доктор опять опаздывает.

Хочется использовать это обстоятельство как повод, чтобы уйти. Все мое существо к этому порывается, но рассудок мгновенно отрезвляет, ведь пути назад уже нет. Если не сегодня, то в другой день с Клайдом Коллинсом все же придется встретиться, чтобы выполнить свою часть договоренности.

Мистер Коллинс появился на той стороне улицы перед входом в Центральный парк. Еще минута, и он будет здесь.

По мере приближения мужчины яростнее бьет тревогу внутренний голос, отвечающий за инстинкты самосохранения. Я все еще помню три незабываемых дня в больнице, и не дай бог угодить обратно!

— Здравствуйте, Виктория, — тепло приветствует меня Клайд, внимательно всматриваясь в мое лицо.

В миг, когда я услышала собственное имя, я мгновенно перестала чувствовать что-либо. Мои тревоги, страхи — от них вдруг не осталось и следа.

— Здравствуйте... — в замешательстве говорю я.

Идем бок о бок. Тру руки, как если бы они замерзли, хотя я в теплых варежках.

— Волнуетесь? — спрашивает Коллинс.

Искоса смотрю на мужчину и, подумав немного, говорю:

— Мне предстоит исповедь человеку, в чьих полномочиях вернуть меня в больницу, — на ходу рассуждаю я. — Я могу надеяться только на честность вашего слова.

— С вашими покровителями вам не понадобится даже честность моего слова, — спокойно заметил Коллинс.

Весомый аргумент, и все равно спокойно мне не стало. Прежде чем приступить к выполнению своей части договоренности, сперва хочу удовлетворить собственное любопытство и резко спрашиваю:

— Мистер Коллинс, когда я вышла из больницы, кто-нибудь спрашивал обо мне?

— Супруги Лоуренс и Томас Стоун.

— Что им сказали?

— Правду, — взгляд доктора встретился с моим. — Вас выписали. При вас жилье и средства.

— Они могут узнать адрес, тот, где я живу? — с надломленным голосом уточняю я.

— Нет. Во-первых, это незаконно, во-вторых, главврач держит ваши документы у себя в сейфе. Полагаю, это в его интересах.

— Хорошо.

— Если сумма ваших средств на счете по любой причине станет меньше ста тысяч баллионов, за вами придет социальная служба... — вдруг сказал Коллинс, а я резко остановилась и уставилась на него. — Думаю, вам следует об этом знать.

— За мной придет социальная служба и что потом?

— Вас привезут в дом мужа.

— Что? — потрясена я. — То есть независимо от моего желания?

По взгляду мужчины понимаю, что дела обстоят именно так.

Закружилась голова. В мыслях полная неразбериха.

В полдень выходного дня в парке много людей, особенно детей. Двое малышей пронеслись между мной и Коллинсом, а элегантная мать сдержанно потребовала от детей порядка, бегло спросив у нас извинений.

— Что вы хотите знать, мистер Коллинс? — рассеяно спрашиваю я.

Мужчина мельком взглянул на меня.

— Расскажите о себе.

Мой пульс участился, возникла волнительная дрожь.

— Моя история покажется невероятной, — мрачно сказала я. Собираюсь с мыслями и, устремив взгляд куда-то вперед, заговорила:

— Меня зовут Виктория. Мне двадцать семь лет. Отец — строитель, а мама учительница. Я единственный ребенок в семье...

Мы пришли к круглому озеру и поднялись в беседку рядом с ним. Над головой светит солнце, снег больше не идет. В преддверии рождества вокруг слышны только разговоры о праздничных приемах, покупках и подарках.

На вопрос Клайда Коллинса о том, как я стала Анной Стоун, я пожала плечами и спокойно ответила:

— В одно ничем не примечательное утро за чашкой кофе словно по щелчку пальцев неожиданно оказалась там, где меня быть совсем не должно. Это был чужой дом, чужая одежда, чужая жизнь, но мое лицо, — немного подумав, спрашиваю у мужчины:

— Возможно хоть немного поверить в мои слова?

— Я верю в то, что в это верите вы, — не задумываясь, отозвался Коллинс. Ответ получился уклончивым. — Что это за чувство, когда вдруг понимаешь, что новая жизнь тебе не принадлежит?

— Потрясение, конечно. Я не знала, что должна делать... — с осторожностью посмотрела на Коллинса. — Я усомнилась в здоровье собственного рассудка.

— Вы допускаете эту мысль сейчас хоть сколько-нибудь?

— Нет!

— Хорошо, — не настаивает Коллинс. — Насколько хорошо вы помните свою жизнь?

— Детство, школа, университет, работа. Я помню все, — уверенно говорю я.

— Воспоминания не кажутся в любой степени нелогичными, несвязными, нереальными?

С раздражением уставилась на невозмутимое лицо Коллинса.

— У вас есть своя семья, вы замужем? — опустил он предыдущий вопрос.

Чувствую неловкость.

— Нет, — выдохнула я.

Мне двадцать семь и я не замужем. Мама очень беспокоится по этому поводу, отец — не очень. Папе нравится, что я все еще падаю на соседнее кресло рядом с ним и болею за футбольную команду Красных быков.

Вот мама бы обрадовалась Анне Стоун. Послушная и одержимая идеей брака... Впрочем, ввиду того, что случилось с Анной, вряд ли это теперь возможно.

Мы спустились с беседки и вернулись на дорогу.

Мужчина спросил:

— Каково было увидеть не себя в отражении зеркала?

Я ответила не сразу. Мысленно ушла в тот самый день и неторопливо говорю:

— Это было мое лицо, но чужой образ, — объясняю я. — В отражении будто сестра-близнец, вроде бы одинаковые, но разница все же есть. Она, Анна Стоун... блондинка с невозможным макияжем на лице. Я никогда не носила одежду подобную той, что носит она. Когда я посмотрела на себя в зеркало, подумала, что это какая-то шутка.

— Было хоть какое-нибудь понимание о том, чье место ты заняла? — мужчина осекся. — Вы заняли...

— Нет. До тех пор, пока не нашла документы, даже имени ее не знала. Пришлось долго работать над тем, чтобы понять, кто такая Анна Стоун и попытаться хоть сколько-нибудь быть похожей на нее. Но, как сами знаете, у меня плохо получилось, — задумалась и неторопливо заговорила опять: — Я не просила жизнь Анны Стоун. Я не знаю, как так вышло, что я оказалась на ее месте. Я ничего не знаю.

Взгляд мужчины по-прежнему внимателен, но непроницаем. Я даже не догадываюсь, о чем он думает.

Когда мы вернулись к высоченным стальным воротам в Центральный парк, Коллинс заговорил очень серьезно:

— Виктория, возможно, я задам вам сложный вопрос, но прошу постараться дать на него честный ответ. Это важно.

Нерешительно даю положительный кивок.

— Если бы у вас была возможность вернуть Анне Стоун ее жизнь с понятными последствиями для себя самой, вы позволили бы этому случиться?

Когда я разомкнула губы, чтобы дать ответ, осознала, что не уверена в правдивости тех слов, которые собиралась говорить. Истина удивила даже меня саму.

Смотрю на Коллинса и решительно говорю:

— Если Анна найдет способ вернуть себе свою жизнь, я не воспрепятствую ей. Но... — громко выдохнула я, собралась с мыслями и продолжила:

— Но я не могу стоять на месте в ожидании, что Анна Стоун когда-нибудь вернется, а я обрету прежнюю жизнь. Я двигаюсь вперед и в ближайший год рассчитываю изменить все... Как только привычный образ жизни Анны Стоун прекратит свое существование, наступит жизнь, полноценно построенная мной, а это может оказаться

счастливая невероятная жизнь! Что ж, отказаться от нее добровольно я буду уже не согласна.

Взгляд у Клайда Коллинса внимательный и тяжелый.

— Разумеется, я не говорю о событиях, которые напрямую не зависят от нас с Анной. Если я исчезну по причинам, от меня не зависящим, что ж, пусть будет так.

— Жизнь Анны Стоун не сможет стать полноценно вашей, — говорит Коллинс. — У Анны Стоун есть семья и близкие. Этого не изменить.

— А я и не говорю о вещах постоянных. Образ жизни — это переменные, полученные в результате осознанного выбора: увлечения, круг общения, цели, задачи.

— Развод с мистером Стоуном станет переломным моментом? — вдруг понял он.

— Именно.

— А если получить развод не удастся, вы думали об этом?

— Все равно. Если процесс закончится ничем, что ж, никто не заставит меня оставаться с Томасом Стоуном под одной крышей. Ни социальная служба, ни Том, ни кто-либо еще. А вот бедная Анна, к сожалению... для ее воспитания и характера мой метод невозможен. Она будет терпеть до конца.

— Подождите, — Коллинс выставил руку вперед, призывая меня остановиться. — В браке Анны Стоун что-то не так?

Я задумалась, не зная толком, что ответить.

— Чем больше я узнаю о ее личной жизни, тем меньше верю в ее счастье, — смотрю в глаза Коллинса. — Анна попала в ловушку, из которой едва ли смогла бы выбраться сама. Сейчас у меня хватает решимости на то, на что у самой Анны никогда не хватило бы духу.

В мыслях вдруг появилась свадебная фотография Анны, где на ее лице улыбка подлинного счастья. Улыбка, которой никогда не было на моем лице, а я была счастливой. Теперь пытаюсь представить, как могла бы выглядеть эта жизнерадостная девушка в минуты, часы и дни отчаяния, пока никто не видит. Боюсь, Анна Стоун чувствовала то, чего никогда не чувствовала я — абсолютная безысходность.

— Намеренно не называете деталей, — констатирует Клайд Коллинс, а я выдаю утвердительный кивок и говорю:

— У вас будет возможность узнать обо всех подробностях на бракоразводном процессе Анны и Тома Стоун.

Мужчина с претензией смотрит на меня.

— У нас был уговор, что я рассказываю вам историю Виктории. Разве мы договаривались об Анне Стоун? — решительно напомнила я.

Клайд Коллинс недоволен. Справедливости ради, от временного перевода Евы Нельсон я тоже не в восторге.

— Знаю, мои рассуждения кажутся несколько эгоистичными, но, мистер Коллинс, одно поймите — я не краля ее жизнь. И раз уж я здесь... чего я точно не стану делать, так это стоять на месте и ждать, что чудо повторится опять. А если это все же когда-нибудь произойдет, что ж, Анна скажет спасибо за решение всех ее проблем.

Джон назначил мне встречу в ресторане «Мистраль».

Я вышла из такси, с любопытством оценив объемную бирюзовую вывеску над входом. Прошла через толстые двери в ресторан и сразу встала перед стойкой администрации.

Холл настолько узкий, что мимо человека за стойкой пройти нельзя, разве что перепрыгнуть через него.

— Как ваше имя, мадам? — очень вежливо спрашивает у меня человек в бирюзовом смокинге.

— Анна Стоун.

Мужчина со смешными черными усиками под носом легонько кивнул служащему в белом смокинге, тот сразу подошел ко мне и услужливо принял верхнюю одежду.

— Следуйте за мной, — сказал он.

Когда передо мной распахнулись двери, перед глазами предстал небольшой, но высокий, в два лестничных пролета, зал с купольной непрозрачной крышей. На потолке, по центру, свисает огромная хрустальная люстра — самая большая, которую я когда-либо видела в своей жизни.

Эта громадина должна быть очень тяжелой, и для меня остается неразрешимой загадкой, как она держится на потолке.

Тороплюсь вверх по лестнице за человеком в белом смокинге.

Стены вокруг бирюзовые, а под ногами белый мрамор.

Шик и изящество, вот что представляет собой привилегированный ресторан «Мистраль». Здесь бывают политики,

бизнесмены, банкиры, есть знаменитости. Среди немногочисленных гостей узнаю певицу Бое.

Попасть в ресторан «Мистраль» — все равно что попасть в закрытый клуб. Пропускной карточкой здесь может быть только популярное и влиятельное имя. Что здесь делаю я? Меня пригласил Джон Хэнтон, поэтому ведут меня исключительно к его столику, а присесть за любой другой мне не позволят.

Вдруг настал момент, когда в груди возникло странное волнительное чувство. Оно пришло внезапно, как торнадо ворвалось мне в самое сердце и закралось в мысли.

По ощущениям — будто сама душа узнает среди присутствующих душу, ей родственную. Волнение возросло. Мой взгляд пробежал по разным лицам, но я не вижу никого знакомого мне, кроме увлеченного газетой Джона Хэнтон.

— Миссис Стоун? — вежливо позвал человек в белом смокинге. В тот же самый миг на меня поднял глаза и сам Джон.

— Я иду... — тряхнув головой, рассеянно говорю я.

Человек в белом смокинге проводил меня до столика Хэнтон и теперь ждет заказ. Присев, не стала даже открывать меню, чай и фирменный десерт должны меня вполне устроить.

Быстро сделав запись в блокноте, человек в смокинге ушел.

Опять смотрю на Джона, у него серьезное лицо.

— Зачем ты меня позвал? — наконец спрашиваю я.

Взгляд серых глаз стал строже.

— Для начала, здравствуй, Анна, — сказал он тоном, требующим от меня ответной вежливости.

— Здравствуй, — сразу говорю я.

Хэнтон приподнимает газету вверх. Появился человек в белом смокинге — не тот, что приняла заказ, а другой, — взял из рук Джона ненужную прессу и ушел с ней.

— Стоун пытается найти тебя, — сказал Хэнтон, а я растерялась. С упреком добавил:

— Зачем ты открыла новый счет?

— Чеки, что получила в Юдеско... — с запинкой поясняю я. — Я хотела, чтобы эти деньги оставались только в моем распоряжении, поэтому мне понадобился счет, который не имел бы отношения даже к тебе.

— Что ж, дорогая, усилиями Стоуна этот счет заморожен, — сдвинув брови, проговорил он. А потом его взгляд уткнулся мне в руки. Тоненькая чайная ложка в моих пальцах мгновенно согнулась вдвое. Я не хотела этого, так получилось.

Почти пятьсот тысяч осталось на счету, и доступа у меня к ним нет. Такое чувство, будто на меня рухнул мир.

— Со счетом, что открыл для тебя Джеферсон, пока что все в порядке, — заявил Хэнтон. По выражению его лица вдруг понимаю, что открыть просто счет в банке... было очень большой ошибкой с моей стороны.

Ну почему я решила, что если счет открытый Хэнтоном на мое имя остался нетронутым Стоуном или кем-то еще, таковым останется и тот счет, что открыла я сама. Как наивно!

— Если с этим счетом все в порядке, значит, за мной не придет социальная служба? — надломленным голосом спрашиваю я.

— Нет, — сказал Джон, а я с облегчением выдохнула. — Но Стоун хочет получить контроль над всеми твоими банковскими счетами и уже обратился для этого в судебный комитет. Он намеревается вернуть тебя под свою опеку.

— Вернуть в Гринпарк.

— И раскрыть личность твоего покровителя, — особенно мрачно подытожил Джон. — В понедельник Патрик отправит твои документы на развод в судебный комитет. Оба процесса объединят в одно слушание.

Принесли чай и красный десерт. Я подняла фарфоровую чашку и сделала свой первый глоток.

Необычное эмоциональное послевкусие. Наконец дело с разводом движется и надо бы радоваться, но... ввиду мрачных обстоятельств не могу.

Рассудок как в тумане.

Не говоря ни слова, из внутреннего кармана серого пиджака Джон вынул маленькую черную коробочку. С некоторым удивлением слежу за его неторопливыми действиями. Когда коробочка легла на стол и Хэнтон подушечками пальцев придвинул ее ко мне, я сразу выпрямилась на стуле и уставилась на черный футляр у своих рук.

Мой взгляд метнулся к Джону и почти сразу вернулся к рукам.

С замиранием сердца медленно приподнимаю черную крышку — как ярко сверкают камни! От потрясения у меня приоткрылся рот.

Беру браслет в руки — бриллианты прямоугольной формы тянутся друг за другом сплошной нитью у меня на ладони. Их блеск яркий и чистый.

Это великолепное украшение!

Я словно воспарила в небо. Былое беспокойство ушло вмиг, а взамен возникло счастье.

Резко поднимаю глаза на Джона и вижу на любимом лице довольную улыбку. Этому мужчине определенно нравится то, что он видит.

— Позволь тебе помочь, — Хэнтон принял браслет из моих рук и застегнул его на моем запястье.

— Спасибо, Джон, — наконец изрекла я. Заглядывая в серую сталь его глаз, вижу там тепло.

Мне никто и никогда не дарил ничего подобного.

Рассматривая украшение на своем запястье, я понимаю, что хочу носить его всегда — тонкий, изысканный браслет согревает, прежде всего, не блеском бриллиантов, а теплым чувством понимания, от кого этот подарок.

Глава 15

С претензией Тома на мой личный счет в банке Данфорд моя жизнь стала сложнее, в ней появилось много беспокойства.

У меня нет возможности использовать собственные деньги, и теперь я вынуждена начинать с нуля. Что мне теперь делать с делом Евы Нельсон, на какие деньги снимать для нее квартиру и содержать ее процесс? План разваливается на глазах.

Есть и хорошие новости. Брюс Новак в телефонном разговоре смог порадовать меня успехами. Бывший супруг Евы — очень недалёковидный человек, ему не пришло в голову, что мисс Нельсон когда-нибудь сумеет покинуть стены больницы, поэтому он не стремился к конспирации личных активов и счетов. Мистер Новак получил все необходимое, чтобы вероятность победы Евы Нельсон на суде была очень высока.

В темном салоне такси в задумчивости поглаживаю гладкий камень бриллиантов на своем запястье. После разговора с Новаком мне вдруг ударила в голову мысль, что я должна увидеть Еву. Мне необходимо узнать о ее делах и убедиться, что мне тоже нельзя опускать руки.

С тоской понимаю, что для этого мне опять потребуется пройти через самое трудное — переступить порог психиатрической больницы Данфорд.

Когда машина остановилась, я вышла из салона. На фоне хмурого неба серое здание кажется еще мрачнее, чем есть. В груди возникло давящее чувство.

Со звонким ударом каблука иду по холлу.

— Анна Стоун к Еве Нельсон, — мой голос звучит жестко.

Женщина за стойкой регистратуры лениво подняла на меня взгляд, неторопливо выписала пропуск и протянула его мне. Не дожидаясь ее инструкций, я молча последовала за санитаром.

Зеленые еловые ветки с рождественскими украшениями развешаны на унылых больничных стенах. Как бы руководство проклятого места ни стремилось завуалировать мрак этих стен для

редких посетителей, суть остается прежней: персонал не особенно радуется улыбками, сумасшедшие чахнут на глазах...

Но только не Ева Нельсон!

Женщина улыбается, а живой блеск в ее глазах не оставляет сомнений, что жизнь для нее только началась.

— Ева, — поражена я. — Ты великолепна!

— Спасибо, — благодарит она и садится рядом со мной на диван.

Женщина поразительно преобразилась. На ее красивом лице нет никакого макияжа, а густые светлые волосы обрамляет тонкий черный ободок. Не могу поверить, что вижу на ее теле не кокетливый пеньюар, а обычную больничную одежду. В руках ее нет пачки сигарет.

— Ты выглядишь здоровой, — вдруг произнесла я, не сразу осознав смысл сказанных слов. — Прости, я не знаю, как еще назвать то, что вижу.

Ладонь женщины легла поверх моей руки.

— Думаю, мистер Коллинс доволен мной, — тихо прошептала мне она.

— Так это же очень хорошо, — заволновалась я. — Что он говорит? Есть успех?

— Я рассчитывала это узнать у тебя, — немного разочарованно сказала Ева. Помотала головой и добавила: — Нет, он мне ничего не говорит. Пациентам никогда ничего не говорят.

— Тогда попробую я что-нибудь узнать, — решительно поднялась с дивана, а Ева вскочила вслед за мной.

— Как, уже? — растерялась женщина.

— Мы обязательно с тобой поговорим еще, но не здесь. Сейчас я поговорю с мистером Коллинсом и... — я замолкла. У меня язык не поворачивается сказать ей, как сильно хочу уйти из этого места, в то время как самой Еве деваться некуда.

— Я понимаю, — сказала Ева, поняв выражение моего лица. Женщина улыбнулась и обняла меня, прошептав у самого уха:

— Спасибо, что пришла, — ее объятия стали крепче. — Спасибо, что делаешь это для меня.

В этот самый миг я что-то почувствовала. Как будто невидимая стена, что стояла между нами, вдруг исчезла, и я ощутила эмоции, что в совокупности своей означали одно — мне не все равно, что будет с Евой Нельсон.

Задача выручить ее преследовала собой первостепенную цель получить часть состояния этой женщины, а человеческое желание помочь последние месяцы оставалось чем-то второстепенным.

Что случилось теперь?

Переменные поменялись местами, и выручить подругу стало моей главной целью.

— Юрист собрал нужные доказательства, — не разжимая объятий, шепчу ей я. — За тобой большие шансы на победу. Не унывай, ты все делаешь правильно.

Разомкнув объятия, смотрим друг на друга.

— Покинь это место, и для тебя изменится все, — говорю ей я.

Мне больше нечего сказать. Попрощавшись, ухожу с тяжелыми мыслями.

На пути к выходу из комнаты какая-то сила вдруг заставила меня остановиться. Я обернулась: женщина сидит на диване и смотрит в окно. Я знаю, о чем думает сейчас Ева Нельсон: свобода где-то за окном, очень близко.

Когда берешь чью-то жизнь и судьбу под свою ответственность, сложно оставаться равнодушной. Причем совсем неважно, с какой целью ты это делаешь...

Я поднялась к Клайду Коллинсу, но принять меня он не смог. Сеанс терапии с пациентом он прервать не согласился.

Я не смогла поговорить с Коллинсом в стенах больницы — не скажу, что я этому сильно огорчилась, — зато он нашел возможность встретиться со мной в вечернее время в ресторане универмага на Второй центральной улице.

Не он предложил, это сделала я — неслыханная смелость для женщины этой реальности, но мне сейчас не до тонкостей общепринятого этикета. Уверена, Клайд Коллинс, владея эксклюзивным правом на информацию о моем прошлом и настоящем, понимает мой нрав и характер куда лучше, чем кто-либо еще.

В универмаге посетителей много, а в ресторане занят едва не каждый стол.

Один из столиков каким-то чудом достался мне, и вот я сижу у стены и дергаю потихоньку за веревочку зеленого торшера — желтый свет загорается и гаснет. Это от скуки.

Я больше не смотрю на часы. К опозданиям мистера Коллинса начинаю привыкать.

Когда мужчина наконец появился, облокотилась о спинку стула и хмуро говорю:

— Двадцать минут, мистер Коллинс... Я могла уйти.

— Вторая центральная стоит, — без досады в голосе подразумевает мужчина вечерние пробки. Садится за противоположную сторону стола. — Вы бы всерьез ушли, не удовлетворив своего любопытства о перспективах лечения мисс Нельсон?

— Ваша взяла, — говорю я. Подтягиваюсь вперед. — Ну так, каковы перспективы, доктор?

— Я не нашел признаков болезни мисс Нельсон, только отпечаток, что наложила на нее больница, но это поправимо, — уверенно сказал он. — Я проведу с ней еще несколько сеансов, продолжу снижать дозировку лекарств и к началу февраля намерен выписать.

— Это... очень хорошо! — едва сдерживаю нахлынувшие эмоции.

— О квартире и деньгах для мисс Нельсон напоминать не нужно. Вы и сами все знаете, — сказал Клайд.

— Безусловно.

Из каких средств теперь для нее все это обеспечить, пока не понятно, но время есть, что-нибудь придумаю.

— Я могу задать личный вопрос? — вдруг спрашивает Коллинс.

— Если прежде вопросы не были таковыми, то боюсь даже предположить, о чем вы спросите меня сейчас, — усмехнулась я.

— Почему вы помогаете мисс Нельсон?

— На это есть несколько причин, — говорю я и задумчиво подношу пальцы к губам.

Взгляд мужчины задержался на браслете на моем запястье, и я сразу опускаю руку к коленям.

— Вы хотите ей помочь, я это знаю, — говорит Коллинс, поднимает взгляд к моему лицу. — Но есть другая причина...

— Есть, — не сразу отвечаю я.

— И вы мне ее не скажете?

— Нет.

Подошел официант. Я заранее определилась с заказом, но именно сейчас мне взбрело в голову его немного изменить. К вкусному ужину

горячий чай я заменила виски.

— Составите компанию? — предлагаю я Коллинсу. Мужчина в противоречивых раздумьях. — У вас уставший взгляд. Выпить бокал-другой вам нужно больше, чем мне.

Не сразу, но Коллинс подает положительный знак официанту и тот что-то пишет в блокноте.

— Вы странно смотрите на меня, — когда мужчина в белом смокинге ушел, сказал Коллинс.

— Да, — спокойно подтвердила я.

— Почему вы это делаете?

— Вы так много знаете о моей жизни, мистер Коллинс, не возражаете, если и я спрошу вас кое о чем личном?

Мужчина не выглядит удивленным.

— Я слушаю.

— Я так понимаю, миссис Коллинс в вашей жизни еще не появилась, — многозначительно смотрю на его безымянный палец без кольца. — Но наверняка есть та, которая вполне может ею стать. Мне очень любопытно, как эта терпеливая женщина относится к вашей работе?

— А что не так с моей работой?

— Вы заняты днем. По ночам, думаю, тоже... Вы даже собственные выходные жертвуете во имя работы.

— Моя работа — важная часть моей жизни, и, пока в ней не появилось иных перспектив, я доволен тем, что делаю. К тому же все не так грустно, как вы видите.

— Мистер Коллинс, в вечер пятницы ваша работа сидит напротив вас, — голос кажется серьезным, но я насмешливо шую взгляд.

Вскоре появился официант. За вкусной едой, согревающим напитком и приятной компанией минуты плавно перетекают в час.

Если допустить, что меня и Коллинса не связывает никакая договоренность, то общество Клайда мне приходится по душе. Он интересный собеседник, мне нравится его слушать. Мне нравится с ним говорить.

Я охотно делюсь забавными эпизодами своего прошлого, в чем-то нелепыми и где-то смешными, рассказываю так, как если бы говорила о них кому-то из своей прежней жизни, весело и непринужденно, не придерживаясь никаких правил.

Признаться честно, мне не хватало этого.

В свободной легкой атмосфере тянется вечер.

Я не сдержалась и к всеобщему неудовольствию громко рассмеялась, когда мужчина поделился воспоминаниями юности в отряде скаутов у озера со смешным названием Каикики.

Часы несутся слишком быстро! В ресторане становится меньше людей.

Увы, но и для хорошего вечера рано или поздно наступит момент, когда ему придется закончиться. А пока мне очень хорошо!

К началу новой недели первая полоса «Данфорд-пресс» не привлекает происшествием в горах Ханди, а знаменует открытие нового сталелитейного завода в пригороде. На фотографии молодой мужчина, а за его спиной завод с высокими металлическими трубами. Рядом с гордым владельцем стоит Алан Лонгер, как же без него, самовлюбленного, эгоистичного и жадного до власти мерзавца!

На страницах светских мероприятий черно-белые изображения с приема влиятельного политика в минувшую субботу. Среди известных лиц узнаю Джона Хэнтон, с ним под руку стоит его невеста. Мелисса очень красива.

Глубоко и тоскливо выдохнула. Откладывая газету и нервно перебираю пальцами камни браслета на запястье. Сколько угодно можно пытаться примириться с реальностью, где Джон принадлежит другой женщине, но желаемого результата не будет. Мои попытки провести черту в наших отношениях больше походят на самообман. С утратой моего счета в банке я остаюсь зависимой от денег Хэнтон. Остаюсь зависимой от него, и, пока это так, мне ли ставить условия в наших отношениях?

Неспешно подхожу к широкому окну. Данфорд давно проснулся, и одна из главных транспортных артерий города мчится, ускоряя темп.

Сегодня тот самый день, когда Патрик Джеферсон подаст заявление на бракоразводный процесс в Центральный судебный комитет. Сегодня день, когда настанет начало конца безумия, в которое втянула нас Анна Стоун.

Одно дело обрело ход, но другое пока еще стоит на месте.

Мне предстоит решиться на непростой для моей гордости шаг и попросить у Джона Хэнтон денег. Опять. Учитывая, как эффектно я

отказалась от формата наших прежних отношений, прийти к Джону сейчас... Проклятие! Проще сквозь землю провалиться.

«Гордость Хэнтон» высокой темной башней тянется в небеса. Поднимаюсь по ступеням и ныряю в карусельные двери, сразу почувствовав тепло после морозной свежести улицы.

По обе стороны холла, рядом с винтовыми лестницами, стоят две великолепные рождественские елки. Высокие, зеленые и густо разряженные.

На позолоченных перилах лестниц растянуты толстые хвойные гирлянды. Под стойкой администрации висят такие же.

Здесь приятная атмосфера.

Металлические настенные часы над лифтами показывают, что до встречи с Хэнтоном осталось семь минут.

Речь с Джоном пойдет не о ста баллионах и даже не о пяти тысячах... Мне нужно двести тысяч, иначе Ева Нельсон не покинет психиатрическую больницу Данфорд.

Но как получить от такого мужчины, как Джон Хэнтон, столь крупную сумму на условиях полной конспирации?

В лифте выжимаю кнопку нужного этажа, полный людей в строгой одежде, он медленно ползет вверх. Нервно посматривая на золотистую стрелку, сильнее чувствую волнение от предстоящей встречи.

К тому времени, как лифт поднялся на девяносто девятый этаж, в нем осталась только я одна. Двери расступились, и удары о клавиши печатной машинки в приемной Хэнтон сразу стихли.

— Здравствуйте, миссис Стоун, — вежливо улыбнулась мне Дэйзи. Поднимает телефонную трубку и докладывает обо мне. — Можете проходить, мистер Хэнтон ждет вас, — опустив трубку на место, сказала она, и стук по клавишам печатной машинки возобновился.

Я подошла к двери, но рука моя задержалась на серебристой ручке и я обратила свой взгляд на Дэйзи. У меня не было возможности поблагодарить женщину раньше, но эта возможность появилась у меня теперь.

— Спасибо Дэйзи, — говорю ей я, и женщина резко подняла на меня большие зеленые глаза. — Спасибо за то, что ты не забыла

передать мистеру Хэнтону мое сообщение из больницы. Если бы не ты, для меня все могло очень плохо кончиться.

На лице Дэйзи я всегда видела только ее рабочую улыбку — вежливую и приятную, и всегда одинаковую. Но не сейчас!

— Пожалуйста, — говорит мне она, и по тому, как она смотрит и улыбается мне, не остается никаких сомнений — этой женщине не чуждо ничто человеческое.

Не затягивая момент, я вошла в серый кабинет. Дверь за мной со щелчком закрылась, и Джон обернулся, оставив за спиной необъятную панораму облаков.

— Я успела забыть о твоём страшном окне.

— Тебя пугает вид из него? — мужчина неспешно проходит к рабочему столу и отодвигает для меня стул.

— Тонкое стекло между линией безопасности и пропастью за ним, — говорю я, опустившись на предложенное место. — Ты не думал, что твои посетители будут несколько неуютно чувствовать себя рядом с такой дырой в стене?

Уголок его губ легонько приподнялся вверх.

— С некоторыми из них я люблю подойти к нему вплотную, диалог получается... содержательным.

Хэнтон занял место босса по другую сторону стола.

— Я был удивлен, что ты записалась ко мне на рабочий прием. У тебя ко мне дело?

— Мне нужно двести тысяч, — сразу говорю ему я. Получилось резко.

— Зачем? — не выразив удивления, спрашивает Хэнтон.

— Личное дело.

В глазах мужчины сверкнула сталь.

— Попробуй снова.

— Я прошу о займе сроком на год. Это возможно?

— Для чего, Анна? — упрямо требует Джон.

— Я уже сказала тебе... — не уступаю я. — Ты хочешь, чтобы я солгала?

Мужчина облокотился о спинку кресла, сложив руки на подлокотниках. У него пытливый взгляд.

— Если мы говорим о займе под процент, мне было бы любопытно узнать, из каких средств он будет возвращен и какие для

этого есть гарантии. Если я должен помочь на безвозмездной основе, то сделаю это не раньше, чем получу разъяснения о причинах финансового затруднения, — на короткое время Джон замолк, а когда заговорил опять, голос стал вкрадчивым. — Или о деньгах просит моя женщина? Ей готов дать нужную сумму, не спрашивая ни о чем.

Я облокотилась о спинку стула, а руки сцепила в замок перед собой.

Вот так Джон Хэнтон испытывает меня на прочность.

Отказаться от выбранной позиции? Вернуться к тому, как было, на его условиях?

Впрочем, когда приняла решение прийти к Джону, я была готова к этому, а теперь, когда от меня требуется только сказать «да»...

— В таком случае вы не можете мне помочь, мистер Хэнтон, — с тоской проговорила я и медленно поднялась с места. Чувствую в себе некоторое противоречие.

Хэнтон поднимается вместе со мной. Взгляд у мужчины такой, будто и он сам рассчитывал совсем на другой ответ.

— Анна, — прежде чем я вышла из кабинета, окликнул он. Я обернулась. — Двести тысяч — достаточно большая сумма. Может, есть что-то, о чем мне все же стоит знать?

— Не волнуйся, — говорю я. Даже получилось улыбнуться. — До встречи, Джон.

В ответ получаю хмурый кивок.

Итак, проблема остается нерешенной.

Деньги на счете, что открыл для меня Джеферсон, в предельной сумме мне все еще доступны и в ущерб себе я готова пожертвовать ими ради поставленной цели, но этого все равно недостаточно.

В поисках других решений мне на ум вдруг пришла идея поговорить с Майклом Гроузом. Быть может, он поможет?

Тяжело и громко выдохнула, и кое-кто из прохожих ненадолго обратил на меня взгляд.

Могу ли я просить у Майкла о таких одолжениях, ссылаясь на короткое знакомство при непростых обстоятельствах?

Глава 16

Накидываю зимнее пальто с меховым воротом, беру сумку и спускаюсь к машине такси.

У Майкла Гроуза плотный график, встреча с ним оказалась возможна только сегодня, спустя пять дней после звонка его секретарю.

Небоскреб с гигантской металлической вывеской над входом «Технология будущего» расположен в самой восточной части города и уступает по высоте всем существующим высоткам деловой столицы.

На тридцать шестом этаже у лифта меня встретила секретарь Гроуза. Взрослая и очень вежливая женщина проводила меня к кабинету своего босса, предварительно спросив меня о желании выпить чай. Поблагодарив ее, я отказалась.

— Анна, — улыбнулся мне Майкл, когда дверь за мной тихонько закрылась. — Рад тебя видеть!

— Я тоже рада, Майкл. Очень! — я бы с радостью обняла мужчину, но боюсь, это будет неприлично.

Кабинет у Гроуза овальный, небольшой, с двумя маленькими и вытянутыми окошками. Меж окон вывешен большой синий чертеж: это потерпевший крушение в горах Ханди «Прогресс».

В сторонке, рядом с большим, во всю стену, шкафом неприметно стоит бар с одиноко стоящим на нем графином виски. На рабочем столе много бумаг, а на самом его краешке — стопка небрежно сваленных газет и пустой бокал.

Кабинет Гроуза действительно очень мал. Такой кабинет подошел бы какому-нибудь менеджеру средней руки, но совсем не по статусу вице-президенту крупной компании.

— Как ты со всем справляешься? — спрашиваю я, подразумевая хлопоты, связанные с крушением стилпоезда.

Мужчина облокотился о край стола, сложив руки на груди.

— Экспертизы, расследования и всевозможные проверки позади, страховая компания готова к выплате. Осталось только восстановить репутацию, — с грустной усмешкой сказал он.

Теперь я могу видеть то, чего не смогли передать черно-белые фотографии газет. Майкл говорит и улыбается в привычной ему манере, но темные круги под глазами говорят о трудной и долгой работе. В последнее время мужчина мало отдыхает.

— Мне неловко просить тебя о чем-то в такое непростое время, — надломленным голосом говорю я.

— Все в порядке, — отмахнулся Гроуз. Лицо его мгновенно стало любопытным. — В прессе наткнулся на новость о предстоящем разводе. Я должен тебя утешить или поздравить?

— Инициатор развода я, но поздравлять пока не с чем.

Новость о предстоящем бракоразводном слушании семьи Стоун стала одной из городских сенсаций — это будет первое слушание своего рода за последние восемь лет!

— Ты удивительная женщина, Анна Стоун! — сказал мне Майкл. Мужчина выглядит уставшим, а улыбка все равно бессовестно обворожительна.

— И этой женщине нужна твоя помощь.

Улыбка на лице Гроуза стала гаснуть, а взгляд стал серьезным.

— Говори, я слушаю.

— Мне нужна квартира в Данфорде или Коннектике с правом субаренды для подруги. Но, Майкл, оплачивать аренду ни одна из нас не способна, и в этом вся сложность.

— А что с чековыми расписками на шестьсот тысяч?

— Мой счет заморожен, — собираюсь с мыслями. — Майкл, тебе не обязательно что-то объяснять. Просто скажи «нет», если...

— После того, что случилось в Ханди, ты можешь просить меня о чем угодно, — с веселым смешком заявил Гроуз. — В Коннектике есть арендный дом, он принадлежит семье Гроуз. Я распоряжусь, чтобы юрист подготовил договор на год. О выплатах не беспокойся.

— Спасибо, — давящее чувство в груди прошло, и я смогла вздохнуть легко.

— Тебе нужны деньги? — спрашивает Майкл.

— Нет, — с благодарной улыбкой верчу головой. — Ты уже сделал для меня очень много.

— Еще нет, — протягивает лист бумаги и ручку. — Напиши номер твоего телефона, юрист свяжется с тобой. Автоответчик?

— Есть.

— Очень хорошо.

Договор аренды на квартиру в Конектике юрист Майкла передал мне уже десятого февраля. В тот же день я незамедлительно позвонила Брюсу Новаку, и мы договорились о встрече через три часа в холле Центрального банка Данфорда.

Брюс Новак пунктуален. В холле банка он появился в синем полосатом костюме и с рабочим дипломатом в руках.

Коротко поприветствовав мужчину, вручаю ему договор. Новак быстро ознакомился с ним.

— Деньги? — спрашивает он.

— Их надо снять со счета.

Счет, с которого я собираюсь снять деньги, благодаря усилиям Джеферсона и возможностям Хэнтон привилегирован, поэтому на первом этаже нам делать нечего и на лифте мы поднялись на третий.

Когда мистеру Новаку стало известно, с какого счета я собираюсь снять деньги, мужчина стал подозрительным.

Служащий банка, седой мужчина с очень внимательными глазами и тихим голосом, назвал допустимый остаток на счету, предоставив мне выписку.

— К снятию сто двадцать тысяч, — едва взглянув на нее, спокойно говорю я. После снятия этой суммы на счету не останется совсем ничего.

Брюс Новак не сводит с меня тревожный взгляд.

— Вы уверены?

— Вполне, — смотрю на него, и уже тихо: — Я могу рассчитывать, что об этом никто не узнает?

— Джеферсон должен знать...

— Не должен, — отрезала я, понимая, что вслед за Джеферсоном обо всем узнает и Хэнтон. Этого не должно произойти! Я твердо решила, что для всех будет лучше, если я вернусь в дом Стоуна: опять попытаюсь поговорить с Томом, уйду с дороги Мелиссы Бауэр. Все не так плохо.

Оптимизм моих размышлений сильно притянут за уши. Я знаю это.

— Подумайте о том, что сделает ваш супруг, когда дверь за вами закроется и в доме с ним останетесь только вы. Без свидетелей.

— Вы ничего не скажете Джеферсону, — упрямо процедила я.

— Вы совершаете ошибку.

— Ваше слово, мистер Новак, — холодно потребовала я. Мужчина, нахмутив взгляд, не сразу и через силу дает утвердительный кивок.

К полудню я покинула толстые величественные стены Центрального банка Данфорда. Я сделала свое дело, остальное за Брюсом Новаком, Клайдом Коллинсом и Евой Нельсон. Больше от меня ничего не зависит в этом вопросе. Теперь мне остается только наблюдать за предстоящим громким процессом Евы Нельсон против Дориана Гордона.

Дело, что имело все шансы развалиться на глазах, теперь в полном ходу. От легкости чувств я словно воспарила в небо, пока не повисло другое ощущение, тяжелое и мрачное, что притянуло меня обратно к земле — уязвимость. Мой счет пуст, а это значит, что угрюмое звено банковской системы уже сейчас передает сведения об этом в социальную службу. Остается только вопросом времени, когда до меня доберутся, чтобы вернуть Томасу Стоуну.

В этот самый миг почувствовала себя вещью. Это отвратительно!

Мне не по себе. В груди все болезненно сжалось и стало тяжело дышать. Тяжело о чем-то размышлять, мысли как в тумане.

Я вернулась в квартиру Джона и лишь там обнаружила, что меня всю трясет от напряжения. Оглядываюсь по сторонам и не знаю, куда деваться.

Приняла прохладный душ — он привел меня в чувство. Горячий кофе помог хоть сколько-нибудь мыслить здраво, вот только трусливая дрожь в руках никак не проходит.

Любой шорох в коридоре или звук за окном — сразу представляются те, кто должен за мной прийти.

И вправду, нет ничего хуже ожидания!

Нервно меряю шагами гостиную.

«Может, будет лучше, если я сама приеду на Солнечную улицу в Гринпарк? — размышляю я. — Как бы там ни было, это будет не так унижительно, как может для меня быть, когда придет социальная служба».

Чему быть, того не миновать. Правильно?

Мне потребовалось всего полчаса, чтобы собрать вещи. Вещей у меня мало. Если быть честной, времени на сборы потребовалось бы

меньше, не будь я так рассеяна.

А может, я нарочно все делаю так долго? Похоже, что так. Вещи уже собраны, а я не спешу уходить из квартиры Джона Хэнтон. Я уже давно могла бы выйти за дверь, но всякий раз нахожу повод побыть здесь еще немного.

Вот и теперь, я села на шелковые простыни и думаю...

Дом Стоуна по удобствам и комфорту никогда не сравнится с этой квартирой. Но разве в этом главный недостаток? Тома придется видеть чаще, а мне бы этого не хотелось... Любопытно, с нами снова будет жить его мама? В мои обязанности вновь войдут хлопоты по дому?

Проклятые шторы!

подавив мрачный смешок, поднимаюсь с постели и иду к входной двери. Еще раз осмотрела породнившуюся мне квартиру и, наконец опустив ручку, открыла дверь.

— Кто вы? — удивилась я мужчине, что расселся на стуле по правую сторону от двери. Этот человек разгадывает в газете кроссворд.

— Вы не можете покинуть квартиру. Распоряжение Хэнтон, — скучным рабочим тоном произнес он, не подняв на меня глаз.

В кроссворде разгадано только четыре позиции, судя по всему, этот человек свой пост занял только что. Не задаю больше вопросов и закрываю дверь. Сумка упала в ноги, а пальто небрежно свалено поверх нее.

Может, я пропустила телефонный звонок, когда была в душе? Проверяю автоответчик — сообщений от Хэнтон нет. Подняла телефонную трубку и начала набор хорошо знакомых цифр, но остановилась, не завершив комбинацию...

Положила трубку на место. Дрожь в руках повторилась, но источником напряжения стало иное беспокойство, ведь теперь я жду визита Джона Хэнтон.

Но как он узнал? Новак не сдержал слова или Хэнтону все стало известно как-то иначе?

Впрочем, имеет ли это значение теперь?

Солнце уходит в закат, на Данфорд опускаются тени. В пять часов я готовила для себя ужин, когда за дверью послышались голоса. Я подошла к двери и прислушалась.

Представители социальной службы явились за мной. Я не открываю дверь, но продолжаю слушать разговор, из которого понимаю, что приставленный к двери человек предъявил доказательство возобновления моей платежеспособности — счет пополнен. Один из представителей службы изъявляет желание увидеть меня лично, на что получает решительный отказ. В конце концов, удовлетворившись врученной бумагой, представители социальной службы покинули этаж.

Я трусливо открыла дверь, встретившись с неодобрительным взглядом своего стража.

— Вернитесь в квартиру, — сказал он. — Мистер Хэнтон скоро будет.

Приказ как лезвие ножа у горла — холодное и опасное. Я незамедлительно сделала так, как было велено.

Если Джон хотел, чтобы я ни при каких обстоятельствах не покинула квартиру — ни сама, ни по воле социальной службы или кого-то еще — что ж, человек за дверью это может гарантировать.

Ждать долго и вправду не пришлось.

На город опустился легкий сумрак, когда в квартиру вошел Джон Хэнтон. Не снимая темного пальто, хмурый и мрачный, мужчина прошел вглубь гостиной и взял с шахматной доски две фигуры. С замиранием сердца слежу за тем, как он неспешно подходит ко мне.

Когда у Хэнтонна вот такой тяжелый взгляд как сейчас — это беда; и я приготовилась...

Джон обходит стол и ставит передо мной одну из черных фигур — пешку. Осторожно заглядываю в холодный взгляд серых глаз и в тот же миг на гладкую поверхность стола опускается лист бумаги, испачканный чернилами печатной машинки.

— Отказ от распоряжения счетом в пользу Джеферсона, — непререкаемым тоном проговорил Хэнтон. Двумя пальцами подводит лист ко мне. — Подписывай.

Проскользнув взглядом по машинописным строчкам, с презрением смотрю на мужчину.

— Но ведь речь не идет об одном только счете, я права?

Джон не изменился в лице.

— Подписывай, Анна.

Хэнтон собирается сделать то же, что и Стоун. Он намерен отобрать у меня все права на банковские счета — счета существующие и новые. Если Стоун готовится сделать это через суд, то Джон намерен получить желаемое прямо здесь и сейчас — от меня только требуется подписать бумагу, ту, что лежит сейчас передо мной.

Я не могу этого сделать, поэтому уверенно заявляю:

— Нет.

— Брюс Новак уволен с завтрашнего дня, — вдруг сказал Хэнтон, и у меня подкосились ноги.

Уперев руки о край стола, требую:

— Измени решение.

— Еще не поняла, Анна? — ставит вторую пешку на стол.

Взгляд у мужчины очень решительный. Ничто не заставляет меня думать, что Хэнтон может поступить как-то иначе, чем обещает.

Кто мог быть второй пешкой?

Для Брюса Новака уже все кончилось. Имею ли я право вот так запросто рисковать чужими судьбами, на которые Джон Хэнтон, безусловно, способен повлиять?

— Проклятие... — выдохнула я и вытянула пальцы к ручке. Сжав кулак до белизны костяшек, ставлю закорючку поверх подписи Джеферсона.

Джон забирает бумагу и прячет во внутренний карман пальто. Вид злой и угрюмый.

— Я заплатил два миллиона, чтобы вытащить тебя из больницы и наперекор самым смелым предположениям и подумать не мог, что ты посмеешь сделать что-то, что может вернуть тебя обратно, — сказал Джон. С недоумением смотрю на мужчину. — Под предлогом истерии, паранойи и прочей чертовщины Стоун запросто бы это сделал. Что скажешь, Анна?

Я сбита с толку.

— Я не знаю, что могу сказать... — надломленным голосом говорю я. В своем очередном гениальном плане я объективно упустила возможности Тома, о которых говорит сейчас Джон. Разве повторно такое могло случиться?

— Насколько был оправдан риск? — сурово спрашивает он.

У меня приоткрылись губы, но я не говорю ни слова.

Джон хмурится сильнее.

— Мне нужно убедиться, что ты не безмозглая идиотка и у того, что ты делаешь, есть оправданная цель. Ну же, Анна, я слушаю!

— Это нужно было сделать...

Мужчина смотрит с упреком.

— Твое содержание составит двести баллионов в неделю. Этого не хватит на что-то существенное, но на мелкие повседневные нужды сполна, — убирает бумажник во внутренний карман пальто, оставив наличные на столе.

Кажется, сам воздух отравлен его гневом, нашим разочарованием и моим сожалением.

— Кто такая Ева Нельсон? — прежде чем уйти, бросил он. Мною завладела смутная тревога, и в тот же миг Джон обещает:

— Разберусь сам.

Едва за мужчиной закрылась дверь, я упала на стул.

По моей вине Брюс Новак лишился перспективной практики в компании Хэнтон, а карьера для человека в этом мире — все равно что жизнь. Конец карьере — конец жизни.

Как с таким можно смириться?

Какие слова помогут донести молодому юристу всю глубину моего сожаления?

Поджав губы, смотрю в пустоту.

Как же сильно я жду того дня, когда посмотрю Джону Хэнтону в глаза на равных! День, когда этот мир больше не сможет диктовать мне условия.

Но это пока только мечта.

Глава 17

Я очень зла на Джона Хэнтон и в силу испепеляющей меня ярости и обиды еще долго не захочу видеть этого мужчину.

Я не хочу его видеть, я не хочу с ним говорить, я бы хотела о нем даже не думать.

Как я зла! Но злиться на одного только Хэнтон я не могу, когда понимаю, что вина за случившееся прежде всего на мне. Понимаю это, и сразу опускаются руки...

В глазах Джона я все еще остаюсь двадцатилетней девчонкой, если говорить о возрасте биологическом, и эта девчонка повела себя неоправданно глупо и безответственно. Так думает Джон.

Боюсь, я не оставила ему выбора поступить иначе. Он дал мне шанс оправдаться, но я этим шансом не воспользовалась. Без разъяснения причин мои действия оправдывают звание эгоистичной идиотки или... как выразился Джон, безмозглой.

Мне хотелось бы рассказать Хэнтону обо всем, но не в моих интересах, если такой мужчина как он, вдруг решит, что делом Евы Нельсон мне заниматься не нужно. И, если бы он так решил, Джон не оставил бы мне и шанса. Я не могла так рисковать.

Как бы там ни было, я не жалею о том, что сделала, сожалею лишь о том, как...

Признаюсь, с моей стороны был упущен тот факт, что, пожертвовав деньгами со своего счета, я едва не пожертвовала собственной свободой. Перспектива вернуться в дом Стоуна с дальнейшим переездом в больницу Данфорда — это было бы слишком! Жаль, что я не подумала об этом раньше, тогда не раздумывая приняла бы предложенные Майклом Гроузом деньги.

Что со мной происходит? В прошлом работа обязывала меня внимательно относиться к деталям в любом деле, так почему теперь я спотыкаюсь не о грабли, что скрыты под высокой травой, а о слона, что лежит посреди дороги?

Я считала себя умной.

Знания о будущем дают некоторые привилегии, но, оттого что я очень плохо понимаю эту жизнь — людей, их нравы и обычаи, правила

игры в целом — проблем возникает куда больше.

Существуя в этом мире, я действую на чистом энтузиазме, бесконечно допуская одну великую глупость — во многом руководствуюсь знаниями другой вселенной и слишком часто верю, что некоторые правила игры моей реальности якобы сработают и в этой.

Одиннадцатого февраля 1957 года, спустя неполных полтора года своего заточения, Ева Нельсон вышла за пределы психиатрической больницы Данфорд. Я беспокоилась, что для Евы не подготовлена одежда по сезону, но из больницы женщина вышла в зимнем пальто и в сапогах.

Не выходя из черной машины такси, смотрю, как Брюс Новак поддерживает Еву за руку и та неуклюже спускается по неровным ступеням. Ноги будто не слушаются свою хозяйку, и этому была причина: Ева задрала подбородок высоко вверх и смотрит на чистое и солнечное небо так, как если бы видела его впервые.

Я пробыла в больнице всего три дня, но покинув ее, пришлось привыкать к ощущениям, что способен испытать только свободный человек. А Ева провела в больнице полтора года... Каково сейчас ей?

Женщина широко улыбается, а по фарфоровым щекам катятся слезы. Она зачем-то оглянулась назад, на эти мрачные серые стены, но быстро отвернулась и ускорила шаг, как если бы санитары уже следовали за ней, чтобы вернуть обратно. Брюс Новак едва поспевает за женщиной.

Ева села рядом со мной, следом за ней в темный салон такси опустился Брюс. Заработал двигатель, машина затряслась и медленно поползла по неровной грунтовой дороге.

Ева смотрит на меня как благодарный щенок, что узрел своего спасителя от страшной и неминуемой смерти. Рука ее дрогнула, она вдруг чего-то испугалась, а затем набросилась на меня в крепком объятии, прошептав у самого уха:

— Спасибо.

На вокзале западного Данфорда Ева и Брюс Новак сядут на стилпоезд до Конектик.

Вокзал наполнен людьми, их голосами и, конечно, рокотом десятка мощных двигателей многотонных машин. Ева озирается по сторонам круглыми от потрясения глазами — она полтора года не

видела столько людей в одном месте, не видела стен, что могли бы отличаться от больничных. Кажется, Ева Нельсон успела забыть, что такое жизнь и какой она может быть.

На тринадцатой платформе короткий зеленый стилпоезд готовится к отправлению — после первого гудка у входа в вагон встал проводник, а редкие пассажиры неторопливо подтягиваются на борт.

Мне хочется отправиться вместе с Евой и Брюсом и помочь подруге освоиться в новой для нее жизни, но я не могу этого сделать. Когда Джон Хэнтон намерен добиться от кого-то нужного поведения, этот мужчина умеет быть очень убедительным, так что за границу Данфорда мне нельзя. По-хорошему, мне и на вокзале задерживаться не стоит.

— У тебя должна быть хорошая квартира. Мне это обещали, — улыбаюсь я Еве и еще раз обняла подругу. За ее плечом вижу ленивую улыбку Брюса Новака. Я уже преподнесла мужчине тираду извинений и, вопреки страхам о кончине его карьеры, все оказалось не так плохо, как я думала.

Брюс заверил, что был бы глупцом, если бы отказался от шанса представлять интересы Евы Нельсон в суде. В каждом доме радио будет настроено на волну приема из зала суда, за слушанием будут следить в офисах и на улице. Имя этого мужчины станет известно всем. Есть ли способ лучше проявить себя, чем показать целой стране, на что способен?

Раздался второй оглушительный гудок, не могу поверить, что больше не вздрагиваю, когда слышу его.

Тепло прощаюсь с подругой и желаю удачи мистеру Новаку. Прежде чем вступить на лесенку-подножку стилпоезда, Ева задержала на мне долгий взволнованный взгляд, и я в прощальном жесте махнула ей рукой.

Женщина поднялась на стилпоезд, а я, не дожидаясь его отправления, направилась к выходу из платформы номер тринадцать. Вышла из вокзала западного Данфорда и села в черное такси. Теперь мне нужно успеть на встречу с Патриком Джеферсоном, он ждет меня в своем кабинете к двум часам. Взглянув на маленький циферблат наручных часов, удостоверилась, что время еще есть, но его мало.

Сейчас час пик, и встречное направление по Второй центральной улице уже стоит — отовсюду слышатся нетерпеливые автомобильные

гудки; из машины такси вышел пассажир, он предпочел идти пешком. Движение на восток таких сложностей не испытывает. Пусть не так быстро, как хотелось бы, но мы движемся.

Спокойным задумчивым взглядом смотрю в окно. Смотрю на красочные витрины магазинов с огромными рекламными надписями, я смотрю на людей и на их красивую одежду, смотрю на машины...

Мужчина в длинном черном пальто вынимает из уличного автомата газету. Женщина в красной шапочке выходит из телефонной будки.

Мне вдруг стало грустно.

На этих улицах мне не увидеть машин будущего поколения, не увидеть людей, неразлучных с их карманными телефонами.

Я ничего не узнаю о жизни без утренней газеты...

Кажется, я начинаю тосковать по ней — по своей прежней жизни. Очень.

Любопытно, если я вернусь однажды, я буду так же смотреть на мир, как Ева смотрела сегодня на свой?

Вхожу в карусельные двери небоскреба и уверенным шагом направляюсь к лифту, выжимаю в нем семьдесят третий этаж.

В кабинете юриста мало что изменилось, повсюду бумаги, а на полу выстроены целые горы папок. Тем не менее, во всем этом хаосе есть порядок, и календарь на столе Джеферсона тому подтверждение, ведь сегодня действительно одиннадцатое февраля.

— Миссис Стоун, садитесь, — мельком взглянув на меня, сказал Джеферсон.

— Как ваши дела? — солидарно опуская всяческие приветствия, вежливо спрашиваю я и усаживаюсь на стул.

— Могли быть и лучше.

Настроение Джеферсона хуже обычного, и я спрашиваю, нахмутив взгляд:

— Что-то не так?

— Вы сняли со счета деньги, не поставив в известность ни меня, ни Хэнтон, — сердито говорит он, не поднимая на меня глаз — смотрит бумаги. Я напряглась. — Чтобы срочно поправить учиненный вами беспорядок, мне потребовалось оставить важные дела! А я этого не люблю, — теперь смотрит на меня, и взгляд у мужчины такой...

мне бы хотелось, чтобы он опять смотрел на бумаги. — Что я вам говорил, когда забрал из больницы Данфорда?

— Быть осторожнее, — припомнив, говорю я.

— Нет! — завопил Джеферсон, а я едва не подскочила с места. — Я говорил, чтобы вы держались подальше от неприятностей, а вместо этого влипли в них по самые уши! Я велел обсуждать со мной любые решения, которые прямо или косвенно могут касаться Стоуна, но вы решили по-своему. Вся соль, Анна Стоун, в том, что ваши ошибки исправлять приходится мне! Ваши ошибки вредят мне!

Пухлые щеки юриста обрели пунцовый оттенок. С трудом, но я сохраняю спокойствие.

— По вашей милости я теперь без помощника, — уже тихо и с досадой бросил он, подразумевая уволенного Хэнтоном Брюса Новака.

Патрик упал на стул, платком убирает проступившую влагу со лба.

— Столько проблем от вас одной... — выдохнул Джеферсон, надев круглые очки.

— Мне жаль, — выдержав недолгую паузу, осторожно говорю я.

— Он сам виноват, — погруженный мыслями о помощнике, отмахнулся Патрик. — Глупый парень, ведь сам согласился помогать вам.

У меня было что сказать Джеферсону на это, но благоразумно предпочла помолчать.

— Перейдем к делу, — сказал он, подняв на меня глаза. — Двадцать четвертого марта на одиннадцать часов назначено слушание. Вы все еще живете в квартире Хэнтонна?

— Да, — тихонько говорю я, почувствовав, как полыхнули щеки.

— В десять я приеду за вами, — говорит мне Джеферсон и, наставив на меня свой пухлый палец, строго добавил:

— И вы должны быть там! В его квартире и ни в каком другом месте, вы поняли меня, миссис Стоун?

— Я поняла вас, мистер Джеферсон.

— Хорошо, — с некоторым недоверием изрек он. Подумал немного и сказал:

— Вам потребуется купить в магазине подходящую для слушания одежду.

— У меня есть одежда.

— У вас нет одежды! — громче, чем следовало, возразил мне Патрик. — Посмотрите на себя, одеваетесь как провинциалка, а я хочу видеть на суде эффектную элегантную женщину, уверенную в том, что она делает.

— Хорошо...

— Вы должны выглядеть уверенной! — не успокоился Патрик. — Понимаете меня, миссис Стоун? — будто убежденный в ограниченности моего ума, говорит он.

— Я поняла вас, — с некоторым недовольством проговорила я.

— Начнется слушание, говорю я, а вы молчите, — продолжил он. — Даже когда вас спросят о чем-то напрямую, молчите, пока я не дам вам разрешения говорить.

— Даже когда ответа от меня потребует суд? — удивилась я.

— «Мне нужно посоветоваться с адвокатом» — это вы должны говорить, когда суд спросит конкретно вас, а затем вы дословно продублируете то, что скажу вам я. Это понятно?

— Понятно.

— Хорошо, — опять сказал Джеферсон. Как мне кажется, теперь в моих интеллектуальных способностях Патрик сомневается меньше. — На этом все.

Удивленно выгибаю бровь.

— Как все? — не поняла я. — А как же стратегия?

— Помните, что я от вас требую хорошего платья. Обсудите это с Хэнтоном и просите, чтобы он нанял вам стилиста.

— С этим разберусь... — рассеянно говорю я. — Но я о другом!

— Нет, — отрезал Патрик, скептически взглянув на меня. — Я сам позвоню Хэнтону, чтобы он все устроил. Теперь все.

В смятении выхожу из кабинета Джеферсона. Назначив встречу, все, что хотел сказать мне мой юрист, это то, что я должна переодеться для слушания и молчать на нем?

Это все, что от меня требуется?

Правда?

Даже когда вышла в прохладу улицы, у меня все рано сохранилось озадаченное выражение лица.

Глава 18

Как-то вечером на автоответчике для меня было оставлено сообщение от Дэйзи, она назвала день и время, когда состоится встреча со стилистом, упомянув, что этому человеку я представлена под девичьей фамилией Лоуренс.

Мне настоятельно рекомендовано не использовать фамилию Стоун во избежание встреч с репортерами.

И вот я здесь, стою на тротуаре у дома с круглыми фонарями.

— Мисс Лоуренс? — улыбается мне женщина.

Ничему не удивляюсь и даю в ответ положительный кивок.

Женщина продолжает улыбаться.

— Меня зовут Беки Джонс, сегодня я ваш стилист, но зовите меня просто Беки.

Беки — миниатюрная и очень худая женщина тридцати лет. При вытянутом лице ее неестественно впалые щеки не придают ей привлекательности. Беки Джонс обладает типичной внешностью современной кокетки. Она блондинка с помадой вишневого цвета на губах, а цвет ее ногтей точь-в-точь повторяет цвет ее губ.

— Итак, милая моя, я должна преобразить вас в жену нефтепромышленника, железнодорожного магната или в благочестивую супругу политика! — сжимает кулачки на руках, как если бы говорила о собственной мечте. Женщина оценивает мою внешность глазами художника. Причем безумного... — Красивые ровные волосы, хорошенький носик, с губами что-нибудь придумаем, но какой взгляд! Ножки ровные?

— Э... — заторможено промычала я, опустив взгляд на ткань светлых брюк. Когда окончательно понимаю смысл вопроса, четко говорю:

— Да.

— Чудно! Я уже вижу вас в элегантном белом платье, на невысоких каблуках и в эффектной красной шляпе с широкими полями. Подчеркнем глаза и не будем трогать губы, пусть на них сохранится непорочная естественность!

Беки в восторге от своей идеи.

— Нет! — категорично заявляю я.

— Хотите, чтобы губы были яркими?

— Нет, не хочу! — заволновалась я. — Образ тоже не подходит.

Женщина с пониманием выдохнула. По выражению ее лица понимаю, что она уже не в первый раз сталкивается с подобным упрямством в своей работе.

— Мисс Лоуренс, я понимаю, вы привыкли к чему-то... попроще, — Беки выразилась мягко, не как Джеферсон. Дружелюбно укладывает ладони мне на плечи и как змея-искусительница заглядывает в глаза. — Доверьтесь мне и вы ни о чем не пожалеете!

— Я понимаю, какая задача стоит перед вами, — осторожно снимаю ее ладони со своих плеч. Пытаюсь быть убедительной. — Но образ, который вы предложили, не подходит.

Беки Джонс складывает руки на груди и оценивает меня хитрым взглядом.

— Сделаем вот что, — бодро говорит она, наставив на меня свой тоненький указательный палец. — Я создам для вас образ, а вы его безропотно примерите. Если не понравится, мы придумаем что-нибудь еще. Идет?

Немного обдумав, заключаю, что на это можно согласиться.

— Идет.

На лице дамочки растянулась странная улыбка, как будто она ловко меня обхитрила в чем-то...

— И нам нужна блондинка! — громко заявила она.

— Нет!

Я решительно не позволю творить с собой все что угодно. Я согласна на компромисс и позволю ей предлагать, но последнее слово останется за мной и по-другому не будет.

Желтые фонари — один из элитных районов Данфорда. Уличные фонари здесь действительно желтые — поверх круглых ламп золотистое покрытие в виде тонкого кружева.

На этой улице в ряд стоят сразу три универмага. Тот, в который поднимаемся мы, называется Дэнтли.

— Шантик или Бияно? — пропела Беки. Эти слова ни о чем мне не говорят и, не дождавшись от меня ответа, женщина обернулась. — Шантик и Бияно, есть предпочтения?

— Это бренды? — уточняю я.

Женщина уставилась на меня с глупым выражением. Так можно было бы смотреть на человека, который вдруг понял, что Земля круглая.

— Предпочтений нет, — несвойственным ей голосом заключила она.

Иду вслед за Беки.

Я думала, что универмаг на Второй центральной, тот, что рядом с парком, огромен и роскошен, но Дентли его превзошел во всем.

Магазин из восьми этажей выглядит, как дворец. Внутренняя отделка преимущественно состоит из коричневого мрамора. Здесь высокие потолки и широкие золотые лестницы. Над головой горит хрустальная люстра — большая, но не слишком. Самую большую люстру я видела в ресторане «Мистраль», вряд ли ей подобную я увижу где-нибудь еще.

В холле магазина вполне можно было бы устроить бал и танцевать здесь вальс.

— В Данфорде есть хоть один универмаг не царского образца? — спрашиваю я.

В ответ Беки издала странный смешок.

— Милая моя, таких, как Дентли, всего четыре в Данфорде.

— Тот, что на Второй центральной рядом с парком?

— Самый скромный из четвертки.

У стойки администрации большой плакат. Магазин предлагает услуги носильщика покупок — на плакате изображен счастливый служащий в красной форме. Очень напоминает консьержа в гостинице, только без головного убора.

Беки повела меня в брендовый бутик Шантик. Мы вошли в небольшую овальную комнату, и нам навстречу вышла женщина в синем платье и в жемчуге; представилась Лили. Выслушав короткие инструкции Беки Джонс, Лили без промедления принялась их исполнять.

Я присела за чайный уголок, а внимательная помощница продавца приготовила для меня чай. Ее любезность оказалась очень кстати, и за чашкой вкусного чая я с любопытством наблюдаю за работой Беки.

Опытным глазом женщина просматривает швы изделий, нашивки и рюши, а когда прощупывает ткани, их плотность и качество, выражение ее лица становится восторженно безумным. На какой-то

миг мне всерьез показалось, что Бэки Джонс... обнюхивает белое платье. Когда она похвалила непревзойденный запах новой ткани, я поняла, что мне не показалось.

Продавец Лили не устает предлагать Беки новые наряды, несколько моделей попыталась представить мне, но осознав, что мой интерес куда скромнее, оставила в покое и сосредоточила усилия на Беки Джонс.

Когда мой стилист определилась с выбором, она показала мне бежевое платье с большими синими пуговицами, к платью прилагался полосатый во всех оттенках синевы ремень. На кармашках крохотные бантики небесно-голубого цвета.

— Нет, — без сомнений, говорю я.

— Мы договорились, — напоминает мне Беки.

Упрямым взглядом смотрю на женщину. В игру гляделки победила она и я, скрипнув зубами, неохотно повинуюсь.

Я примерила платье. Оно подошло мне, но не понравилось. В нем я похожа на куклу.

— У тебя потрясающая фигура, милая! — радостно пропела Беки, едва я вышла из примерочной. Женщина обошла меня вокруг. — Но для этого платья нужна фигура, как бы сказать, повывразительнее, — деликатно намекнула она про мой невыразительный зад.

— Все равно для дела не годится, — спокойно замечаю я.

— Мы здесь не ради одного только платья, — тихонько рассмеялась Беки. Дает мне в руки другие наряды. — Моя задача — со вкусом пополнить ваш гардероб. Весь. Без ограничений...

Вот интересно, это намек Джона на мое чувство стиля?

Слова Беки Джонс произвели большой эффект на продавца Лили, нежели на меня. У женщины загорелись глаза, а улыбка стала шире.

Легко мы от нее точно уже не отделаемся. Взглянув на Беки, с тревогой понимаю, что обе женщины теперь в команде.

Я примерила несколько платьев подряд и украдкой взглянула на ценник одного из них. Шестнадцать тысяч баллионов!

— Милая, вы в восторге? — с нежностью спрашивает меня Беки. — У вас словно дыхание перехватило!

С круглыми от изумления глазами смотрю на Беки Джонс.

— Не от восторга, — заверила я женщину.

В бутике Шантик я перемерила массу платьев. Беки и Лили убеждают меня в необходимости нарядов, которые, несомненно, должны быть в гардеробе каждой женщины, а я устала предъявлять аргументы, почему наряд экстравагантен, смешон и просто мне не нравится.

Я устала и возненавидела примерочную размером с маленькую комнату. Мы здесь уже целую вечность!

Когда дело дошло до образа морской тематики, я осознала, насколько далеко мы ушли от ключевой задачи, и решила, наконец, взять дело в свои руки.

— Попрошу внимания, — сказала я, и две женщины обратили на меня взгляды. Тихая помощница продавца где-то у меня за спиной, так что ее я не вижу. — Мне нужно платье темного оттенка, элегантное и простое. Никаких бантиков, рюшей и больших пуговиц, — теперь обращаюсь только к продавцу Лили. — У вас есть что-нибудь подходящее?

Беки сразу захотела что-то сказать по этому поводу, а я шикнула на нее. Женщина удивилась, как котенок, которого вдруг щелкнули по носу. Не факт, что она хотела о чем-то возразить, а я все равно шикнула на нее второй раз и не поленилась сделать это даже в третий, так и не позволив ей сказать слово.

Мои требования озадачили Лили. Задумчиво женщина говорит:

— Есть платье, соответствующее вашему запросу, но цвет у платья светлый.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Давайте посмотрим.

— Подождите минутку, — сказала Лили и вышла в соседнюю комнату.

— Прошлогодня коллекция... — в ужасе ахнула Беки.

Когда Лили вернулась, она показала мне сразу два платья — золотое и кремовое. Золотое длинное платье с прозрачной шалью выглядит как вечернее и для дела, разумеется, не подходит, но в целях пополнения общего гардероба я попросила его далеко не убирать. А вот кремовое платье вполне может подойти.

У платья узкая талия, высокий воротник прямоугольной формы, низ — непышная юбка-колокол. Рукава короткие. Скучную строгость платья освежает серебристый, едва заметный рисунок на ткани в виде геральдической лилии.

Конечно, не то к чему я привыкла, но мне подходит.

— Что думаете, Беки? — спрашиваю я.

— Милая моя, вы очаровательны!

Продавец Лили тоже не отрывает от меня задумчивого взгляда. Улыбается.

Беки обошла меня вокруг и разжала заколку на моих волосах. Темные каштановые пряди рассыпались на плечах и спине.

— Как в этом платье смотрится брюнетка? — спрашиваю я.

— Восхитительно!

Воспользовавшись случаем, я обновила не только свой гардероб, еще я подумала о Еве Нельсон. Теперь и Еве будет в чем появиться на собственном слушании.

Разумеется, Беки я ни о чем не рассказала, а на ее вполне справедливое замечание, что наряд мне мал, даю простой ответ:

— Хочу.

Женщина топнула ножкой, а когда приготовилась возразить мне, я шикнула на нее, но в этот раз сделала это шутливо. Беки упряма, но, когда нужно, я тоже могу быть упрямой, причем очень. Так что Беки Джонс пришлось смириться.

Из универмага иду с кучей брендовых пакетов в руках. Я устала.

— А теперь в жемчужину! — пропела Беки и свернула к соседнему универмагу. В этот самый миг я споткнулась и растянулась на асфальте, но все равно выдавила свое категоричное:

— Нет!

Черная машина такси плавно движется по ночным улицам Данфорда, освещенный светом электрических ламп этот город не спит. Куда не взгляни, горят вывески, подсвечиваются рекламные плакаты, повсюду снуют люди, а дороги заполнены машинами.

В вечер пятницы в кинотеатры, рестораны и бары большие очереди.

В вечер пятницы я тоже еду отдыхать. Майкл заверил, что мне это нужно, и, не спрашивая ни о чем, прислал курьера, который вручил мне пригласительный билет в комплекс «Зеленый бриллиант» на Тридцать первой западной улице.

Я долго сомневалась, а стоит ли мне ехать?

По случаю десятилетнего юбилея в этот вечер комплекс собирает на свое торжество влиятельных и знаменитых гостей, и вот сейчас к

зеленой ковровой дорожке выстроилась длинная цепочка из автомобилей.

Вдоль канатного ограждения толпятся люди, они кричат и тянут руки, когда по ковровой дорожке идет очередная знаменитость. Не имею представления, кем может быть фигура в белом смокинге в паре с ослепительно красивой женщиной в синем платье, но в том, что знаменитость именно мужчина, сомнений нет — толпа кричит только его имя.

Знаменитости появляются из уважаемых автомобилей или машин такси, они идут по ковровой дорожке, а толпа встречает их радостным воплем. Фотовспышки взрываются со всех сторон.

Из машины передо мной появились две низенькие женщины, в них я узнала главных героинь из телесериала, а рядом с ними, судя по всему, их мужья.

Очередь пройти по зеленой дорожке наконец подошла ко мне. Машина подтянулась к канатному ограждению, а служащий в зеленой форме открыл для меня дверь автомобиля.

В одном только золотом платье с легкой накидкой на плечах сразу ощутила прохладу улицы холодного мартовского вечера. Служащий спрашивает приглашение, и как только я протянула свое — «парное», он позволил мне ступить на зеленую дорожку.

Я не придумала, приглашение так и называется «парное», что означает «+1» к билету приглашенной персоны.

Смотрю на большое красивое здание. «Зеленый бриллиант» сияет в свете ламп и круглых прожекторов. Гостиница, ресторан, казино, и все в одном месте!

Прямо перед моим лицом возникла фотовспышка. Я привыкла к оглушающим гудкам стилпоездов, но от ярких и громких фотовспышек все еще вздрагиваю. К этому действительно нужно привыкать.

Поправляю меховой ворот своей накидки, осторожным взглядом смерив толпу. Я не улыбаюсь, потому что мне страшно. Так много людей прямо сейчас уставилось на меня!

Взяв свои страхи под контроль, иду по ковровой дорожке, постепенно увеличивая темп. Совсем скоро на моем лице появляется подобие улыбки.

Ну и чего я испугалась?

Я окончательно успокоилась и, преодолев половину пути, смогла даже почувствовать себя такой же знаменитостью, как и те, что прошли здесь до меня. Вот только не все фотографы спешат пускать в расход свои лампы, разглядев во мне отнюдь не знаменитость.

Уже внутри, не способная оторвать глаз от сдержанной роскоши зеленого холла, шевелю плечами, принудив зимнюю накидку соскользнуть с плеч по рукам. Подхватываю ее не я.

«Джон», — подсказывает мне мое сознание, и улыбаюсь. А когда обернулась, улыбка сразу исчезла с моего лица.

Предложив мне руку, легонько улыбнулся Алан Лонгер.

— Вы очаровательны, — с прохладой в голосе сказал он.

Оттого, что я оказалась с этим человеком вот так близко, в груди пугливо сжалось само сердце. Мне надо принять его руку? Я должна?

На нас обращены взгляды, и я понимаю, что оказалась в той ситуации, когда отступать некуда. У меня нет права на грубость, только не здесь...

Поджав губы, естественно и непринужденно укладываю свою руку на сгибе руки Алана Лонгера. За спиной взорвалась фотовспышка, за ней последовала новая. Закрыв мои пальцы ладонью другой руки, мужчина обернулся к репортерам, неминуемо увлекая меня за собой.

Я этого не хотела!

— Как зовут вашу спутницу, мистер Лонгер? — выкрикнул один из толпы. Сразу делает снимок.

— Как ваше имя, мисс? — кричит другой.

Репортеры, что сперва не обратили на меня внимания, теперь боролись за первенство сделать лучшую фотографию.

— Анна, — тихонько говорю я, когда вопрос повторился еще несколько раз.

Перевожу на Лонгера недовольный взгляд, а тот с усмешкой смотрит на меня сверху вниз.

— На этом все, господа, — властным тоном сказал Лонгер и, не выпустив моей руки, увел вглубь холла, к лестнице, куда репортерам вход уже закрыт.

И на том спасибо.

Тяну руку в попытке восстановить между нами дистанцию, но мужчина только сильнее сжал ее.

— Был уверен, что встречу вас здесь, — голос Лонгера звучит сухо и безжизненно. Настолько мертвым я не слышала его ни разу. — Собственно, в этом причина, почему я здесь. Вам это льстит?

— Мне все равно, — огрызнулась я. — Отпустите руку.

— Жаль, что не рассказали Джону о нашем маленьком приключении в стилпоезде, я был полон надежд сыграть на нервах Хэнтонна.

— Сейчас вы успешно играете на моих. Пустите!

Мужчина тихо рассмеялся и смех при этом слышится снисходительным. Не сразу, но Лонгер сделал так, как я потребовала.

Наградив мужчину злым взглядом, торопливо прохожу вперед. Приподняв подол золотого платья, поднимаюсь по лестнице и только в коридоре второго этажа оборачиваюсь, чтобы удостовериться наверняка — Алана Лонгера позади уже нет.

Теперь мне понятен странный интерес этого мужчины ко мне. Если нужно вывести Хэнтонна из состояния равновесия, нет ничего эффективнее, чем добраться до одной из его женщин.

Неподобающего отношения к Мелиссе Бауэр со стороны Лонгера ждать не приходится, но вот я — совсем другое дело. Со мной так можно.

Прислонившись к перилам второго этажа, с усилием прогоняю дурные мысли и смотрю, что происходит внизу.

Банкетный зал как на ладони. В смешанном порядке по залу расставлены круглые столы, вся посуда на белых скатертях — зеленого цвета. Даже на серебряных вилках есть россыпь из мелких крупинок изумрудного стекла.

Женщины в красивых платьях и дорогих украшениях, а мужчины в смокингах. Люди разговаривают, пьют шампанское и просто приятно проводят время.

Всматриваясь в интересные и бодрые лица, среди присутствующих нахожу Майкла Гроуза. На нем белый смокинг, зеленая рубашка и красная бабочка. Хочется немедленно спуститься и отругать его за этот ужас, но когда мужчина улыбается вот так бесподобно обворожительно как сейчас, забывается всякая критика.

Улыбка Майкла обескураживает, быть ее обладателем — настоящее преступление! У девушки в розовом платье, обществом

которой так увлечен Гроуз, нет шансов. Без сомнений, пройдет не так много времени и она с восторгом упадет в его объятия.

Что ж, с Майклом поговорю позже, когда он будет не слишком занят...

С любопытством смотрю на гостей торжества, и взгляд мой наткнулся на Мелиссу Бауэр, ее красное атласное платье выделяется на фоне менее ярких нарядов. Рядом с ней Клайд Коллинс.

Может, меня обманывают собственные глаза? Я смотрю пристальнее, надеясь распознать в мужчине другого человека, но обмана нет. Без сомнений, я вижу Клайда Коллинса. С бокалом шампанского он что-то говорит Мелиссе, а та с приятной улыбкой проговорила ему что-то в ответ.

В моей голове все перемешалось, и я решительно не понимаю, что происходит!

«Клайд столько знает обо мне...», — с ужасом подумала я.

Отвратительное и скользкое чувство страха закралось мне в самую душу, заполнило все мои мысли.

Опять смотрю на мужчину и снова убеждаюсь, что глаза меня не обманули, там внизу действительно Клайд Коллинс. Возникла волнительная дрожь. Усилием воли заставила отвезти от него взгляд.

Я зашла в уборную на этаже и плотно закрыла за собой дверь. Вглядываюсь в бледное напуганное лицо и безумный взгляд собственного отражения в зеркале. Неужели это я?

Кручу вентиль крана. Аккуратно, чтобы не задеть макияж, увлажняю лицо холодной водой. Потребовалась минута, чтобы вернуть прежнее самообладание.

Опять уставилась на свое отражение в круглом зеркале.

Слишком много потрясений для одного вечера!

Выдохнув, принимаю твердое решение покинуть вечеринку.

Вышла из уборной. С прямой осанкой быстрым шагом спускаюсь по лестнице и прохожу к гардеробу, но, прежде чем забрать вещи, прошу служащего подать мне машину.

Женщина за стойкой гардероба ждет, когда я вручу ей номерок, которого у меня нет.

«Лонгер сдал мою накидку, но номерок не отдал», — вспоминаю я.

Найти Алана Лонгера и спросить с него свой номерок — это разумный шаг, но нутром чую, что эта самая неудачная идея, которую стоило бы воплощать в жизнь.

— Анна?

У меня сердце замерло, когда встретилась взглядом с синевой глаз Клайда Коллинса. В нескольких метрах от меня мужчина кажется удивленным, но не слишком. Улыбнулся мне, а в ответ мой взгляд стал еще более хмурым, чем был до этого. Резко развернулась и, позабыв о накидке, умчалась к выходу. Служащий торопливо открыл передо мной дверь, и каждой клеточкой тела я почувствовала дыхание ночи зимнего Данфорда.

С небес сыпется снег.

Уверенно шагаю по все еще зеленому ковру. Со всех сторон ослепили фотовспышки. Слышу возгласы репортеров вперемешку с обезумевшей толпой. Я надела маску невозмутимого покоя и заперлась внутри себя. Ничего не вижу, кроме открытой дверцы темного такси, ничего не слышу, кроме взволнованного биения собственного сердца.

Села в машину, закрыла дверь, но такси осталось стоять на месте. Поднимаю взгляд на водителя, а он смотрит куда-то в сторону.

— Джентльмен с нами? — спрашивает он.

Растерянная, проследила за его взглядом и в этот самый момент дверь распахнулась и в темный салон рядом со мной сел Клайд Коллинс.

У него обеспокоенный взгляд.

— Выходи из машины, — требую я.

— Я не уйду, — спокойно заявил Коллинс. Всмотривается в мое злое лицо. — С тобой что-то не так.

Позади раздался нетерпеливый гудок автомобиля.

— Пора освободить место, — устало говорит мне водитель. — Джентльмен едет?

Взгляд Коллинса очень упрямый. Требовать от него что-то сейчас бесполезно.

— Да, едет, — отмахнулась я и машина тронулась.

— Где твоя одежда? — спрашивает Клайд, снимает с себя пальто и молча накидывает его мне на плечи.

— В гардеробе, — хмуро отозвалась я.

Пустым взглядом я уставилась в окно, чувствуя на себе его взгляд. Больше Клайд Коллинс ни о чем не стал меня спрашивать и остаток пути мы провели в тишине. В напряженной и удушающей.

Когда машина остановилась, мужчина последовал за мной.

Я хотела накричать на Клайда, но на холоде улицы выяснять отношения в одном только платье — достаточно глупая затея, ведь когда машина остановилась, я бескомпромиссно вручила Коллинсу его пальто.

— Уходи, — на ходу оглянулась я через плечо и через холл направилась к лифту.

Выжимаю круглую кнопку, двери расступились и Коллинс вошел следом за мной. Когда лифт пополз вверх, серьезным голосом Клайд спросил:

— Почему ты сердишься?

Лифт остановился, двери с лязгом расступились, но я по-прежнему в нем.

— Я верила тебе... — заглянув ему в глаза, с упреком говорю я. Хотела сказать с презрением в голосе, а на деле получился хрип раненого животного.

Взгляд Коллинса стал сосредоточено острым. Я сразу вышла из лифта и направилась к квартире. Со злостью распахнула дверь, но не успела ее вовремя закрыть — Коллинс ладонью придержал ее и вошел внутрь.

— Что ты делаешь? — удивленно уставилась я на мужчину.

— Я хочу понять, что с тобой случилось, — говорит Клайд, тихонько закрыв за собой дверь.

— Что случилось? — опешила я. Еще немного, и задохнусь от гнева. — Ты лгал мне. Вот что случилось!

— В чем я тебе солгал?

Начинает болеть голова.

У ярости есть предел?

— Что вы задумали? — очень сдержанно потребовала я.

— Вы? — не понял Клайд. У мужчины получается очень убедительно изображать недоумение.

— Ты и Мелисса Бауэр, — с трудом изрекла я, а из глаз покатались первые слезы бессильного гнева. — Ты и она... вы вместе.

Взгляд мужчины стал мягче.

— Виктория...

— Что вы с ней задумали? — перебила я, упрямо повторив свой вопрос.

Мужчина протягивает ко мне руки, а я строго предупреждаю:

— Тронешь меня, и я ударю!

Коллинс все равно мягко берет меня за запястья и ровным голосом просит о спокойствии, что окончательно выводит меня из состояния равновесия.

Я бы предпочла очередную вспышку гнева, а вместо этого возникло чувство, будто на меня рухнул мир. Руки сразу опустились.

— Это простой вопрос, — выдохнула я, опустив глаза. Грудь часто вздымается, из глаз чаще скатываются предательские слезы. — Какая я глупая!

— Виктория, — тихо и протяжно зовет Коллинс. Он хочет, чтобы я подняла глаза, но взгляд мой упрямо обращен в пол.

Я говорю что-то еще, но звуки только отдаленно напоминают слова, когда силюсь понять, что со мной происходит, в голове вдруг что-то приступило к разрушению.

— Невообразимо глупая... — опять заговорила я, в сочетании звуков узнав что-то новое. Или я вспоминаю хорошо забытое старое?

Мозг будто воспалился. Слова бессвязным потоком вырываются с моих губ, потому что в голове творится полный хаос. Как странно чувствовать одновременно гнев и бессилие, раздражение и покой, страх и безразличие. Я близка к тому, что сознание меня вот-вот оставит. В ловушке собственного помешательства продолжаю слышать голос Коллинса — он звучит очень тихо.

Постепенно дыхание выравнивается. Перестаю чувствовать время, кажется, оно замедлило темп и в какой-то момент вдруг остановилось. Ничего не слышу и ничего не вижу. Мои эмоции растворились, все до единой, а мысли — как большой запутанный клубок, который мне совсем не хочется распутывать.

Чувствую себя яйцом. Меня швырнули о стену, скорлупа разбилась, и я медленно стекаю по стене... Что за бред?

— Виктория, — вздрагиваю от щелчка пальцев у самого уха и тут же возвращаюсь в реальность.

— Что ты со мной сделал?

У доктора Коллинса очень внимательный взгляд. Вокруг тишина.

Осознание случившего привело меня к новой вспышке гнева, и я с силой ударила его ладонью по лицу. Для мужчины моя выходка стала неожиданностью. Признаться честно, для меня тоже.

Я опешила, а Клайд, поджав губы, смотрит с упреком.

В какую-то секунду начинаю жалеть о том, что сделала, но вместо того чтобы извиниться, требую ответы:

— Что может связывать доктора психиатрии больницы Данфорд с Мелиссой Бауэр?

— До сегодняшнего дня я не был знаком с мисс Бауэр, — спокойно произнес Коллинс. — Почему ты видишь в этом опасность?

— От кого ты получил приглашение? — не унимаюсь я.

Мужчина странно смотрит на меня.

— У тебя со сном все хорошо?

— Что? — не поняла я.

— Сон, Виктория. Головные боли?

— Это не сеанс психотерапии! — злюсь я.

— Нет. Мы просто разговариваем.

Да он издевается!

— У меня нет паранойи, — твердо заявила я. — Никакой мании преследования, вселенского заговора и прочей ерунды. Но у Мелиссы Бауэр есть причины желать мне зла, и то, что я нашла тебя в ее обществе, безумно меня пугает. Ты знаешь обо мне слишком много, Клайд, и если ты с ней заодно, то... мне даже страшно подумать, чем для меня обернется ваш союз.

Спиной уткнулась о спинку стула, опустив в пол беспомощный взгляд. В голову лезут неприятные мысли, и все они вмиг разлетелись по самым дальним уголкам сознания, когда на оголенных плечах возникло тепло его рук.

— Я плохо представляю, что произошло между тобой и мисс Бауэр, но поверь, я ни в чем перед тобой не виноват. Я дал тебе слово и никто не заставит меня его нарушить, — обещает Коллинс. Поднимаю к нему взгляд. — Не сомневайся во мне, ладно?

Какая-то сила принудила меня поверить в эти слова. Я робко кивнула, и взгляд его медленно опустился к моим губам.

Смотрю на мужчину из-под опущенных ресниц, мое дыхание становится прерывистым. Когда тяжелые веки опустились окончательно, его лоб мягко соприкоснулся с моим, и кончиками носа

мы будто случайно коснулись друг друга. Чувствовать его дыхание на своих губах — это как пытка, терпеть ее невозможно и мои губы с ленивой медлительностью коснулись его лица.

Нежность нашего поцелуя, подобно касанию бабочки, едва уловима и непорочна. Мимолетна...

Но ведь это тоже пытка!

Чувствую, как длинные пальцы Коллинса зарылись мне в волосы, другой рукой мужчина крепче притянул меня к себе за талию. Мой рот раскрылся, и поцелуй стал таким, каким он должен быть, когда мужчина и женщина невообразимо хотят друг друга, — глубоким и порочным.

Лицо Коллинса гладкое и приятное, а губы мягкие и нежные. Кажется странным при поцелуе не чувствовать терпкий вкус сигары...

У меня тяжелое дыхание, а сердце бьется так, будто сейчас вырвется из груди.

Рассудок в тумане и кажется, будто я действительно схожу с ума... Я могу остановиться, но не хочу этого делать — я вцепилась пальцами ему в рубашку, упиваясь невероятно желанным поцелуем, а когда он все же прекратился, мужчина губами коснулся уголка моих губ и с нежностью заглянул мне в глаза.

— Виктория, — шепчет он.

Губами коснувшись его острого подбородка, тихонько и с некоторой тоской изрекла:

— Клайд...

— А я Джон.

Мой взгляд метнулся к входной двери, уткнувшись в холодную сталь серых глаз. Теперь мое сердце тонет в пятках.

— Джон Хэнтон, — не скрыв своего удивления, произнес Клайд.

— Он самый. Вы? — смерив его недобрым взглядом, требует Джон, и Коллинс медленно-медленно выпустил меня из объятий.

— Клайд Коллинс.

— Очень хорошо, Клайд Коллинс. Вам лучше уйти.

— Иди, — тихонько говорю я, не в силах отвести от Хэнтонна глаз. Но Клайд остается на месте. Беспokoясь о самом Коллинсе, умоляю его:

— Прошу тебя, уходи...

Жест не остался незамеченным, и пытливый взгляд Джона метнулся ко мне. Вижу, как крепче сжалась челюсть на его хмуром лице.

— Ты можешь пойти со мной, — сказал мне Клайд.

— Проваливай! — резко бросил ему Хэнтон, а я вздрогнула.

Всем своим видом показываю Коллинсу, что я никуда не уйду, и мужчина, выдержав тяжелый взгляд Джона, оставил нас с Хэнтоном одних. Ему пришлось это сделать.

— Я не потерплю любовника и, помнится, уже предупреждал тебя об этом, — холодным мрачным голосом сказал мне Джон.

— Все не так, как ты думаешь...

Устало тру перенощицу, как если бы секундой ранее на глазах были очки. Собираюсь с мыслями, а это непросто.

Хэнтон подошел неслышно и кончиками пальцев резво поднял мой подбородок вверх, вынуждая меня посмотреть ему в глаза.

— А как, дорогая?

У Джона очень решительный взгляд, похожий на тот, когда он заявил, что уволит Брюса Новака за мои ошибки. Похолодела сама душа, когда попыталась представить последствия этой.

Мое лицо красноречивее всяких слов.

— Не делай этого, — говорю я таким тоном, таким голосом и смотрю на Хэнтон таким взглядом... я в жизни никого так не умоляла о снисхождении, как умоляю его сейчас.

С раздражением высвободив мой подбородок и уперев руки в бока, мужчина смерил меня строгим взглядом.

— Я не хочу видеть мальчишку рядом с тобой. Никогда, — сказал Джон. — И не жди, что легко отделаешься, повторись подобное снова. Хоть намек, Анна, крепко возьмусь за обоих! — предупреждает он.

Кивок получился нерешительным. По взгляду Джона понимаю, он это запомнит...

Проклятие!

Хэнтон ничего не должен был увидеть! Он не так часто бывает в квартире, но по скверной воле случая мужчина появился здесь в самый неподходящий момент. Хорошо, он не придает увиденному слишком большого значения. Клайд для него... просто мальчишка.

— Виктория? — вдруг бросил Джон, а мой взгляд удивленно метнулся к нему. — Все еще используешь это имя, зачем?

— Оно мне нравится, — не сразу изрекла я.

Что будет, когда Хэнтон узнает, кто такой Клайд Коллинс? Призадумалась, в воображении получилась очень мрачная картинка. Совсем мрачная.

Полагаю, не встречаться с доктором не такая плохая идея, прежде всего, в интересах самого доктора. Особенно теперь.

Я в смятении.

Меня потрясает не поведение Коллинса, а мое собственное.

Зачем я это сделала?

Я испытываю чувства к Клайду? Определенно нет!

То, что произошло, оказалось внезапным порывом, необъяснимым желанием.

Впрочем, желание к этому мужчине вполне можно объяснить. Необъяснимым остается мое поведение. Почему я позволила этому случиться, когда в моих силах было все остановить?

Джон ушел в соседнюю комнату. Судя по всему, на какое-то время он намеревается остаться здесь. Я могла бы возразить ему, ведь мои условия все еще остаются в силе, но я ничего ему не скажу. Не сейчас.

Поставила на стол кружку, насыпала сахар и бросила немного листьев чая, залив все кипятком. Чай должен меня хоть немного успокоить.

Уперев ладони в края столешницы, жду, взглядом уткнувшись в пустоту.

Клайд — единственный человек в моей новой жизни, кто знает обо мне больше, чем кто-либо другой. Единственный, кто продолжает называть меня настоящим именем! Для меня это очень важно.

Вот истина, что толкнула меня в объятия неожиданного любовника, ведь его нежность была обращена ко мне — Виктории. Анны Стоун с нами не было.

Я люблю Джона Хэнтон больше, чем могу признаться себе самой. Но когда этот мужчина называет меня Анной, я чувствую себя так, будто я, Виктория, остаюсь где-нибудь позади после Мелиссы Бауэр и своего двойника.

Любить мужчину, что принадлежит другой женщине, а в постели с тобой этот же мужчина принимает тебя за кого-то другого — это больно.

К началу недели в прессе появились заголовки о минувшем приеме в комплексе «Зеленый бриллиант». Событию отведено несколько страниц с крупными черно-белыми фотографиями кинозвезд, политиков, певиц. На одном таком фото есть и мое изображение, стоящей под руку с Аланом Лонгером. У меня на лице смущенная улыбка. Не гримаса отвращения, уже неплохо. Хотя передумала! Гримаса отвращения было бы что надо.

Закрываю газету и отбрасываю ее в сторону. Этот вечер запомнится мне надолго.

Отпиваю глоток уже остывшего чая, и мысли мои обращаются к Мелиссе Бауэр. Даже если Клайд и вправду стал знаком с ней только в тот вечер, в случайность их встречи я не верю все равно.

Не верю в такие совпадения!

Если предположить, что Мелиссе много месяцев ничего не было известно о нас с Хэнтоном, тогда что задумала эта хитрая, умная и очень опасная женщина теперь, когда узнала правду? Хорошо, если она намеревается только проучить, но что, если в ее планы входит и вовсе убрать меня с дистанции?

Если ей известны события, что связывают меня и Клайда Коллинса, то как она намерена распорядиться этой информацией? Собирается опорочить мою репутацию в глазах общественности? Хорошо, если так, но что, если в ее планы входит вернуть меня в психиатрическую больницу Данфорда?

По коже побежал холодок при этой мысли.

А может, она хочет помешать моему разводу?

Глава 19

24 марта 1957 г.

Я много думала о предстоящем слушании, представляла, как будет все выглядеть и происходить, кто и что будет говорить. Такие размышления — часть работы любого юриста, чтобы предугадать каверзные вопросы оппонента, обдумать и подготовиться к ним заранее. Думать об этом — уже привычка перед началом любого слушания, даже если в этой реальности я обычный человек и у меня есть адвокат, который должен обо всем позаботиться за меня.

Я надела кремовое платье и бежевые туфли, украшения из мелкого жемчуга завершили образ настоящей леди.

Я всегда волнуюсь перед началом любого слушания, но сегодня с моими нервами творится что-то непостижимое, не могу унять мелкую дрожь в руках, а рассудок словно в тумане. Не могу сосредоточиться ровным счетом ни на чем, потому что я — истец, как никто другой заинтересованный в исходе дела.

На часах без десяти десять. Я накинула на плечи тонкое пальто и вышла в утреннюю прохладу улицы. На той стороне дороги припаркован роскошный черный автомобиль. «Империя», серебристыми буквами выложено под водительским окном. На месте водителя вижу Патрика Джеферсона. Мужчина в темном сером костюме, у него на шее завязан синий галстук. Аккуратно причесан.

— Это ваша машина? — удивляюсь я, опустившись в светлый салон.

Джеферсон кивнул. Пока мужчина выруливает с места парковки на дорогу, смотрю на него с загадочной улыбкой.

— Так же как и вы, я люблю вещи попроще, — припомнил он спор по поводу моей одежды. — Но «проще» — иногда стратегически неправильное решение.

Машина проехала переулками к Восемнадцатой западной улице, свернула по сомнительной объездной дороге и сейчас выворачивает к Центральному судебному комитету Данфорда. Уже издали вижу толпу репортеров у парадных ворот.

Серьезно спрашиваю у Джеферсона:

— Есть что-то, к чему мне следует быть готовой?

— Репортеров немного, но, чтобы взять в окружение, стервятников достаточно. Не отвечайте на их вопросы, просто идите вперед, — Патрик вопрошающе взглянул на меня. — Справитесь?

— Да.

Машина приблизилась к зданию суда. С криками и гамом автомобиль сразу окружили люди в шляпах с короткими полями: репортеры кричат что-то, но я успеваю расслышать только обрывки фраз. Фотокамеры вплотную вжимаются в стекло автомобиля. Взрываются вспышки.

Меня затрясло. Взглянув на Патрика, вижу, что он совершенно спокоен.

В моей реальности журналистика имеет хоть какую-то форму цивилизованности, чувства такта, что ли. Здесь же действительно стервятники, их ничто не остановит, раз уж видят цель. Почти ничто.

Несколько крупных джентльменов в синей форме растолкали толпу репортеров, обеспечив нам с Патриком возможность выйти из автомобиля.

Охотники за лучшим фотоснимком почти залезли на шею молчаливым служителям закона.

— Всего один вопрос, мистер Джеферсон! — кричит один.

— Миссис Стоун! Сюда!

Я сразу обернулась на крик и на одно мгновение меня ослепила фотовспышка.

— Почему вы хотите развод? — кричит тот, у которого блокнот и карандаш в руках.

— Джеферсон... Каковы шансы на победу? — расталкивая толпу коллег, особенно навязчивый поспекает за нами.

— ... черный Хандрисон сорок девятого года. Конвортеры обеспечили коридор, и Патрик Джеферсон с подзащитной Анной Стоун беспрепятственно поднимаются по ступеням судебного комитета...

То был торопливый голос мужчины, что в прямом эфире вещает своим радиослушателям события, свидетелем которого оказался сам. В отличие от коллег, этот мужчина неподвижной статуей держится у самых дверей здания суда. Взгляд быстрый, оценивающий.

Служащих в синей форме с широким красным ремнем на поясе называют конвортерами, они обеспечивают порядок и безопасность. Двое из них пропускают меня и Патрика в здание суда, и мы проходим в просторный светлый холл с каменными Атлантами по обе его стороны, подобными тем, что удерживают небосвод.

— Почему не пропускают репортеров? — тихонько спрашиваю я Джеферсона.

— В зал суда пройдут некоторые из них, по разрешениям.

Конвортеры провели нас по длинному узкому коридору к залу суда. Под ногами поскрипывает старенький паркетный пол, над головой горят круглые лампы.

Часы над дверью в зал суда показывают без пятнадцати одиннадцать.

Конвортеры встали по обе стороны двери. Джеферсон идет дальше, а я поспеваю вслед за ним.

Впереди трибуна для выступлений, а сразу за ней судейская трибуна с пятью широкими стульями. Перед трибунами два стола для истца и ответчика, а в стороне, у самой стены, расположен небольшой стол с печатной машинкой для секретаря.

Все остальное пространство зала занимают стальные стулья со светлой кожаной обивкой, большинство из них уже заняты гражданским населением.

Впечатление такое, будто нахожусь не в зале суда, а в театре.

Сверху возник шум. Поднимаю подбородок и с любопытством наблюдаю, как репортеры именно вваливаются в узкий длинный балкон под самым потолком, поспешно занимая лучшие места. У каждого на шее большая белая карточка с номером. У многих за ухом карандаш.

Джеферсон отодвинул для меня стул, чтобы я смогла сесть за стол истцов.

— Ни о чем не волнуйтесь и помните, что говорить следует только тогда, когда я вам разрешу, — опускаясь на место рядом, сказал Джеферсон.

Несмотря на то, что заявление Тома поступило в судебный комитет первым, рассмотрению сегодня подлежит вопрос о разводе. Ведь необходимость рассматривать заявление Тома отпадет сама собой в случае, если мне удастся одержать победу в этом слушании.

Перешептывания в зале стали громче. Легонько обернувшись на шум — явилась сторона ответчиков. Том Стоун в дорогом зеленом костюме, коричневом галстуке и в светлых начищенных ботинках. Такой красоты я на нем еще не видела, впрочем, схожесть мыслей очевидна: на короткое мгновение мужчина задержал на мне свой взгляд, будто пытался убедиться, а я ли это.

Я первой увела взгляд, а Стоун свой снял с меня не сразу.

В зал суда вошли конвортеры, прошли вдоль зрительских мест и заняли ряд стульев позади судейской трибуны. У служащих бесстрастные выражения лиц и совершенно пустой взгляд, они чем-то напомнили мне британских гвардейцев. Хоть сальто выполни у них перед глазами, причем в одном только белье, они никак не отреагируют.

От гвардейцев меня отвлекли голоса откуда-то позади. Отчего-то дрогнули губы и сердце сбилось с ритма. Обернувшись по правую сторону своего плеча, в первых рядах обнаружив родителей Анны Стоун. Бенджамин Лоуренс знает о том, что я на него смотрю, но мужчина не желает встретиться со мной глазами, в отличие от Джинны Лоуренс. Женщина молчаливым осуждающим взглядом спрашивает меня: «За что ты так с нами?».

Мне жаль. Но это все, что я могу сказать этим людям, впрочем, уже говорила. Других слов у меня нет. Опустив взгляд, вернулась в прежнее положение.

Солнце беспощадно бьет в широкие окна, нагревая и без того душное помещение. Женщины обмахиваются веерами, блокнотами и прочими предметами, найденными в сумочках. Мужчины терпят и частенько покашливают, меняя положение на более удобное.

Послышались громкие шаги. Распахнулись двери, и в зал суда в сопровождении конвортеров прошли пять судей. Четверо из них в темных зеленых мантиях, а тот, что идет впереди шествия, председательствующий, в бордовой мантии. На головах судей серые парики.

Меня бросило в жар, оттого что опять возникло это странное чувство. Шествие приближается ко мне, и я отчетливее узнаю то ощущение, которое почувствовала в ресторане «Мистраль». Тот, кого я искала в лицах незнакомцев, был здесь.

Мужчины в мантиях заняли места за судейской трибуной.

Часы показывают без трех минут одиннадцать. Двери закрыты.

Участники процесса заняты последней подготовкой к слушанию.

Мужчина в бордовой мантии, председательствующий, уткнулся сосредоточенным взглядом в тоненькую папку с бумагами и кажется, совсем не ощущает того, что чувствую я. С очевидной заинтересованностью изучаю его внешность, его строгое лицо. Мои чувства не спокойны.

Я знаю, кто восседает на стуле председательствующего. Я знаю, кто сейчас передо мной. У меня столько вопросов!

Вздрогнула, когда Патрик вдруг потребовал от секретаря:

— Бога ради, откройте окна!

Женщина в строгом белом платье без промедлений выполнила требование Джеферсона, и сразу стала ощутима прохлада.

Облегченные выдохи волной пронеслись по залу. Начались перешептывания, с каждым мгновением они становятся громче.

Тишина воцарилась с гулкими ударами молотка председательствующего. По привычке я хотела встать, но вовремя остановилась, ибо в зале суда все сохранили положение сидя.

После соблюдения обязательных процессуальных процедур мужчина в бордовой мантии громко объявил:

— 24 марта 1957 года. Слушание по бракоразводному делу супругов Стоун объявляю открытым. Слово истцу.

После удара судейского молотка поднялся Джеферсон. Говорит громко:

— Патрик Джеферсон. Адвокат истца, — мужчина взял в руки фотографию со стола, собрался с мыслями и заговорил:

— Совсем недавно, только прошлым летом, Томас Стоун и Анна Лоуренс связали свои жизни брачными узами. С этим днем были связаны большие надежды о собственном доме, о семье и счастливой жизни, — поднимает большую свадебную фотографию над головой. — На этой фотокарточке Анна Стоун в день своей свадьбы! Судя по фотографии, она счастлива... Но! — вдруг воскликнул Патрик. Вкрадчивым голосом продолжил рассказ. — Уверяю вас, вы не узнаете женщину на фотографии в той, что находится по левую руку от меня. Она больше не улыбается, взгляд ее не сияет. Перед вами совсем другой человек.

Я понимаю, что Джеферсон говорит не буквально, но все равно стало тревожно.

Джеферсон говорит о надеждах, ожиданиях, большой и невероятной любви Анны к своему мужу, вскользь и таинственно упомянув, что счастьем не суждено было сбыться по вине самого Тома Стоуна.

— ...Совсем скоро мечты молодой женщины изменились, — говорит Патрик. — Сегодня ее надежды связаны только с одним желанием — освободиться от фамилии Стоун навсегда. Ей не нужны вещи, недвижимое имущество и деньги. Все, чего она хочет, — покинуть дом этого мужчины и никогда в него не возвращаться! Вы спросите, что произошло за закрытыми дверями семьи Стоун? Что такого могло случиться, что заставит молодую, полную любви и надежд женщину не найти другого выхода, кроме как собрать сегодня всех нас здесь? — громовым голосом говорит Патрик. А потом его голос стал низким и вкрадчивым:

— Два месяца супружеской жизни, господа. Только вдумайтесь, два месяца... Анна Стоун, — протяжно произнес Джеферсон, обращаясь при этом не ко мне лично. — Что с тобой случилось?

Судьи в зеленых мантиях увлеченные выступлением Патрика, терпеливо ждут продолжения. Взгляд председательствующего крайне внимателен.

В зале очень тихо.

— Измена! — взревел Джеферсон, пухлым пальцем указав на Тома.

Потрясенные выдохи и возмущенные возгласы наполнили зал. Стало очень шумно.

Председательствующий трижды ударяет молотком, но тишина не восстанавливается.

— Тишина! — прогремел председательствующий. Голоса тут же сменились шепотом. — Тишина! — опять повторил он, и публика смолкла окончательно.

Патрик продолжил:

— Измены начались сразу после заключения брачного союза. А как насчет того, что происходило до... — таинственно проговорил Джеферсон. — Будет ли считаться изменой связь Тома Стоуна с другой женщиной, пока его невеста выбирает свадебное платье, подбирает

торт и составляет список гостей к самому важному торжеству в ее жизни?

По залу прокатился новый возмущенный рокот зрителей. Вмешательство председательствующего не потребовалось. Джеферсон молчал дольше обычного, и публика притихла.

— Под предлогом рабочей командировки Томас Стоун оставляет новоиспеченную супругу и отправляется в Форклод. Не в Конектик, как объявил своей жене, он едет именно в Форклод! Почему в Форклод? В Форклоде живут супруги Лоуренс, может, он едет навестить тестя и тещу? Но зачем для этого потребовалось обманывать жену?

Джеферсон опять замолк. Даже я уставилась на него, в нетерпении желая услышать продолжение.

— Еще в Форклоде живет Шарлотта Хендриксон, — спокойно произнес Патрик. — «Кто такая Шарлотта Хэндриксон?», спросите вы. Подруга Анны и любовница Тома Стоуна!

Публика загалдела, а Джеферсон не остановился, говорит громче, чем прежде:

— По правое плечо у свадебного алтаря жених, а по левое плечо — его любовница! Какое лицемерие!

Публика возмущена. В зале стоят шум и гам, но я будто существую отдельно от всего этого.

Форклод?

— Тишина! — требует председательствующий под громкие удары молотка.

Картина того, что случилось с Анной, начинает проясняться, становится понятен весь ужас открывшейся перед Анной истины. Муж — изменник, подруга не подруга ей вовсе, а сама она вступила в бездну несвойственного ей распутства. Унижение... Моральные устои ее природы и образа жизни в целом разлетелись вдребезги, потеряв некогда четкие очертания, и последовала последняя стадия отчаяния — душевный крах. Бедная Анна.

— Шарлотта Хендриксон и Томас Стоун — отныне имена нарицательные в жизни Анны, изменники дружбы и любви, — Патрик вытягивает руку, предлагая на всеобщее обозрение черно-белые фотокарточки. — Вот доказательства! Томас Стоун и Шарлотта Хендриксон, здесь, на фотографиях!

Томас бледен, на висках проступила влага, ведь на фотографиях эпизоды откровенного содержания.

Секретарь принимает фотокарточки у Джеферсона и передает их председательствующему, едва взглянув на снимки, тот передает их остальным заседающим судьям.

— Несчастливая Анна Стоун, — продолжил Патрик. — Открывшаяся ей правда сбивает с толку. Что теперь делать? Жить, как прежде, будто ничего не произошло? Улыбаться мужу, готовить ему завтрак, убирать его дом и стирать его вещи? Нет! — категорично заявил Джеферсон. — Анна отправляется в Данфорд. Ей хочется быть где угодно, но только не в Гринпарке, как можно дальше от дома Стоуна! В Данфорде женщина меняет цвет волос, меняет стиль одежды. Она хочет выглядеть иначе, мыслить и даже говорить не так, как прежде. Зачем?! — Патрик дает публике передышку. Передышка нужна и мне тоже. — Насколько сильной должна быть боль, что в зеркале женщина не захочет видеть собственного отражения? Глядя в зеркало, Анна готова видеть кого угодно, но только не себя, потому что смотреть на себя — ту, что предали, ту, что обманули; смотреть на ту, что оказалась в ловушке жизни и обстоятельств... слишком больно. Перемены во внешности Анны Стоун — своеобразная попытка самообмана! Способ справиться с болью.

Дыхание Джеферсона становится тяжелым.

— В семье разлад. Наступает день, когда Томас Стоун поднимает на жену руку. Попытки удержать контроль силой не приводят Стоуна к ожидаемому результату, и он решается на крайнюю меру. Он оставляет жену в психиатрической больнице Данфорд. Три дня! — взревел он. — Анна Стоун провела в больнице только три дня и ее выписывают... потому что женщина здорова!

Последнюю фразу Патрик произнес особенно едко, направив публику к умозаключению о вопиющей несправедливости, произошедшей с Анной Стоун.

Эффект достигнут. За спиной возникли гневные перешептывания, а некоторые из судей рассматривают Стоуна хмурым взглядом.

— Чаша терпения переполнена, — продолжил Патрик. — Недолгому браку, возведенному на фундаменте любви, как верила в это Анна, пришел конец. Ей не нужны вещи и недвижимость. Уважаемый суд, моей подзащитной нужен только развод!

Мужчина выдержал недолгую паузу.

— Благодарю за внимание, — сказал Патрик. Возвращается на место.

В зале возобновился шум. Забормотала публика. Некоторые из судей тихонько перешептываются. А председательствующий...

Председательствующий впервые вот так прямо смотрит на меня. По его твердому, изучающему меня взгляду убеждаюсь: этот человек знает, кто я.

Он узнает меня так же, как я узнаю его.

Председательствующий вдруг поднял глаза и трижды ударил молотком. В зале возникла тишина.

Один из судей в зеленой мантии лениво приподнимает несколько пальцев вверх. Председательствующий дает ему слово. Судья с аккуратной белой бородкой на лице, перелистывая папку с делом перед собой, низким и спокойным голосом говорит:

— Адвокат Джеферсон, вы не представили суду доказательства, подтверждающие побои вашей подзащитной.

— Миссис Стоун боялась огласки внутренних семейных проблем, и эпизоды рукоприкладства остались не зафиксированы.

— Ответчик Стоун, — теперь судья обратился к Тому. — Случалось вам когда-нибудь поднимать руку на жену?

В тот же миг адвокат Берч склонился к Томасу и тихонько нашептал ему инструкции.

— Нет, — уверенно произнес Том, а меня охватила злость.

— А происходило ли что-то, что миссис Стоун могла ошибочно принять за побои?

«Что это за вопросы такие?» — мысленно возмутилась я.

— Я не знаю, что моя жена могла принять за побои, — спокойно отвечает Стоун. — Я бы не смог поднять на нее руку. Никогда, — Том посмотрел на меня. — Я люблю ее.

— Спасибо за ответы.

Председательствующий дает слово ответчику.

Айзек Берч поднялся с места. В окна бьет солнечный свет, и его это заметно раздражает.

— Уважаемый суд, свое выступление я начну не с повествования о том, какими были Томас и Анна Стоун. Моя речь начнется с Шарлотты Хендриксон, — его взгляд медленно перемещается по лицам судей. —

Ее дружба с Анной Лоуренс, а ныне Стоун, началась еще в далеком прошлом. Одна улица, два соседских дома, одна школа, один колледж... Достаточно крепкая дружба, но такая дружба имеет определенные последствия. Девушки очень много времени проводят вместе, вместе гуляют по улице, вместе ходят в кино и кафе, стоит ли перечислять все возможности? Достаточно сказать — вместе всегда.

Айзек Берч взял короткую паузу, а после заговорил опять. Тон его голоса стал тверже.

— Томас Стоун, очарованный восхитительной Анной, проводит с ней много времени, но... влюбленные почти никогда не остаются одни. Подруга Анны, Шарлотта Хендриксон, всегда рядом. Строгих нравов Анна и распущенная Шарлотта. Не он соблазнил мисс Хендриксон, а она его!

Публика заголосила, и председательствующему пришлось вмешаться. С несколькими ударами молотка порядок был восстановлен.

— Да, была совершена ошибка, и Томас отчаянно сожалеет о ней! — громко объявил Берч. — Томас Стоун незамедлительно делает Анне предложение стать ему женой, но прежде разрывает всякие отношения с Шарлоттой Хендриксон, — затем говорит с сожалением. — Но Шарлотта не согласна! А Томас не может рассказать Анне правду в страхе ранить ее чувства.

Вся аудитория молча следит за Айзеком Берчем и за ходом его мыслей.

— Мистер Стоун покупает дом в Гринпарке. Милый дом вдали от Форклода и от Шарлотты Хендриксон. Разве стал бы мистер Стоун устраивать семейный очаг за три тысячи миль от Форклода, если всерьез был заинтересован во встречах с ней?

Оглядев присутствующих многозначительным взглядом, Берч продолжил:

— Накануне свадьбы Томас говорит девушке, что, несмотря на приглашение Анны, мисс Хэндриксон — нежеланный гость на свадьбе. Да, резко! Да, жестоко! Но необходимо... — Берч поднимает над головой желтый лист на всеобщее обозрение. — Мистер Стоун сообщает мисс Хендриксон о полном прекращении их отношений не по телефону и не лично, а телеграммой!

Секретарь принимает бумагу у Берча и предоставляет суду, затем дает возможность ознакомиться с ней мне и Джеферсону. На желтой странице, заляпанной чернилами пишущей машинки, значится следующее:

«Адрес: город Форклод, Лоуклау 14. Шарлотте Хендриксон лично в руки. Шарлотт, все должно закончиться. Я не хочу видеть тебя на своей свадьбе. Я не хочу видеть тебя в своем доме. Никогда». А ниже штамп службы, удостоверяющий подлинность текста письма.

Мой взгляд зацепился за название улицы «Лоуклау», а затем словно в лихорадке всплыли слова Берча: «подруги детства», «два соседних дома» и в ту же секунду я вспоминаю дом родителей Анны за номером 13.

Мне припомнились разорванные фотографии в альбоме.

Когда мне стало известно, что у Тома есть любовница, я догадывалась, что ею могла быть подруга колледжа, та, что на снимках. Но я и подумать не могла, что все вот так грустно...

Я считала, Анна вернулась в дом родителей за их поддержкой и теплом родных стен, но, быть может, она приехала к Шарлотте... И что потом?

Очень сильно болит голова.

Выходит, соседский парень, с которым изменила Анна — родной брат Шарлотты.

Мои размышления прервал холодный голос Берча:

— Несмотря на письмо Тома, Шарлотта приезжает на свадьбу. Анна не подозревает о коварстве подруги, для нее Шарлотта Хендриксон — желанный гость. За молчание девушки Томасу приходится идти на сделку с этой опасной женщиной, — говорит Айзек Берч. — Мисс Хендриксон не глупа. Стоун женат и ей принадлежать уже не будет. Она понимает, что в сложившейся ситуации придется смириться и отступить, но взамен требует от Стоуна, чтобы тот провел время, отведенное для молодоженов, не с женой, а с ней... Высокая плата, чтобы эта женщина никогда больше не появилась в его жизни и в жизни Анны. Таковы были условия Шарлотты Хендриксон, — философски заключил адвокат Берч. — Случается непредвиденное, и миссис Стоун узнает о связи мужа с Шарлоттой и... молчит. Почему? Холодная и отстраненная, регулярно исчезая из дома, оставляет домашний быт в состоянии полного хаоса.

Томас, словно холостяк, вынужден самостоятельно готовить себе еду, приводить в порядок одежду... Миссис Стоун изменилась, а обеспокоенный супруг не знает причины.

Адвокат Берч берет в руки бумагу со стола:

— Это заявление мистера Стоуна о помещении жены в психиатрическую больницу Данфорда. Мужчина надел квадратные очки с большими линзами и зачитывает то, что изложено на бумаге:

«Ее странное поведение и мысли не оставляют мне возможности думать иначе. Моя жена нездорова. По-другому смотрит, иначе говорит, изменились осанка и походка, привычки и навыки. Изменился характер в целом. Жена стала жесткой, упрямой, решительной на безумства, что совершенно ей не свойственно. Совсем недавно мы обвенчались. По непонятным мне причинам она хочет развод». Это написано не только что! Здесь изложены аргументы, которые легли в основу нелегкого решения мистера Стоуна, — многозначительно заметил Берч. — Таким образом, уважаемый суд, не коварный муж упек несчастную жену в психиатрическую больницу, а озабоченный здоровьем жены супруг поместил ее туда.

В зале начались перешептывания. Председательствующий стукнул молотком по подставке, призвав к молчанию.

— Миссис Стоун обижена на поступок мужа? — продолжил Айзек Берч. — Безусловно. Но этого бы не произошло, признайся она мужу, что с ней происходит. Совместно они нашли бы способ справиться с последствиями семейной трагедии, зачинщиком которой является никто иной, как Шарлотта Хендриксон. Мистер и миссис Стоун приняли неверные решения и совместно должны преодолеть их последствия.

Высокий мужчина слегка развернулся к публике.

— Уважаемый суд, дамы и господа, считаю самым лучшим решением в столь деликатной ситуации дать супругам Стоун второй шанс обрести семейное счастье, — берет фотокарточку свадебного торжества в руки. — Взгляните на фотографию и вы увидите, Томас и Анна Стоун счастливы. Еще не поздно все поправить, но на это потребуется время.

Один из судей ненамеренно делает легкий одобрительный кивок.

— Благодарю за внимание, — сказал Берч и вернулся на место.

— Речь ответчика заслушана, — бесстрастным тоном проговорил председательствующий и ударил судейским молотком по столу. — У суда есть вопрос к ответчику. Адвокат Берч, прошу подняться.

У меня замерло сердце. Его голос — волнительное напоминание, кто передо мной все-таки восседает.

Поговорить с этим человеком с глазу на глаз и найти способ сделать это становится навязчивой идеей.

— Вы убеждаете суд, что в период брачного отпуска встреча вашего подзащитного с Шарлоттой Хендриксон была последней, — говорит председательствующий Берчу. — Тогда объясните изображенное на фотокарточках, выполненных детективным бюро намного позже этого периода, — председательствующий вскользь демонстрирует представленную Джеферсоном фотографию, где Томас держит в объятиях Шарлотту, далеко скользнув рукой ей под юбку. Самая невинная из всех представленных. Кроме любовников на фотографии изображен снимок газеты январского выпуска.

Берч говорит невозмутимо:

— После того как миссис Стоун выписали из больницы в октябре 56-ого, она продолжительное время не проживает с супругом и не поддерживает с ним связь. Психиатрическая больница также не дает информации о ее месте нахождения, ссылаясь на конфиденциальность в соответствии с законом. Полиция подтвердила правомерность отказа руководства больницы, — Берч задумался. — Прямо говоря, у мужчины есть потребности... и если бы жена оставалась рядом, подобного бы не случилось.

Выражение лица председательствующего остается бесстрастным, а вот по залу разносятся неодобрительные настроения.

— По вашему запросу психиатрическая больница Данфорд предоставила выписку из документации миссис Стоун, — задумчиво комментирует председательствующий изложенное на бумаге. — Есть информация об аренде квартиры, состоянии личного счета в банке Данфорд, на основании чего миссис Стоун освободили из больницы в сопровождении... юридического консультанта Джеферсона, — председательствующий резко поднимает глаза к участникам процесса. — Садитесь, адвокат Берч, адвокат Джеферсон, прошу подняться.

Патрик подчинился, деловито ухватившись за края пиджака.

— Из каких средств миссис Стоун поддерживала состояние своего счета и выполняла обязательства по выплате арендных платежей?

— Из средств, полученных в рабочей командировке в Юдеско.

— Если брать во внимание одни только средства, полученные миссис Стоун в Юдеско, выходит, до служебной командировки она не могла выполнять обязательства по арендным платежам. Адвокат Джеферсон, вы можете что-нибудь по этому поводу пояснить?

— Существуют неподтвержденные доходы.

Возникла тишина. Председательствующий недоволен уклончивым ответом Джеферсона. Некоторое время спустя переводит твердый взгляд на меня:

— Истица Стоун, прошу подняться.

Выполняю требование председательствующего. Сверху взрываются фотовспышки.

— Тот же вопрос.

Меня спонсировал Джон, и я хочу об этом заявить прямо и открыто. Мои мысли, несомненно, отразились на лице, потому что Патрик отрицательно качает головой. Взгляд очень строгий.

Казалось бы, измена по обе стороны супружеской постели — безупречный вариант поставить точку. Ведь все так очевидно.

Сам председательствующий уже давно во всем разобрался...

— Мне нужен совет адвоката, — заявила я.

— Разрешаю.

Едва я села на стул, Патрик, склонившись к самому уху, тихо заговорил:

— На кону репутация Хэнтон и Мелиссы Бауэр.

— Я не назову имя.

— Тогда заявление будет бесполезно, — отрезал Джеферсон. — Если что-то пойдет не так, приоритет за вашей победой. Так распорядился Хэнтон. Но мы должны попытаться победить без его участия.

Выходит, Джон готов раскрыть свое имя, если того потребуют обстоятельства. Это очень приятная мысль.

— Вот почему вы не поговорили обо всем этом со мной заранее? — с претензией выдохнула я.

— У меня масса аргументов на этот счет.

Недовольно хмыкнув, поднимаюсь с места, громко заявив:

— Мне нечего сказать суду.

По залу прокатились разочарованные выдохи.

— Садитесь. Суд приступает к допросу свидетелей, — сказал председательствующий. Удар молотком. — Адвокат Джеферсон, приступайте.

— Благодарю, — сказал Джеферсон и вызывает к трибуне Стоуна.

Айзек Берч что-то шепнул Тому, и тот поднялся и неспешно подошел к трибуне.

— В январе вы встречались с Шарлоттой Хендриксон? — вопрос Джеферсона звучит как требование в приказной форме.

— Мой адвокат уже все сказал.

— Я слышал ответ мистера Берча, но мне нужен ваш.

— Анна ушла. Вот вам весь ответ.

— И вы решили связаться с той, что окончательно способна погубить вашу семью? — Джеферсону не нужен ответ Тома. Патрик сразу обращается к залу. — Супруги нет, поэтому мистер Стоун садится на стилпоезд и отправляется к мисс Хендриксон!

— Вы искажаете смысл моих слов... — попытался вмешаться Томас.

— Выходит, порыв разорвать отношения с Шарлоттой Хендриксон не столь решителен, как вы пытаетесь убедить в этом суд. Стоит супруге выйти за порог, и Том Стоун уже на пути к другой.

— Протестую! — вмешался Берч, но Джеферсона не остановить.

— Это доказывает, что для мистера Стоуна не изменится ничего! Этот мужчина продолжит изменять своей жене!

— Протестую! — опять проорал Берч.

Джеферсон обращается конкретно к Тому:

— Вас не устраивает наличие одной женщины в вашей жизни.

Признайтесь же, мистер Стоун.

— Необоснованные умозаключения. Я протестую!

— Протест отклонен, — спокойно произнес председательствующий под стук судейского молотка. В этот момент на председательствующего недоуменно покосились судьи в зеленых мантиях.

— Мистер Стоун, — уже спокойнее говорит Патрик, отдернув за грудки свой пиджак. — Как часто вы встречались с мисс Хендриксон со дня своей свадьбы?

Томас недолго обдумывает ответ, а затем сухо:

— Дважды.

— Вас подводит память, — уверенно заявил Джеферсон и поднимает скрытые бумагами фотокарточки. Говорит громко:

— Только за январь и первую половину февраля Томас Стоун изменил своей жене восемь раз!

По залу пронеслась буря.

Председательствующий ударяет молотком, призывая к тишине. Тишина достигается не сразу.

Патрик передает доказательства на обозрение суда и ответчикам.

«Браво мистер Джеферсон. Bravo!» — мысленно ликую я.

Джеферсон закончил допрос свидетеля, и аналогичное право перешло адвокату Берчу. Тот с невозмутимым видом приступил к допросу:

— Мистер Стоун, у вас есть работа?

— Да.

— Как вы распоряжаетесь зарплатой?

— Оплачиваю счета. Остальное предполагалось для семьи...

— У вас есть работа и вы несете деньги в семью. А что делает миссис Стоун?

— Ничего.

— Ничего — это очень много. Она готовит?

— Нет.

— Занимается домом?

— Нет.

— Она вообще находится в доме?

— Не всегда.

— И вам по-прежнему нужна Анна Стоун? — Айзек Берч изобразил замешательство, а Том без раздумий изрек:

— Да.

— Почему?

— Я люблю свою жену.

В искренность его слов можно даже поверить.

— Это невероятно, — изумлен Айзек. — Скажите, вам известно, зачем ваша жена ездит в Данфорд, пока вы трудитесь во благо семьи?

Том молчит. Голос Берча стал вкрадчивым:

— Или, точнее сказать, к кому?

По телу пробежал холодок.

— Протестую! — громко заявил Джеферсон, но он не успел обозначить суть протеста: раздался стук молотка и голос председательствующего объявил: «Протест отклонен».

— Я не знаю, — ответил Том. Голос его, казалось, лишен жизни.

— Вопросов к Томасу Стоуну у меня больше нет, — сказал Берч.

Патрик заговорил громко:

— После того как миссис Стоун узнала об изменах мужа ее пренебрежительное отношение к домашним обязанностям вполне оправдано! — заявил Джеферсон и вызвал к допросу следующего свидетеля:

— Кони Майклсон!

Послышался неспешный стук каблучков. Публика заерзала на своих местах, в любопытстве выгибая свои шеи.

— Представьтесь, — сказал председательствующий молодой женщине за трибуной. Я вижу только ее спину, но силуэт в целом кажется мне знакомым.

— Кони Майклсон.

— Чем вы занимаетесь, миссис Майклсон? — спросил ее Патрик.

— Я домохозяйка.

Джеферсон подошел к трибуне, доверительно заглядывая женщине в глаза. Дрожь в ее руках стала меньше.

— Расскажите суду, свидетелем какого события вы стали в вечер 7 сентября минувшего года, — мягко просит ее Джеферсон.

— Я живу по соседству с домом Стоунов, — сказала она. Голос женщины стал уверенней. — В тот вечер я вышла на кухню, чтобы выпить чаю, а потом... В окнах увидела, как мистер Стоун творит нечто непостижимое со своей женой.

— Что вы видели? — спокойно уточняет Патрик.

— Я видела как он проволока Анну по гостиной. Она сопротивлялась.

— Вы видели их лица, сможете описать их выражение? Какими были эмоции?

— Мне показалось, мистер Стоун был рассержен, а лица Анны я не видела.

— Так вам показалось или вы уверены, что видели именно то выражение лица Томаса Стоуна, каким вы его описали? — мягко

уточняет Патрик.

— Том был рассержен. Я уверена в том, что видела, — твердо ответила женщина, и я вдруг прониклась к ней уважением.

— Благодарю миссис Майклсон, к вам у меня вопросов больше нет.

Председательствующий предлагает продолжить допрос адвокату Берчу.

— «Мистер Стоун творил со своей женой нечто непостижимое», — повторил слова свидетеля адвокат Берч. — Не слишком ли сильно сказано для семейной размолвки, в которой муж немного грубее, чем следовало, взял жену за локоть?

— Утром я видела миссис Стоун. У нее на руке был синяк, — сказала Кони. Ее голос дрогнул. — В тот вечер Томас Стоун скверно обошелся со своей женой. У меня в этом сомнений нет.

— Но вы этого не видели, — с прохладой в голосе уточняет Айзек Берч.

Миссис Майклсон ответила не сразу:

— Нет, не видела.

— А ваш муж видел эпизод в гостиной или синяк на руке миссис Стоун?

— Нет.

— А вы рассказывали ему об этом?

— Нет.

— А вы рассказывали об этом кому-то еще?

— Нет.

— Интересно, — многозначительно изрек Берч. — Я не знаю женщины, что сумела бы смолчать о столь пикантной районной сенсации.

— Значит, вы обделены женским вниманием, — сказала Кони, и по залу прокатился смешок. Торопливо добавила:

— Свидетелем ужасной сцены я стала случайно. Считаю, это не мое дело и я не вправе говорить об этом кому-то еще...

— Но вы говорите об этом здесь.

— Рассказать о том, что знаю, суду, не то же самое, что распускать сплетни на улице.

— Как долго вы живете в Гринпарке? — сразу спрашивает Берч.

— Два года.

— И знаете всех соседей?

— Большинство.

— Вы встречаетесь с другими домохозяйками за чашечкой чая, при игре в покер или за просмотром телепередач?

— Да, — с некоторой степенью осторожности сказала Кони.

— Во время этих встреч озвучивались слухи о возможных побоях в семье Стоун?

— Нет.

Берч резко развернулся к судьям.

— Уважаемый суд, разбираясь в деталях столь деликатного дела, следует быть осторожным! Я убежден в искажении действительности в показаниях свидетеля, потому как не верю, что в маленьком городке Гринпарк никто не видел последствий побоев миссис Стоун, в то время как они якобы были, не верю в отсутствие слухов и сплетен. Не верю! К свидетелю больше нет вопросов. Благодарю за внимание.

Не дожидаясь разрешения суда, Джеферсон поднялся с места.

— Мистер Берч говорит о стереотипах. Миссис Майклсон — женщина порядков, не свойственных большинству, поэтому ее слова следует подвергать сомнению? Создать районную сплетню на чужой трагедии не в характере этого человека. Вмешаться в чужие дела ее заставило только чувство долга в помощи правосудию, — сказал Патрик. Обращается к свидетелю. — Спасибо вам за ваше время. К вам вопросов у меня больше нет.

Прежде чем уйти, молодая женщина слабо улыбнулась, безмолвно пожелав мне удачи. Я не знаю Кони Майклсон, но, похоже, с ней была знакома Анна.

— Прошу выйти к трибуне Бенджамина Лоуренса, — громко объявил Патрик.

Боковым зрением из-под опущенных ресниц я посмотрела на отца Анны. Я подумала, что меня впервые подводит зрение и мне нужны очки. Бен выглядит не так, как в начале слушания. Прошло несколько часов, а его лицо стало бледным и нездоровым.

— Представьте суду, — просит председательствующий.

— Бенджамин Лоуренс.

— Кем приходится вам истица? — теперь спрашивает его Патрик.

Бен ответил не сразу и очень тихо:

— Она моя дочь.

— По закону к алтарю свою дочь ведет отец, — обыденным тоном говорит Джеферсон. — Такая честь выпала и вам 29 июля 56-ого года.

Патрик встал подле трибуны, прямо перед Бенджамином и спрашивает его:

— Мистер Лоуренс, вы находитесь в зале с начала слушания. Теперь, когда вам многое стало известно, вы отдали бы свою дочь в супруги этому человеку?

— Нет, не отдал, — осторожно произнес отец.

— А теперь, когда у вашей дочери появился шанс расстаться с этим человеком, вы поддержите ее в этом решении?

— Нет, — не раздумывая, говорит Бен.

В зале начались перешептывания.

Взгляд председательствующего стал тяжелым. Он делает запись в своих бумагах и вновь обращает взор к залу.

— Ваш зять изменяет супруге, поднимает на нее руку и оставляет в психиатрической больнице. Он пренебрегает ею! Почему вы против того, чтобы остановить это? — Джеферсон закончил фразу уже под стук судейского молотка.

— Вопрос снимается. Свидетель Лоуренс, можете не отвечать, — сказал председательствующий.

— Тогда задам вопрос иначе, — объявил Джеферсон. — 29 июля 56-ого вы отдали свою дочь в жены Томасу Стоуну, и это была ошибка, которую вы не совершили бы, будь вам известно о том, что вы знаете сейчас. Тогда скажите, мистер Лоуренс, почему вы так категоричны в решении не поддержать развод сейчас?

На отца жалко смотреть. Плохо подбирает слова, тяжело дышит.

— Я не оправдываю Томаса... Накануне я говорил с ним. Он убедил меня, что любит Анну, дорожит ею и готов сделать все, чтобы исправить...

— Любит и дорожит Анной? В день их свадьбы он убедил вас в том же, — с мрачным сарказмом изрек Патрик.

— Адвокат Джеферсон, — строго предупредил председательствующий.

— Я убежден, что у этой семьи еще не все потеряно, — повторил Бен слова Айзека Берча и особенно мрачно проговорил:

— Больше мне сказать нечего.

Я разочарованно опускаю взгляд.

Бедный Бен, у меня сердце разрывается, когда смотрю на обстоятельства его глазами. Горячо любимая дочь им самим же отдана в жены чудовищу. На это можно злиться. Но что делать, когда доподлинно известно, ведь дочь не лучше!

Его просят поддержать мой развод? Может, он так и поступил бы, но в глазах отца Анна и Том достойны друг друга. В глазах Бена поддержать мой развод означает лишить шанса хоть на иллюзию счастливого будущего. Особенно после всего этого...

— У меня к вам больше нет вопросов, — холодно изрек Джеферсон.

Адвокат Берч от допроса свидетеля отказался. Все, что ему было нужно, свидетель уже сказал.

Если Джеферсон говорил с моим отцом прежде, чем вызвать его на слушание, знал его позицию и имел представление о характере его ответов, то зачем ставить его в качестве своего свидетеля?

Следующим свидетелем Джеферсона стала Джина Лоуренс. Женщина поспешно вышла к трибуне. Вокруг глаз у нее затемнения, закрасить которые до состояния «бесследно» косметика не помогла. Она исхудала и теперь выглядит как женская копия Берча, только ниже ростом.

Джине Лоуренс Патрик задал, по сути своей, те же вопросы, что и Бенджамину. Вот только стратегия поменялась. Сперва он спросил о ее чувствах к дочери, подвел к эпизодам прошлого из далекого детства — в итоге женщина не сдержала слез. После чего Патрик спросил ее, готова ли Джина поддержать развод, чтобы я, Анна, опять стала счастливой.

Перемены в Джине Лоуренс меня поразили. Только что женщина с нежностью и теплом говорила о дочери, а теперь, когда Патрик задал конкретный вопрос, от этой женщины вдруг повеяло холодом. В отличие от отца, мать твердо и хладнокровно заявила, что на развод своей дочери не согласна. Объяснять причины она отказалась.

У Джеферсона закончились свидетели, и наступила очередь Берча.

Мужчина поднялся с места. Обратив на меня свой взгляд, вызвал к свидетельской трибуне.

— Анна Стоун, — говорю я, не дожидаясь вопроса председательствующего.

— Адвокат Берч, приступайте, — разрешил мужчина в бордовой мантии.

— В октябре 56-ого вас выписали из психиатрической больницы Данфорд. У вас есть договор аренды квартиры, у вас есть личный банковский счет с нужным остатком и вы беспрепятственно уходите из больницы, — Берч обернулся, обращаясь точно к председательствующему. — 120 000 баллионов, уважаемый суд, постоянный остаток на счету миссис Стоун! При любых расходах сумма возобновляется. Всегда.

На лице председательствующего не дрогнул ни один мускул.

Айзек Берч опять смотрит на меня, с удушающим холодком в голосе говорит:

— Кто обеспечил для вас квартиру, средства к существованию и дорогого адвоката, миссис Стоун?

— Друг, — просто и уклончиво говорю я.

— Друг, что вот так просто готов вам предложить сотни тысяч баллионов?

— В Юдеско мне предложили шестьсот тысяч, — спокойно говорю я. За трибуной чувствую себя уверенно. — Совершенно очевидно, я вселяю в людей энтузиазм решать мои финансовые проблемы.

По залу прокатился слабый смешок. Адвокат Берч юмор не оценил.

— Кто ваш любовник? — прямо спрашивает он.

— Протестую, — взвыл Джеферсон.

— Протест отклонен, — отрезал председательствующий. — Стоун, отвечайте на вопрос.

Смотрю председательствующему прямо в глаза — этот взгляд требует от меня ответа. Судьи в зеленых мантиях недоуменно переглядываются.

Председательствующий должен был принять протест, но не сделал этого. Он вытягивает из меня имя.

— Мистер Берч, если вы подозреваете меня в неподобающем поведении, предлагаю представить доказательства, аналогичные тем, что представил суду мистер Джеферсон, — подразумеваю я разоблачающие фотокарточки.

Уверена, взгляд у меня категоричен, прямого ответа адвокат Берч от меня не добьется. Он сам это понимает.

Айзек Берч обращается к судьям.

— Мною был выполнен запрос в банк Данфорд на раскрытие счета, с которого поступали средства на счет миссис Стоун, — выразительная пауза, и Берч поднимает со стола лист бумаги. — Но получил отказ ввиду банковской защиты привилегированных клиентов.

Берч передает доказательство на ознакомление.

— Это значит, — продолжил Берч, — человек, что принял на себя бремя расходов миссис Стоун, — влиятельное и состоятельное лицо, и этот человек не Томас Стоун.

В зале громко зашептались.

— Тишина, — раздался стук молотка, и публика притихла.

— Назовем отношения между этими людьми — дружба, — говорит Берч. — Прошу задуматься, что будет с этой женщиной, когда дружба с состоятельным и влиятельным лицом вдруг окончится. А это непременно случится! Что тогда будет с миссис Стоун?

Смерив судей и публику таинственным взглядом, мужчина продолжил:

— Следует быть реалистом, разведенной женщине найти мужчину, готового связать с ней свою жизнь, будет непросто, тем более после всего этого, — Берч взмахнул руками, подразумевая слушание и все, что на нем было сказано. — Эта женщина вернется к отцу и матери? Хорошо, если так, но что, если эти достойные люди не примут блудное дитя обратно под родительское крыло? Что тогда будет с Анной Стоун? А я скажу вам, эта женщина... — длинным и тонким пальцем указывает на меня, — пополнит ряды подопечных социальной службы!

В зале опять зашептались.

— Но есть другой путь! — уже мягче говорит Берч. — Можно сохранить брак и дать этим мужчине и женщине шанс на счастливую семейную жизнь. Томас Стоун готов к этому.

Айзек Берч опустил на место, объявив, что другими свидетелями к допросу не располагает.

Я тоже вернулась на место.

— Молодец, — тихонько похвалил меня Джеферсон.

Судьи зашевелились.

— Допрос свидетелей окончен. Суд вызывает за трибуну представителя социальной службы, — сказал председательствующий и ударил судейским молотком.

К трибуне вышел мужчина с важным видом и внимательным взглядом. Мужчина широкий и невысокий, с сильно выпяченной нижней губой. Коричневый клетчатый пиджак на нем выглядит очень старым, а еще он ему заметно мал.

Джеферсон тихо выругался.

Беру карандаш и на листе рисую символ — «?». Показываю Джеферсону и по его недовольному взгляду понимаю ответ — за трибуной не наш человек.

— Представьтесь.

— Итан Форс, — сказал мужчина шепелявым голосом. — Третий заместитель руководителя социальной службы.

— Представитель опеки Форс, — говорит председательствующий, — учитывая все, что вы видели и слышали по ходу слушания, каково будет ваше особое мнение?

— Социальная служба выступает за сохранность всякого брачного союза, — говорит Форс. — Во-первых, развод — явление ненормальное и опасное для морального облика общественности. Во-вторых, миссис Стоун может оказаться в приюте. В-третьих, я соглашусь с мистером Айзеком Берчем, считаю, эту семью еще можно спасти и органы социальной службы готовы оказать для этого поддержку.

Итан Форс призадумался.

— Впрочем, ввиду услышанного, добавлю.... — взглянув на меня, мужчина смачно причмокнул губами. Я нахмурилась. — Если миссис Стоун вернется под опеку своих родителей, что ж, это решение я мог бы поддержать.

Патрик заметно расслабился.

Мне до конца не понятны правила игры, но, судя по всему, мнение социальной службы способно сильно повлиять на исход моего дела.

Наступила тишина.

Председательствующий поблагодарил представителя социальной службы и предложил ему занять место в зале, напомнив ему, что до конца слушания его присутствие в зале необходимо.

Таким людям, как Итан Форс, не положены никакие вопросы. Никто не протестует, не называет такое мнение правым или нет и тем более не оспаривает.

Следом был вызван представитель религиозной общины.

Легким пружинистым шагом к трибуне вышел мужчина с гладко выбритым лицом и зачесанными набок седыми волосами. На нем светлый серый костюм и начищенные до блеска туфли.

То был священник южного церковного прихода, этот человек выступал гораздо дольше своего предшественника. Говорил о священных узах брака и их нерушимости, говорил даже о добре и зле. Священник явно увлекся выступлением, позабыв, что он находится не в церкви, но никто не мог прервать его и попросить перейти сразу к делу, поэтому все в зале терпеливо слушали сорокаминутную проповедь отца Габриэля и только в конце этой проповеди наконец прозвучало то самое особое мнение:

— Много греха в этом браке, но я верю, в нем же найдется искупление. Я не поддерживаю развод между супругами Стоун и предлагаю им свою помощь в том, чтобы найти прощение в их сердцах и обрести Бога.

Некогда лениво распластавшийся на своих местах судейский состав и участники слушания заерзали на местах, принимая рабочие позиции. За спиной публики делает то же самое.

Председательствующий поблагодарил отца Габриэля за уделенное суду время. Священнослужителю позволено покинуть зал, но он остался.

— Суд заслушал истца и ответчика, судом заслушаны все свидетели, а также приняты во внимание особые мнения органов социальной службы и религиозной общины. Теперь суд обращается к сторонам по делу. Вам есть, что добавить по существу? Истец?

— Нет, ваша честь, — ответил Джеферсон.

— Ответчик?

— Нет, ваша честь, — ответил Берч, а Томас отрицательно качнул головой.

— Суд объявляет часовой перерыв. Слушание возобновится в 16:20, — председательствующий ударил молотком. Судьи всем составом поднялись с мест и покинули зал суда в сопровождении конвортеров.

Позади зашевелилась публика.

Откуда-то издалека слышу обрывок фразы: «... она улыбается. Серьезный расчет...». И тут я осознала, что действительно улыбаюсь. Поднимаю взгляд к балкону, репортер ведет радиовещание с места судебного заседания.

Эти люди, там наверху, в работе, ведут записи и зарисовки. Молодой парень, юноша, вдруг отвлекся и, затаив дыхание, смотрит на меня, а я на него. Парень поспешно переворачивает страницу альбома и делает зарисовку моего образа: я, глядящая на него снизу вверх.

Возникло несколько фотовспышек.

Спустя полминуты молодой художник делает легкий благодарственный кивок. Опускаю подбородок и встречаюсь со взглядом Томаса — он задумчиво оценивает меня. С моего лица спадает спокойная улыбка, и Томас тут же уводит взгляд.

— Закончили? — уставился на меня Патрик. — Идемте.

Я поспешно поднялась и пошла за Джеферсоном.

— Куда мы идем? — на ходу спрашиваю я.

— Поесть и успокоить ваши нервы.

По лестнице поднимаемся в сопровождении конвортеров. Эти суровые и строгие лица не допускают к нам репортеров, что допущены к присутствию на слушании.

На третьем этаже, за закрытыми дверьми, Патрик оставил меня в помещении, предназначенном для отдыха участников слушания. В дальней стороне комнаты шведский стол.

Долго думать желудок не позволил. С болезненным урчанием подталкивает к столу с разными вкусностями, и я не отказала себе ни в чем.

Как только присела за стол, появились Томас и адвокат Берч. Адвокат на меня даже не взглянул, целенаправленно двинулся к столу, а Томас с каменным выражением лица подошел ко мне.

— Надеюсь, тебе понравилось в психушке... — склонившись ко мне, холодно проговорил Том, а я не свожу с него осторожного взгляда. — Если тот, кто спит с тобой, вздумает вытащить из нее снова, просто помни — единственная дорога ведет в Гринпарк, ко мне. Думай, Анна, где твоя жизнь будет меньше походить на ад.

— Мистер Стоун, — зовет Берч. Всем видом дает понять своему клиенту: любые разговоры сейчас нежелательны.

Томас на мгновение задержал на мне взгляд тщеславия. Его цель не восстановить разрушенное, а мстить, уничтожив до конца то, что еще есть и живет в этом браке, — меня.

Глава 20

Час тянулся мучительно долго. Я имела возможность подумать о многом: о моей прежней жизни, о жизни настоящей и даже о будущем, которое делится на два четких направления — светлое и мрачное. Сейчас я на развилке этих путей и то, по какой дороге пойду уже завтра, зависит от этого дня.

Удар судейского молотка вернул меня в действительность. Я выпрямила спину и смотрю только на председательствующего.

— Истица Стоун, — непосредственно ко мне обращается председательствующий и у меня дрогнуло сердце. — Судейский состав считает возможным удовлетворить исковые требования и расторгнуть брак, но при условии: поскольку в ходе судебного заседания ваша финансовая самостоятельность была не доказана, решение в вашу пользу будет принято при условии, что обязательство опеки над вами возьмет лицо, отвечающее требованиям закона, — взгляд медленно переместился к моему адвокату. — Адвокат Джеферсон, вы занимались списком предполагаемых опекунов?

— Да, ваша честь.

— Адвокат Джеферсон, вам предоставлено право вызова, — председательствующий ударил молотком.

— Благодарю, ваша честь, — произнес Джеферсон. Поднялся с места, слегка обернувшись к публике:

— Мистер и миссис Лоуренс!

К трибуне очень медленно вышли родители Анны. Джина вцепилась в руку Бена, будто стоит ей только потерять связь с мужем, она рухнет без чувств.

Председательствующий внимательно смотрит на тех, кто вышел к трибуне, и очень четко проговорил:

— Мистер и миссис Лоуренс, вы готовы принять под свою опеку Анну Стоун?

— Нет, — резко бросила мать. Как будто эта женщина весь путь, что шла к трибуне, готовилась сказать это слово и вот, наконец, оставила тяжелое бремя.

Проходит некоторое время, а Бен, опустив взгляд, продолжает молчать.

— Мистер Лоуренс? — когда молчание совсем затянулось, председательствующий привлек внимание Бена к слушанию.

— Она наша дочь, — очень тихо проговорил Бен, обращаясь к жене.

Джина категорично мотает головой.

— Это неправильно, — говорит жене мужчина и переводит взгляд к судьям. — Я готов принять Анну под свою опеку.

В зале громко забормотала публика. После нескольких ударов молотком председательствующий обращается к Джине Лоуренс:

— Миссис Лоуренс, ваше решение окончательно?

— Да.

— Суд готов дать вам время обдумать до завтрашнего дня, — председательствующий поддался чуть вперед, а судьи в зеленых мантиях опять переглянулись.

— Мне не нужно... — поспешно и с тревогой выпалила женщина.

Не затягивая момент, председательствующий объявил:

— Решение принять опеку должно исходить от обоих супругов: если один не согласен, положительное решение другого супруга не может быть принято во внимание, — мужчина выдержал недолгую паузу. — Супруги Лоуренс отказали в опеке над Анной Стоун. Адвокат Джеферсон?

Патрик поднялся с места, оттянув края пиджака.

— На другой стороне улицы стоит темный «Прайд», — сказал он. — Уважаемый суд, прошу отправить конвортеров к машине для сопровождения на слушание Джона Хэнтон.

— Что? — не сдержался Том. Мужчина дернулся, но адвокат схватил его за запястье.

Публика заговорила в полный голос. Поднимается невероятный шум.

Сверху взрываются фотовспышки и их много.

— Джеферсон! Сюда! — кричит репортер.

— Повторите, мистер Джеферсон! Повторите имя! — кричит другой.

— Это возможно? — громко требует Томас, склонившись к своему адвокату.

Я не слышу ответ. Тишина в зале не восстанавливается, и никто из судей не торопится остановить все это. Председательствующий, о чем-то переговорив с коллегой в зеленой мантии, наконец поднял судейский молоток и под его стук потребовал порядка.

Когда наступила должная тишина, председательствующий вызвал конвортеров.

Позади судейской трибуны шестеро мужчин в синей форме поднялись с места, выстроились друг за другом и колонной прошли к судейской трибуне. Встали в ряд плечом к плечу, ожидая распоряжений.

— За нарушение порядка поведения в суде прошу вывести из зала представителей прессы за номерами 2 и 16, — сказал председательствующий.

Приподнимаю голову. К удалению определены те репортеры, что позволили себе выкрики.

На верхних рядах началась суматоха. Молодой репортер под номером 2 просит о снисхождении, а судья с силой бьет молотком по столу, призывая к порядку.

— Прошу сопроводить Джона Хэнтон в зал суда, — дал председательствующий конвортерам второе распоряжение.

Служащие выстроились в две колонны и покинули зал.

Определенные к удалению репортеры уже следуют к выходу, подчинившись требованию суда.

В задумчивости смотрю на Джеферсона. Мне сложно поверить, что все происходит именно так, как есть. Мне сложно поверить, что на это согласился сам Хэнтон.

Пока мой взгляд обращен к Джеферсону, чувствую на себе прямой взгляд Тома. Кроме него на меня смотрят много глаз, но его взгляд я чувствую особенно сильно.

Зал в ожидании уже десять минут.

Стоит тишина, и только размеренный ход больших настенных часов кажется очень громким. 16:55. День близится к концу, и солнце больше не бьет в окна зала.

За дверью послышался стук каблуков нескольких пар обуви, по мере приближения к залу шаги становятся громче.

Дверь открылась, и мое сердце будто остановилось.

Председательствующий, сложив руки на столе, вернулся в рабочий режим.

— Прошу занять место за свидетельской трибуной, — сказал он.

Сверху посыпались вспышки фотокамер, зал при этом остается непривычно тих.

Конвортеры вернулись на свои места, а Джон Хэнтон, преодолев две низкие ступени, поднялся к трибуне. На фоне угольно-серого костюма сталь его глаз обретает особый глубокий оттенок.

— Представьтесь, — говорит председательствующий.

— Джон Хэнтон.

— Джон Хэнтон, вы находитесь на судебном процессе, на котором слушается дело о расторжении брака супругов Стоун. Выслушав стороны и особое мнение представителей опеки и религиозной общины, суд считает возможным расторгнуть брак, но в силу финансовой несостоятельности истицы это возможно только под условием опеки, — уже громче председательствующий резюмирует главный вопрос. — Джон Хэнтон, вы согласны принять на себя опеку над Анной Стоун?

На вопрос председательствующего Джон ответил без сомнений:

— Да.

— Суд рассматривает кандидатуру опекуна в лице Джона Хэнтон, — сразу провозгласил председательствующий и ударил судебским молотком по подставке на столе. — Мистер Хэнтон, вы находитесь с миссис Стоун в родственной связи?

— Нет.

— В таком случае закон обязывает меня получить разъяснения о причинах, по которым вы намереваетесь взять на себя обязательство опекуна.

— Меня заботят ее жизнь и судьба. Такого разъяснения достаточно? — короткое выступление Джона больше походит на вызов.

Судьи делают записи, а строгий взгляд председательствующего уткнулся в Хэнтон. Истина не очевидна только глухому и слепому, причем одновременно.

Мы — любовники.

— Адвокат Джеферсон, — обратился к Патрику председательствующий. — Полагаю, выписка о состоянии банковского

счета, справка о годовом доходе мистера Хэнтон у вас уже имеются.

По залу прокатился смешок, ибо финансовая состоятельность Джона — факт очевидный.

Секретарь принял документы из рук Джеферсона и передал их председательствующему. Быстро изучив их, мужчина в бордовой мантии отложил бумаги в сторону и обратился прямо ко мне:

— Истец Анна Стоун, прошу выразить свое согласие или несогласие касательно кандидатуры опекуна.

— Согласна, — мой голос прозвучал очень спокойно, но вот сердце едва не вырвалось из груди.

— Представитель опеки Форс, прошу подняться и на месте высказаться касательно кандидатуры опекуна.

— Возражений нет, — мгновенно прошепелявил Форс.

Председательствующий объявил окончание слушания. Судьи в полном составе удалились в совещательную комнату без объявления перерыва. Это значит, что все присутствующие остаются на местах в ожидании возвращения судей.

Джон занял место для свидетелей сразу у меня за спиной. Патрик обернулся к Хэнтону, поприветствовав его коротким кивком. Я тоже обернулась.

Предельно серьезный, мужчина все равно ободряюще мне улыбнулся.

В зале очень шумно.

Сверху взрываются фотовспышки, публика смотрит только на нас. Они говорят о нас.

Томас сцепил руки в замок, уставившись в одну точку прямо перед собой.

За несколько месяцев мы прошли долгий и нелегкий путь, насыщенный низменными и ужасными событиями. Брак — дело непростое? И вправду, очень!

Брачный союз семьи Стоун был обречен на провал с первого дня своего существования, и, возможно, уже меньше чем через час, наконец будет разорван. Ошибка Анны будет исправлена, и мне бесконечно любопытно, что со мной будет потом?

Судьи вернулись из совещательной комнаты, едва миновало десять минут с момента их ухода. Никто не встает, а я даже не дышу. Абсолютная тишина.

Судьи заняли свои места, а председательствующий поднялся. Я хотела встать следом по былой привычке, но Джеферсон вовремя меня остановил. Председательствующий заговорил:

— По результатам слушания по делу о бракоразводном процессе семьи Стоун, суд принял решение расторгнуть брак, — удар судейским молотком.

Окончательное решение объявлено, и по-другому уже не будет!

С моих губ вырвался громкий выдох облегчения. Крепко сжимаю кулаки, сдерживая невероятно сильное желание закричать от радости.

Посыпались фотовспышки.

Зал эмоций не сдержал, нашлись те, кто даже счел уместным громко аплодировать, вызвав тем самым неодобрительный взгляд председательствующего.

Ударами молотка председательствующий потребовал тишины. Продолжил:

— С настоящего момента истица утрачивает право носить фамилию Стоун, в связи с чем ей возвращается фамилия отца — Лоуренс, — удар судейским молотком.

Я улыбаюсь.

— Суд принял решение в силу недоказанной финансовой самостоятельности Анны Лоуренс назначить ей опекуна в лице Джона Хэнтон до достижения ею 26 лет. Опекун назначен, — удар судейским молотком.

Все!

Я поднялась с места, не в силах унять мелкую дрожь в своем теле. Посмотрела на Томаса, а он в упор смотрит на меня, понимает, что выполнить данное мне мрачное обещание уже не сможет.

Мужчина быстрым шагом уходит из зала суда, а ему вслед кричат репортеры:

«Мистер Стоун!», «Томас Стоун, сюда!», «Том Стоун!».

Вслед за Томом спокойным размеренным шагом к выходу из зала направляется Айзек Берч.

Я смотрю на Джона, с усилием сдерживая порыв броситься ему на шею.

Я знаю, как нелегко ему было сделать то, что он сделал для меня. Моя благодарность к Хэнтону безгранична.

— Спасибо, — искренне благодарю его я. В ответ на любимом лице растянулась теплая и немного рассеянная улыбка, как будто мысли Джона где-то еще.

Патрик Джеферсон собрал бумаги. Закрыв свой дипломат, юрист поравнялся с нами. Коротко обменявшись поздравлениями, мы втроем под преследующими нас фотовспышками и взглядами решительным шагом направляемся к выходу из зала суда.

Родители Анны стоят в стороне от выхода и оба смотрят на меня так, будто впервые видят. В Форклоде я боялась найти на их лицах именно такой взгляд. Только теперь, в эту самую минуту, глаза их не передают иного чувства, только сомнение в том, кто я такая?

Нас сопровождают конвортеры. Суровые лица выстроились вокруг нас в полной готовности уберечь от армии репортеров.

Перед нами открылись центральные двери, и лицо овеяло дыханием вечерней свежести. Я шагнула на величественное крыльцо Центрального судебного комитета под вопли нескольких десятков репортеров — существенное прибавление к первоначальному их числу.

— Хэнтон, сюда! — кричит парень из толпы. Джон слегка повернул к нему голову, в приветственном жесте поднял ладонь. На мгновение Хэнтон оказался в эпицентре фотовспышек.

Репортеры кричат. Я слышу их голоса, но в этом шуме я ничего не могу разобрать. По примеру Хэнтона и Джеферсона ничего не говорю; держусь между ними и улыбаюсь.

Втроем мы остановились у машины Патрика, предоставив репортерам возможность сделать наши коллективные фотографии. Во время фотосессии толпа репортеров продолжает выкрикивать вопросы, большинство из которых сливаются в единый непонятный вопль.

Мужчины еще раз жмут друг другу руки, и Джеферсон опускается в салон своего автомобиля. Джон торопливо ведет меня к своей машине. Конвортеры разошлись только в ту минуту, когда я и Хэнтон оказались в салоне темного «Прайда».

Автомобиль окружен репортерами и их фотообъективами. Отовсюду вспышки и непрекращающиеся вопли. С некоторым потрясением смотрю на людей, кажется, еще немного, и кто-нибудь из них догадается запрыгнуть на крышу «Прайда».

— Махни им рукой, — рекомендует Джон, и я сразу поднимаю запястье. Улыбаюсь, предоставив репортерам возможность сделать хорошие фотографии.

«Прайд» очень медленно пополз к дороге. А когда репортеры, их голоса и фотокамеры остались позади, я впиалась в губы Хэнтон, обхватив ладонями любимое лицо. Ответная нежность не заставила себя долго ждать.

— Сэр, нас догоняют, — деликатно заметил водитель.

Секундами позже с нами поравнялась маленькая проворная машина. Молодой парень выбрался из окошка автомобиля, удерживая фотообъектив наготове, и жестко выругался, когда осознал, что сенсационный снимок сделать не успел.

Темный «Прайд» миновал небоскреб Хэнтон, промчался вдоль элитных районов города, оставив позади жилые кварталы. Машина пересекла границу частных владений, и теперь «Прайд» медленно движется по прямой грунтовой дороге к высокому белому дому.

Водитель открыл дверь для Джона, а тот в свою очередь помог из машины подняться мне. Мой подбородок сразу метнулся вверх, и я уставилась на трехэтажный белый особняк владений Хэнтон, принадлежавший когда-то его отцу. Он не так роскошен и грандиозен, как большинство особняков Данфорда, — этот меньше и скромнее — но все равно впечатляет. Первый этаж выше прочих, тяжелый карниз между первым и вторым этажами поддерживают четыре высокие колонны.

Жить теперь мне предстоит здесь.

В широких дверях дома появился мужчина в черном фраке.

— Мистер Хэнтон, — встречает дворецкий хозяина дома. — Мадам, — слегка склонив голову, приветствует меня он.

— Распорядитесь о легком ужине, — сразу сказал ему Джон.

Вступив на светлый мраморный пол в холле, я почувствовала, как сердце забилось чаще. Мебель здесь из темного дерева, на белых стенах большие картины, повсюду яркие персидские ковры. Поднимаю глаза к потолку — над головой небольшая люстра.

Джон провел меня через гостиную к столовой.

— О чем думаешь? — спрашивает он, заприметив мой легкий ступор.

Я медленно обхожу обеденный стол персон на пятьдесят. Провожу пальцами по блестящей лакированной мебели, смотрю по сторонам:

— Обедать здесь все равно, что в холле железнодорожного вокзала, — подразумеваю я размеры комнаты, наверное, самой большой в доме.

Я преувеличила, конечно, а Джон не скрыл улыбки.

— Я никогда не обедаю здесь. Идем, — сказал он, и я последовала за ним.

Хэнтон привел меня в небольшой округлый закуток при гостиной — уголок для завтрака с видом на сад. Так назвал это место Джон.

Без сомнений, здесь лучше.

Смотрю на мужчину, а он смотрит на меня. Вглядевшись в таинственный мрак немного уставших глаз, спрашиваю Хэнтона:

— Что тебя тревожит?

— Тебе не о чем беспокоиться.

— Ты жалеешь о чем-то? — все равно настаиваю я, и в глазах мужчины сверкнула сталь.

В ожидании ответа мне потребовалось усилие, чтобы не отвести от него взгляд.

— Рассчитывал, что моего вмешательства на слушании не потребуется, — прямо сказал он, а я вмиг почувствовала себя немного виноватой. — Но этого не случилось, и теперь мне предстоит столкнуться с проблемами, к которым я не слишком готов.

Хмурю взгляд.

— Мелисса?

Джон легонько кивнул. Когда я хотела говорить еще, мужчина всем своим видом показал, разговор лучше не продолжать. С очевидной неохотой поступаю так, как от меня просят.

На сад опустился сумрак: если приглядеться, то видно, как за окном сыпется редкий снег. У сада интересный рельеф: здесь, должно быть, очень красиво летом, когда цветут деревья и распускаются цветы.

Джон ждет меня у дверей гостиной, и я поспешила к нему.

В особняке Хэнтона везде горят лампы. Повсюду ходит прислуга, и я замечаю на себе их любопытные взгляды. С некоторым любопытством на этих людей смотрю и я.

Мне предстоит жить в этом доме. В его доме. Несколько лет.

У меня будет своя комната?

Вступившись за меня на суде, Джон подписался именно на это.

Я должна радоваться. Я победила в слушании и я свободна от Тома Стоуна! Я должна быть счастлива, но вместо этого мое сознание заполняет новое беспокойство.

Решение Хэнтонна неизбежно повлияет на его отношения с Мелиссой Бауэр, отразится на самой Мелиссе и ее репутации.

Что теперь сделает со мной эта умная и опасная женщина?

К чему мне следует быть готовой?

От этих мыслей стало не по себе.

Когда Джону сообщили о телефонном звонке, он ненадолго оставил меня. Смотрю Хэнтону вслед.

Размышляя о его поступке на слушании, я вдруг поняла истину, которая была неочевидна раньше. Стал бы Джон Хэнтон делать то, что сделал сегодня, ради любовницы?

Зная Джона, его характер, его принципы и привычки, уверена, что нет! Любовнице всегда принадлежит вторая роль. Быть любовницей — значит быть готовой, что твоими интересами, твоими чувствами и желаниями всегда пожертвуют в первую очередь, встань за мужчиной такой выбор.

За Джоном Хэнтонном встал такой выбор, и этот мужчина принял неожиданное решение.

Его решение — не легкомысленный жест.

У этого решения будут последствия, и они самым непосредственным образом повлияют и на меня тоже.

Мне в голову пришла мысль, от которой по телу вдруг побежал холодок.

Это смело, это не вовремя и совсем преждевременно, но я думаю об этом прямо сейчас и ничего не могу поделать со своими мыслями.

Что, если только предположить... что положение дел изменится настолько, что однажды мне предложат стать обладательницей первой роли?

Учитывая, что произошло сегодня, такой расклад вполне вероятен.

Я неосознанно примерила фамилию Хэнтон и почувствовала себя так, словно меня окатили холодной водой.

Почему мысль эта так меня пугает?

Представляю лицо Джона — не страшно.

Представляю свою жизнь в этом доме — тоже не страшно.

Представляю кольцо на своем пальце — становится очень страшно.

Мне повезло отделаться от Тома, пойдя что не так, отделаться от Джона будет невозможно...

Но я люблю этого мужчину. Очень!

Я обязана ему всем!

Джон вернулся. Я улыбнулась ему, а он с теплом смотрит на меня в ответ.

И все-таки, что, если этот мужчина предложит мне фамилию Хэнтон...

Как я поступлю?